

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Дознание в Риге

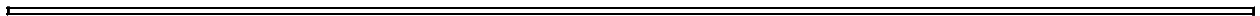
Annotation

Действие романа происходит в 1898 году. Друг Лыкова лифляндец Ян Титус поехал в Ригу на похороны старшего брата Язепа. И выяснил, что брат был убит. Полиция не хочет искать виновных. Язеп Титус был вор и барыга; убили – так ему и надо... Когда Ян начинает собственное дознание, ему советуют убраться из города. Узнав об этом, возмущенный Лыков приезжает в Ригу на помощь товарищу. И они начинают искать убийц самостоятельно. В ходе дознания им попадаетесь чья-то шпионская сеть, также друзья сталкиваются с многочисленными головорезами рижских форштадтов. В Риге немецкое засилье, и русским сыщикам приходится нелегко. Начавшаяся война банд еще более затрудняет поиск...

- [Николай Свечин](#)
 - [Глава 1. Беспокойная весна](#)
 - [Глава 2. Рига осаживает гостей](#)
 - [Глава 3. Незаконное дознание](#)
 - [Глава 4. Новые обстоятельства](#)
 - [Глава 5. Законное дознание](#)
 - [Глава 6. Прибивка знамени и другие развлечения](#)
 - [Глава 7. «Дюна»](#)
 - [Глава 8. Количество подозреваемых растет](#)
 - [Глава 9. Появляются товарищи](#)
 - [Глава 10. Горячий след](#)
 - [Глава 11. Конец истории](#)
 - [Эпилог первый](#)
 - [Эпилог второй](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

Николай Свечин
Дознание в Риге

Глава 1. Беспокойная весна

Апрель 1898 года выдался для Лыкова трудным. В Донецком бассейне появилась опаснейшая шайка. Пять человек на конях, хорошо вооруженные и дерзкие, нападали на казенные и частные учреждения. За месяц были ограблены карета Славяносербского уездного казначейства, контора рудника в Ольховатке, и сожжены две помещичьих усадьбы. Восемь человек убито, двое раненых умерли потом в больнице... Екатеринославский губернатор отправил в министерство паническую телеграмму, требуя прислать столичных волкодавов. Горемыкин^[1] подумал-подумал и вызвал к себе директора Департамента полиции Зволянского. Старый и молодой саврасы^[2] имели одну любовницу на двоих и потому понимали друг друга с полуслова. В итоге надворный советник Лыков поехал в Екатеринославль.

Когда он представился начальнику губернии князю Святополк-Мирскому, тот был ошарашен. Дернув себя за седой ус, князь спросил:

– А что, вы один прибыли?

– Точно так, ваше сиятельство, – почтительно доложил гость. – Согласно распоряжению господина министра внутренних дел. На помощь местным силам.

– И что вы тут сделаете? – взвился генерал-майор. – В единственном числе. Чем поможете нашим силам? Я полагал, пришлют целый отряд.

Губернатор воевал с турками на одном с Лыковым театре военных действий – на Кавказском. Оттого Алексей решил не дерзить генералу, а объясниться.

– Помочь можно и нужно опытом, ваше сиятельство, – сказал он. – Числом-то зачем? Ваших людей вполне хватит, чтобы уничтожить банду. Надо лишь ее найти.

– А вы, стало быть, опытни, раз министр прислал именно вас? – со смесью ехидства и одновременно надежды спросил князь.

– Надо полагать, да, – лаконично ответил Лыков.

Святополк-Мирский скользнул взглядом по наградам чиновника, задержался на солдатском Георгии.

– Этот за что получили?

– За службу пластуном в Кобулетском отряде в 1877 году.

– Прошу простить мою резкость! – Святополк-Мирский подбежал к Лыкову и протянул ему руку. – Там у вас такое творилось!

Мы под Карсом и орденов больше видели, и пространства для маневра. А под Кобулетом, в этих проклятых малярийных болотах... Столько народу положили, штурмуя ничтожные скалы. Называйте меня Петр Дмитриевич.

— А я Алексей Николаевич, с вашего позволения. Если угодно, я изложу план действий, как собираюсь ловить этих негодяев.

— Тогда давайте позовем вице-губернатора, — спохватился князь. — Я, знаете ли, команду губернией лишь с первого января. Не вошел пока до конца в дела. А статский советник Князев служит здесь с конца ноября. Представляете? Обновили весь начальствующий состав в губернии, и еще что-то требуют...

Лыков терпеливо дождался прихода вице-губернатора. Если Святополк-Мирский носил усы и бороду, подражая нынешнему государю, то Князев остался верен моде прежних лет. Седые усы его переходили в бакенбарды, как у давно покойного Александра Второго. Оба властителя Екатеринославля выглядели довольно импозантно. Каковы они в деле?

Вице-губернатор принес плохую новость. Пока Лыков добирался досюда, банда ограбила динамитную фабрику возле станции Петровеньки. И забрала восемь пудов взрывчатки.

— Они так мне всю губернию на воздух подымут! — схватился за голову Святополк-Мирский.

— Видимо, нацелились на какой-то банк, — предположил надворный советник. — Будут курочить несгораемый шкаф. Можно даже догадаться, где...

— Ну-ка, ну-ка, — оживился вице-губернатор. — Так вот сразу? Не побывав на месте?

— Да, господин Лыков — личная креатура министра, — заявил князь. — И воевал на Кавказе, в Кобулетском отряде.

Но статский советник лишь отмахнулся. Он смотрел на гостя с недоверием и ждал от него какой-то глупости.

— Динамитом нельзя взрывать шкафы, в которых помещены банкноты, — начал Алексей. — Иначе они погибнут при взрыве. Сгорят.

— Так-так... И что из того?

— Другое дело, если там спрятано золото. В монетах или слитках.

У обоих чиновников вытянулись лица.

— Где в вашей губернии в ближайшее время намечен большой платеж в золоте? — закончил свою мысль сыщик.

И сразу же Князев закричал:

— Точно! Точно! Вы гений, господин Лыков!

— Так где?

– Я сегодня только говорил об этом в казначействе. На Луганский патронный завод через три дня привезут жалование. Там половина будет пятерками и полуимпериалами. Восемьдесят тысяч в звонкой монете!

В последовавшем после этого сумбурном разговоре Алексею удалось провести свою мысль. Начальники губернии предлагали нагнать к заводу казаков и порубить бандитов в капусту. Прямо на месте. Лихой князь собирался вспомнить боевую молодость и чуть не лично казнить бандитов. Сыщик едва убедил его в том, что это бесполезно: злодеи обязательно узнают о засаде. И не придут. Когда в операцию вовлечено много народа, утечка сведений неизбежна.

– Что же предлагаете вы? – спросил Князев. – Кстати, позвольте представиться: Владимир Валерьевич.

– Я предлагаю, Владимир Валерьевич, проникнуть туда малому числу людей. Но отборных. Готов стать в засаде вместе с ними. Главное – сделать все незаметно.

– А мне с вами нельзя? – вскинулся Святополк-Мирский. – Эх! Да знаю, знаю, что вы скажете...

Вот чудак!

В итоге план засады был быстро разработан. Вызвали полицмейстера Екатеринославля Гаврилова и приказали ему отобрать пятерых самых смелых людей из своего кадра. Лучше с боевым опытом. Шестым к ним присоединился Лыков.

Через три дня под усиленной охраной на патронный завод были доставлены опломбированные мешки с наличностью. Полицейские по одному проникли в кассу и спрятались там. Всю ночь они не сомкнули глаз. Но никто не напал.

То, что засада раскрыта, выяснилось утром. Пришел мальчишка и принес клочок бумаги. Велели передать «дяденьке главному полицейскому». В записке оказалась всего одна фраза: «В следующий раз». Рядом непристойный рисунок... В заводской конторе у бандитов явно был наводчик, он и предупредил о ловушке.

Так убийцы избежали засады. Но и нападения не случилось! Губернатор был доволен. Он поверил в способности Лыкова и обещал ему полную поддержку. Вся екатеринославская полиция рвалась в бой и только ждала от командированного указаний. Однако как поймать банду?

Алексей поехал в Луганск. Город стал столицей уезда чуть больше десяти лет назад. В конце прошлого века он вырос вокруг чугунолитейного завода. Завод специально был создан под потребности Черноморского флота. Парижский мир 1856 года уничтожил и флот, и Луганск вместе

с ним... Сейчас корабли под Андреевским флагом снова плавали по Черному морю, но предприятие уже было разорено. На смену ему пришли свечные и махорочные заводи, а еще угледобыча. Из 32 волостей уезда уголь открыт в 24. Его добывают более 60 прекрасно оборудованных шахт. Но это не все углекопы. Повсюду в уезде виднеются так называемые «дудки» – примитивные забои, которые выкопали на своих землях крестьяне. Они расположены прямо на крестьянской наделной земле. И мужики кайлом и воротом добывают антрацит, реализуя его с выгодой крупным покупателям.

Присмотревшись, Лыков сообразил: вся жизнь в этих местах крутилась вокруг угля и железной дороги. Прочие лишь обслуживали гигантский механизм добычи и доставки. Акционерное общество Юго-Восточных железных дорог заправляло делами в уезде. Другой влиятельной силой были владельцы крупных шахт, почти все иностранцы. Попавши между такими жерновами, люди ломались и подчинялись. Но вот кто-то решил воспротивиться.

Пока сыщик думал, налеты продолжались. В Бахмуте ограбили почтово-телеграфное отделение со сберегательной кассой. Убили охранника и забрали три тысячи триста рублей. А на другой день застрелили кассира Городищенковского рудника, везшего туда деньги. Святополк-Мирский послал в Луганск Князева подтолкнуть командированного. Но Владимир Валерьевич повел себя умнее. Он ни слова не сказал в упрек, а лишь спросил, чем может помочь.

– Вот глядите, что получается, – ответил сыщик, разворачивая карту Донецкого бассейна. – Заметили? Все преступления умещаются внутри трапеции. Ее вершины: Бахмут, Луганск, Александровск-Грушевской и Юзовка.

Вице-губернатор присмотрелся и согласно кивнул:

– Точно. Думаете, базис шайки где-то здесь?

– Именно.

– Но где? Площадь большая. Александровск вообще не в нашей губернии, а в Области Войска Донского. Там моей власти и нету.

– Бандиты нарочно так делают. Чтобы сыщики не могли договориться друг с другом.

– Алексей Николаевич! Что нам тогда от вашей трапеции, извините?

– Если внимательно смотреть на карту, то заметите там подсказки.

Князев опять впился глазами в план, но ничего не увидел.

– Поясните, – с некоторым раздражением потребовал он.

– Наши злодеи передвигаются верхами, – начал Лыков. – Значит,

рельсы нам не интересны. А вот шоссе... Шайка очень подвижна и возникает в разных местах. Где в уезде дороги наиболее перекрещиваются?

– Ага... – догадался вице-губернатор.

– Точно так, Владимир Валерьевич. Внутри нашей трапеции три особых пункта. Первый – это Дебальцево. Там сходятся сразу четыре важные дороги. Второй – Ивановка, что возле станции Петровеньки. Заметьте – там как раз похитили динамит. И третья точка, которая нравится мне больше других, – Государев Буерак. Возле него перекрещиваются аж пять дорог. Где-то тут базис, в одной из этих точек. Или постоянный двор, или конезавод. А может, усадьба, которую охраняют лихие ребята на сильных конях. Мне однажды встретилась такая шайка, она состояла из лесных объездчиков. Чуть не погиб, воюя с ней...^[3] Но у вас здесь лесов нет. А конезаводов много?

– Всего один, и он вне подозрений. Там отставной гвардейский полковник, и берет он к себе лишь отслуживших в конной гвардии.

– Вы думаете, среди них не может быть убийц? – скривился Лыков. – Я бы с них и начал, будь моя воля. Вообще же, беда у меня одна, как и во всей России.

– Всего одна? Назовите.

– Ничего нового, Владимир Валерьевич. Это кадры. Некому поручить, все приходится делать самому. А ведь я здесь чужой, местных обстоятельств не знаю.

Князев понял Алексея сразу. В губернском правлении та же беда. Но хотя бы есть канцелярия, чиновники особых поручений... А тут? Славяносербский исправник имеет в подчинении шесть городских. Еще с десятков фабрично-заводских надзирателей и пару станowych приставов с урядниками. Сыскное отделение Екатеринославля? Оно внештатное, как большинство отделений в России. Все люди наперечет. Едва успевают ловить жуликов в губернском городе.

– Все-таки пришлите мне пару человек из сыскного, – попросил Лыков. – Нужно объехать указанные пункты. Один я потрачу неделю, а за это время еще кого-нибудь убьют.

– Немедля телеграфирую полицмейстеру, – вскочил статский советник.

– Но только секретным шифром. Есть он у вас?

– Нету...

Лыков вздохнул:

– Тогда поехали вместе в Екатеринославль. Здесь, возможно, за мной уже приглядывают...

– Вы полагаете?

– Я допускаю. Городок небольшой. Да и устал я от него, по правде.

Сыщик и вице-губернатор вернулись вместе. Через сутки три человека отправились в дорогу. Алексей выбрал себе самый привлекательный пункт – Государев Буерак. Большое село в ста верстах южнее Бахмута. Недалеко от него важный перекресток, именно там и сходятся сразу несколько шляхов. Очень удобно для шайки: можно быстро перекинуться куда угодно.

Лыков пробыл в селе все утро и остался доволен увиденным. Постоялый двор! Там хозяйничал старик в свитке, мрачный и неприветливый. Эдак же всех гостей отводишь. Но дедушке люди, похоже, были ни к чему. Стойла на десять лошадей, буфет с водкой и пивом, пяток комнат. Хозяйство большое, а помещается на отшибе. Из прислуги кривой мужик и рябая баба, словно их нарочно таких подбирали.

Но как распорядиться наблюдением? Мрачный старик... Может, у него нутро больное, вот он и невесел? Однако место, какое место! Был бы я атаманом разбойничьей шайки, думал Лыков, я бы здесь обосновался. Раз – и в соседнем уезде. Два – и в соседней губернии.

Мысли сыщика не успели оформиться во что-то цельное. Он поехал встречаться с приданными ему агентами, а там события завертелись с неожиданной быстротой.

Сыщики договорились встретиться в буфете второго класса станции Юрьеве. Эта часть пути принадлежала казне. Но два участка Донецкой железной дороги – Зверево – Лисичанск и Дебальцево – Хацепетовка – были переданы обществу Юго-Восточных дорог в аренду. ЮВЖД брала себе в уезде лучшие куски.

Когда надворный советник вошел в зал, оба агента уже ждали его. И по взволнованным лицам он понял, что у них есть новости.

Так и оказалось. Вольнонаемный надзиратель Иван Полотенцев доложил следующее. Здесь, в Юрьеве, он познакомился с молодым человеком, назвавшимся местным помещиком Савельевым. Тот увидел на перроне новое лицо, подошел, познакомился – и тут же огорошил Ивана предложением. На его дом готовятся напасть, сказал помещик. Сегодня ночью! За полицией бежать бесполезно. Станционный жандарм отказался, а пока доберешься до уезда, всех домашних перебьют. А у него там жена беременная и двое маленьких детей. Он предлагает новому знакомцу пятьсот рублей, если тот согласится провести ночь в имении. Телеграмма в губернский город уже послана, утром явится подмога.

– А ведь это наши! – сразу предположил надворный советник.
– Так точно, – подтвердил Полотенцев. – Мой наниматель сказал: нападут те, которые грабят в уезде.

– Где Савельев?

– Ждет в чайной неподалеку.

– Что вы ему обещали?

– Поддержку, – ответил агент и посмотрел на начальство с вызовом. Подумал и добавил: – Не можем же мы его бросить! Мы – полиция. Обязаны защищать людей. А там дети и жена брюхатая...

Второй агент по фамилии Роцин, спокойный блондин лет тридцати пяти, с интересом слушал. Весь его вид показывал готовность сразиться.

– Правильно обещали, – одобрил Полотенцева надворный советник. – Вот только револьверами нам ночью от них не отбиться. Есть где-нибудь поблизости оружейная лавка?

– Не знаю, надо у Савельева спросить.

Так началась эта операция, много тогда наделавшая шуму на юге России.

Когда сыщики вошли в чайную, помещик нервно грыз баранку и смотрел на дверь. Молодой мужчина с русыми волосами и окладистой бородой, совсем партикулярной наружности. Как такому защититься? Увидев троицу, он растерялся. А приглядевшись к Лыкову, повеселел. Действительно, при виде Алексея впечатлительные натуры сразу успокаивались...

– У меня хватит денег, – первым делом заявил Савельев. – Непременно, непременно заплачу. Если кто-то из вас завтра съездит со мной в Бахмут.

– Я надворный советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции. Эти двое – сыскные агенты. Разумеется, мы защитим вас безо всяких денег.

– А... э...

– Нам понадобятся ружья, заряженные картечью. У вас есть что-нибудь в имении?

– Двустволка и нарезной штуцер.

– Необходимо срочно достать еще три ружья. И зарядов пятьдесят картечи, лучше согласованной^[4].

– Я могу, – вскочил помещик. – Сосед мой – охотник, он не откажет. У него целый арсенал. Защитить меня побоялся, но хоть ружья даст. Едемте туда.

– Ни в коем случае, – осадил мужчину Лыков. – Мы сейчас уйдем.

- Но... как же я? Вы же обещали!
- Как вас зовут?
- Сергей Ильич Савельев.
- Сергей Ильич, за вами ведь наверняка следят.

Помещик затравленно огляделся:

- Да тут нет никого!
- Снаружи следят. Это уж непременно, – веско пояснил Лыков. –

Иначе такие вещи не делаются. Поэтому мы поступим так. Выходим все вместе. Вы трясете бумажником, мы дружно мотаем головами и чешем на станцию. Вы, будто бы в расстройстве, возвращаетесь к себе в имение. Один. Ясно?

- Да, но что потом?
- Следующая станция в сторону Луганска будет Ивановка?
- Точно так.
- Пусть там встретит нас ваш доверенный человек. Есть такой?
- Да. Григорий, мой камердинер.
- С возом, груженным сеном.
- А...

– Именно, вы правильно догадались. Григорий спрячет нас под сеном и доставит в имение. Вы же за это время добываете ружья. Все понятно?

– Но зачем такие тайны? Почему мы не можем прямо сейчас поехать ко мне?

– Тогда бандиты не нападут. Трое новых защитников. Это слишком много для них.

– Так и хорошо, что не нападут! – радостно воскликнул Савельев.

– А нам надо, чтобы напали, – тихо сказал ему Алексей.

– По-о-нял... – протянул помещик, потоптался в растерянности и пошел к выходу.

На улице Лыков незаметно осмотрелся. Вокруг толкался народ, стояли какие-то возы, с подошедшего поезда валила целая толпа. Наблюдателю было где спрятаться.

Отмахнувшись от нанимателя, сыщики направились на станцию. Савельев, как и было оговорено, семенил следом и тряс бумажником. Наконец отстал и понуро двинулся к своей бричке. Удастся ли ему собрать оружие? Против пяти винтовок ночью будет туго.

Выждав часа два, агенты с Лыковым сели на поезд и проехали одну остановку. Когда сошли, их уже ждал мужик гвардейского роста, хваткий и надежный на вид. Он быстро забросал гостей сеном и куда-то повез. Ехали долго. У Лыкова чесалось все тело, хотелось поскорее вылезти

и отряхнуться. Но нельзя – дважды по пути с Григорием кто-то заговаривал.

Когда не чесаться стало уже невозможно, телега въехала во двор. Стукнули ворота, и раздался голос Сергея Ильича:

– Вылезайте, господа!

Сыщики выбрались наружу и отряхнулись. Потом прошли в дом. Большой особняк был почти пуст. Жена, с выражением неизбывного ужаса на лице, едва не разрыдалась при виде гостей.

– О, благодарю вас, благодарю! – запричитала она. – Все нас бросили: и кухарка, и дворник, и конюх. Один Григорий остался. Если бы не вы...

– Успокойте детей, – сказал ей Лыков. – Да и сами тоже... Чаю хоть выпейте, что ли. Обещаю: ничего дурного с вами не случится.

Дальше начались приготовления к осаде. Надворный советник отыскал место за печью, наиболее укрытое от выстрелов. Он велел постелить туда перины и поместить женщину с дочками. Девчонкам принесли за печь игрушки, даже поставили сбоку самовар. В хлопотах Савельева забыла о страхе и занималась ужином. Начало темнеть.

– Сергей Ильич, к вам два вопроса, – обратился к хозяину Алексей. – Первый: достали ли вы оружие и заряды?

– Да! Вот они здесь, взгляните.

Лыков осмотрел двустволки – годятся. Они были в хорошем состоянии, вычищены и смазаны. Патроны с волчьей картечью его тоже устроили. Сыщик взял себе обычную тулку и тут же зарядил ее. Агенты разобрали ружья, досталось и Григорию. Хозяин вооружился штуцером.

– Все готовы? Тогда второй вопрос: как вы узнали о нападении?

Вместо Савельева ответил камердинер:

– Это я.

– Что вы?

– Прознал я. Через Авдотью.

– Так. Что за Авдотья? Сергей Ильич, изложите сами. А то мы до утра не выясним.

– Алексей Николаевич, может, по местам разойдемся? – стал канючить Савельев. – Скоро сумерки. Южная ночь не как в Петербурге, много не повоюешь. Они явятся до темноты.

– Не бойтесь, у нас еще около часа в запасе. Рассказывайте.

Помещик вздохнул, оглянулся на окно, которое Лыков запретил закрывать ставнями, и начал:

– Авдотья – это здешняя вдова, она держит махорочную плантацию. И пытается женить на себе Григория...

– Нужна она мне больно! – вставил камердинер.

– ...Нынче утром Авдотья вызвала его на крыльцо и там огорошила. К вам, сказала баба, ночью наведаются. Головорезы, что всю округу запугали. Шайка о пяти конях беглого казака Рябухина.

– Рябухин? Вот мы уже и фамилию атамана выяснили, – бросил агентам Лыков. – Но продолжайте.

– Баба сказала, что ее подослали они, чтобы предупредить. Мол, сопротивляться не нужно, отдайте все добро, какое есть, по-хорошему. Иначе убьем.

На этих словах голос хозяина дрогнул, и он снова оглянулся – на этот раз на жену с дочками.

– Что было дальше?

– Дальше? Содом начался, вот что было дальше! – нервно выкрикнул Савельев. – Прислуга сбежала. Работников я нанял огород копать, так те тоже все врассыпную. И остались мы одни... Еще Григорий, храни его Христос. Понятно же, что сдаваться им нельзя. Обманут. Заберут ценное, а нас всех прикончат. Побежал на станцию, говорю жандарму: вызови сюда команду из уезда, меня убить хотят! Он отвечает: в уезде никого нет, разъехались по шахтам. Чтобы собрать, уйдет два дня. Я начал отбивать телеграмму исправнику. Едва отправил – линию перерезали! Они, сволочи, и перерезали, больше некому. Одним словом, руки опустились... страшно сделалось. Пропадем же. Стал ходить по станции, людей звать, деньги предлагать. А все от меня, будто от прокаженного... Вот, встретился господин Полотенцев. Принес надежду. Вас сюда Бог послал, Бог!

– Руками министра внутренних дел, – усмехнулся надворный советник. – Ну, теперь пора.

Он развел защитников дома по номерам. Рощину велел караулить зады. Маловероятно, чтобы бандиты зашли со стороны огорода. Конные, никого не боятся, даже заранее предупредили... Подъедут по дороге и сразу начнут стрелять. Но береженого вышеупомянутый бог бережет.

Савельева сыщик поставил в сенях, смотреть за двором. А Григорию и Ивану Полотенцеву поручил по крайнему окну; среднее взял себе. Лыков надеялся, что именно на него и выйдут бандиты, и решил угостить от души. Руки чесались. Если их прихода противник не заметил, то дело его плохо... Пора, пора остановить нелюдей. Удачно как сложилось: поехал на разведку, а угодил в бой! Вот славно. Алексей был абсолютно спокоен и жаждал лишь одного: чтобы банда пришла. И его спокойствие передалось остальным.

Сыщик счел необходимым предупредить защитников:

– Учтите, они немедля начнут стрелять, как только подъедут. Поэтому лежите и не вставайте. До моей команды никому не высовываться.

– Зачем же тогда разбойники меня предупреждали? – удивился Савельев. – Мол, не надо сопротивляться. Для чего после этого стрелять?

– Чтобы запугать, – объяснил Лыков. – И потом, вдруг вас сразу убьют или ранят? Меньше хлопот.

Хозяин поежился и ушел в сени.

Защитники просидели на своих позициях целый час. Наступили сумерки. Скоро ни зги не увидим, подумал Лыков. И тут со стороны станции послышался топот. Верховые шли наметом. Пять или шесть всадников, по звуку определил Лыков. Он приказал задуть свечи и всем лечь на пол. Савельева сгрудил дочек. Сыщик услышал, как она уговаривает их не бояться:

– Сейчас будет страшно, но потом пройдет!

Перебить этих сволочей, подумал он в сердцах.

Всадники остановились перед домом. Никого не стесняются! Как и обещал надворный советник, они без разговоров открыли огонь.

Пули с визгом влетели в окна, посыпалось на пол разбитое стекло. Зазвенел шкаф, лопнула лампа под абажуром. Но люди уцелели, поскольку были готовы. И когда бандиты начали перезаряжаться, Лыков поднялся с пола и крикнул как можно громче:

– Отделение, огонь!

И выстрелил в ближайшего всадника. Тут же перевел прицел и жажнул по его соседу. Три ствола поддержали его. Картечные выстрелы ударили по верховым и сбили их с места. Никто не упал, но бандиты смешались – и обратились в бегство. Быстро вставив новые заряды, сыщик добавил им вслед, но больше для порядка. Всадники стремительно унеслись, откуда пришли. И сразу в доме стало тихо.

Через минуту пятеро мужчин собрались в зале. Рощин был раздосадован: он пропустил все веселье. И ни разу не выстрелил! Григорий утверждал, что попал в атамана и тот «уехал помирать». Савельев же первым делом кинулся за печь, успокоить домашних. А лихорадочно возбужденный Полотенцев требовал немедля пуститься в погоню.

Лыков дал всем прокричаться и сказал:

– Ну, урок они получили, и на том остановимся.

– Алексей Николаевич! – хором взмолились агенты. – Давайте добьем этих гадов!

– Не выйдет. Как вы думаете, скольких мы зацепили?

– Да всех! – изрек Григорий, воинственно потрясая ружьем.

– Двоих, – коротко поправил его Лыков.

– Двоих? – с досадой переспросил Рощин и посмотрел в окно, за которым стремительно темнело.

– Да. Одного сильно. Думаю, мы найдем его поблизости, на дороге. Второго легче, но он потеряет много крови, пока его перевяжут. И значит, тоже не боец. А сколько осталось?

– Трое? – наугад спросил Савельев.

– Четверо. С винтовками. Это много. Сейчас ночь, если будем преследовать – они могут затаиться и встретят нас огнем, как встретили мы их. Вы готовы, Сергей Ильич, рискнуть жизнью, чтобы добить поганцев?

– Нет, разумеется! – выкрикнул в ужасе хозяин. – Отбились, и слава Богу! Ждем здесь утра и подмоги.

Надзиратели и Григорий стали было шуметь – после удачного боя их распирало геройство. Но Алексей быстро утихомирил вояк. Он приказал закрыть ставни и объявил:

– Все! Опасность миновала. С двумя ранеными на руках они не нападут. Им сейчас не до нас. Живите, как обычно, и можете начать уборку в доме.

Помолчал и добавил:

– Они к вам, Сергей Ильич, больше никогда не вернутся. Да не только они. У вас в округе теперь такая репутация, что вся нечисть забудет сюда дорогу.

Помещик сел на стул и улыбнулся. До него лишь сейчас стало доходить, что произошло...

– Алексей Николаевич, а кто в них попал? – спросил Полотенцев. – Я ведь тоже пальнул, и даже прицелился. Но что-то сомневаюсь...

– Попал в обоих я, первым залпом, когда это было неожиданным. А вы все били уже в молоко.

– Так уж и в молоко! – возмутился Григорий. – Мой ажно через голову перекувыркнулся.

– И что, лежит сейчас там, под окнами? – съязвил надворный советник.

– Может, и лежит!

– Выйди, посмотри.

– Ну, может, и не лежит...

– Никого там нет. Ваша стрельба ущерба бандитам не нанесла. Трудно попасть в движущуюся цель в темноте. Но зато вы их напугали. Так что все равно молодцы!

Савельев полез в шкаф за бутылкой коньяку, но был разочарован.

– Ой! Прямо в нее угодили. Алексей Николаевич, вас и угостить теперь нечем.

– Рано пока. Мы с господином Роциным пойдем в разведку. Готовы, Роцин? А то жалели, что опоздали на веселье.

– Готов, ваше высокоблагородие.

– Зачем, Алексей Николаевич? – побледнел помещик. – Мало ли что? Вдруг сидят они за бугорком и вас дожидаются.

– Никого они не дожидаются, а летят по шляху что есть силы. А выйти нам надо, чтобы проверить.

– Проверить?

– Да. Тот, в кого я попал первым выстрелом, далеко уйти не мог. Если жив, то возьмем в плен. Будет язык. Если помер уже, обыщем тело – вдруг какие подсказки найдем? Это для вас, Сергей Ильич, все кончилось. А нам завтра остальных искать!

Надворный советник взял керосиновую лампу и смело вышел с ней в темноту. Тулку он оставил в доме, но револьвер держал наготове. Роцин шел рядом и нервно поводил стволом ружья вокруг.

Они нашли тело в ста саженях от дома. Человек лежал на дороге, рядом стояла лошадь. Надворный советник подошел, посветил.

– Черкес! – воскликнул агент.

– Скорее, осетин, – поправил его Алексей.

– Но он в свитке!

– Ну-ка распахните ее.

Роцин дернул за полу, и под свиткой открылся горский бешмет. На поясе виднелся большой кинжал.

Тут человек застонал и открыл глаза.

– Живой, гнида! – отскочил екатеринославец.

– Ну, недолго осталось, – успокоил его Лыков. – Взгляните на голову. Несколько картечин угодили. Как только мозги не вылетели?

Сыщики обыскали раненого и нашли при нем пачку бумаг. Потом взяли за руки за ноги и потащили в дом. Особо с разбойником не церемонились и медицинскую помощь оказывать не торопились. Горцы – упрямый народ. Вряд ли на допросе умирающий абрек выдаст сообщников. Пусть подыхает...

В доме пленного кое-как перевязали, но он не приходил в сознание. Ясно, что к утру помрет. Лыков осмотрел бумаги и к своему удивлению обнаружил среди них паспорт бандита. Тот действительно оказался осетином по имени Насып Экажев. Еще отыскились письма, но на татарском, и сыщик не сумел их прочесть. Ладно, потом разберутся.

Уже ясно, что банда получила отпор и понесла потери. Сейчас им не до разбоев. Следует сосредоточить все силы на поиске второго раненого. Бумаги Экажева тоже помогут сыщикам. Скорее всего, банде конец.

Утром на станцию Юрьево прибыли из Екатеринославля шесть жандармских унтер-офицеров во главе с вахмистром. Они обыскали окрестности и нашли неподалеку от Алмазного рудника окровавленные тряпки. Здесь разбойники перевязывали своего товарища.

А Лыков простился с Савельевым. Он отмахнулся от слов горячей благодарности, сказав:

– Я тоже вам признателен.

– За что? – поразился Сергей Ильич.

– Да за помощь. Так бы мы месяц бегали за негодьями по всему Донецкому бассейну. А тут они сами пришли.

Еще на правах старшего надворный советник разрешил агентам принять от помещика награду. Полотенцев и Рошин получили по пятьсот рублей, как и было обещано. Они остались очень довольны. Еще бы, чуть не годовое жалование. Сыщики сговорились с Савельевым не рассказывать о награде полицмейстеру и уехали одним поездом.

В Екатеринославль Алексей явился победителем. Губернатор уже знал о ночном бое и принял надворного советника сразу. Тот изложил, как было дело, и показал трофей. Святополк-Мирский со знанием дела обсудил достоинства кинжала, поблагодарил сыщика, а потом объявил:

– Вынужден с вами расстаться, Алексей Николаевич. Начальство прислало телеграмму и срочно требует вас в Петербург. Вот, прочтите.

Директор Департамента полиции приказывал Лыкову немедленно вернуться. Видимо, случилось что-то чрезвычайное.

– Мы доделаем без вас, – успокоил сыщика появившийся Князев. – Только что пришел экспресс^[5] из Славяносербска. Раненый найден! Уже арестован в земской лечебнице. Некто Рябухин, дезертир из донских казаков.

– Так это я атамана зацепил? – обрадовался сыщик.

– Атамана? – удивились начальники губернии.

– Да. Он главный в шайке, по словам свидетелей. Надо, конечно, проверить, но весьма вероятно.

– Замечательно, если так! – воскликнул Святополк-Мирский. – Глядишь, и всей шайке конец.

– Сильно я его? – спросил Лыков у вице-губернатора.

– Правую руку пришлось отнять. Сейчас у палаты выставлен караул, везти раненого сюда доктора не разрешают. Может и помереть – много

крови потерял.

– А пусть сдохнет...

Вернувшись в столицу, Лыков прямо с вокзала отправился на Фонтанку, 16. Ввалился к директору без доклада, фамильярно уселся в кресло, выложил кинжал и сказал:

– Гляди, какая у меня штука есть.

– Ух ты! – опешил Зволянский. – Серебром обложен. Это базалай?^[6]

– Да. Только делал не Уллу, а его брат Али. Он похуже был мастер, но тоже знаменитый.

Директор повертел клинок в руках, осторожно испробовал пальцем лезвие. Потом вдруг предложил:

– А подари его Горемыкину. Старику будет приятно.

– Запросто. Тем более Уллу у меня есть, с войны остался, дома на ковре висит. Но как это преподнести?

Полицейские стали совещаться и пришли к выводу, что дарить кинжал не следует. В России вообще презенты от подчиненных начальству не приветствовались. Разве что иконы, и то когда шеф уходит. А так ни к чему. Наградит, к примеру, министр надворного советника, причем заслуженно. А злые языки скажут, что это в благодарность за подаренный дорогой клинок. Зачем такие сложности?

В итоге сыщик убрал кинжал обратно в ножны и спросил:

– Чего вызывал-то, Сергей Эрастович? Я там чуть-чуть не доделал.

– Без тебя доделают. А вот Варшава в истерике, Лыкова требует.

– Варшава? Зачем?

– Там объявился Шпрингфедер.

Лыков присвистнул:

– Большой Пан? Вот это да... И что с того? Я-то для чего полякам понадобился?

– Чтобы его взять. Они боятся, что сами не справятся.

– Глупости! Пусть ввалятся десять человек и повяжут. Против такой толпы никто не устоит, и Шпрингфедер тоже.

– Говорю же, опасаются. В прошлый раз ввалились шестеро самых крепких. Он им по шеям настучал и ушел. Причем именно ушел, не спеша, вразвалочку.

Рудольф Шпрингфедер по кличке Большой Пан был легендарный польский налетчик. Он одновременно руководил несколькими шайками. Человек огромной физической силы, главарь при этом был умен и образован, а еще очень деятелен. Шпрингфедер знал шесть основных европейских языков и орудовал по всему континенту. Более того, Большой

Пан даже ездил в Южную Америку, где тоже наделал немало шума. Варшавское сыскное отделение гонялось за ним много лет. Или лишь делало вид? Теперь сыщики нашли притон, в котором поселился знаменитый «иван». И боялись осрамиться, звали подмогу.

– Ну хорошо, – пожал плечами Лыков. – Съезжу, раз они так просят. Подписывай командировку.

Зволянский протянул ему лист бумаги:

– Уже. Иди в кассу, получай прогоны и – на вокзал. Поторопись, пока парень не сбежал.

Сыщик ушел. А директор взял со стола бланк телеграммы и в очередной раз перечитал его. Екатеринославский губернатор князь Святополк-Мирский сообщал о разгроме банды грабителей и о роли в этом командированного чиновника. И просил для него награды. Вздыхнув, Зволянский убрал бумагу в папку для доклада.

Дело в том, что Лыкова было очень трудно награждать. Все ордена, какие полагались надворному советнику, он уже имел, притом с избытком. Владимира третьей степени, например, даже сам Зволянский выслужил лишь недавно. Хотя действительный статский и директор департамента. А его предшественник Добржинский так и помер на посту, не получив этого отличия. А у Лыкова есть. И как теперь его отметить? Производить Алексея в полковничий чин начальство не хотело. Для этого имелись причины. По своим способностям Лыков не подходил ни одному делопроизводству. Департамент полиции свел свою деятельность фактически к двум основным направлениям: политический сыск и хозяйственное регулирование. Алексей же был сыщик от бога, но сыщик уголовный. Политики он, по наказу Благово, сторонился. И получалось, что должность чиновника особых поручений ему подходила лучше всего. А в департаменте не было и не предвиделось такой вакансии для коллежского советника. В России и без того каждый пятый служивый занимал должность ниже имеющегося у него чина. И начальству приходилось следить за соответствием этих двух иерархий.

Вручать Лыкову денежные награды, столь желанные для других, было глупо: и так богач. Благодарности министра? Их у него уже полдюжины. Высочайшего благоволения сейчас, при новом государе, не допросишься, но их у Алексея и без того три. Получался тупик.

Между тем Лыков являлся очень удобным подчиненным. Он никогда не капризничал, не требовал особого к себе отношения. И всегда выполнял поручения. Начальство знало, что он засадит злодея за решетку любой ценой. Многим в министерстве методы Алексея казались жестокими

и незаконными, особенно либералам и чистоплюям. Он не стеснялся выбить из преступника признание силой. Мог натравить арестованных друг на друга. Не задумываясь, фабриковал улики, если это помогало дознанию. Запугивал, шантажировал и ломал. Главное, что в тюрьму попадали настоящие виновники, а не те, кого было удобнее и легче засадить.

Надворный советник понимал свое положение и не роптал. Более того, с ведома начальства он сам готовил себе будущее место. Еще покойный Благово задумал реформу сыскной полиции. Общее руководство – вот чего ей не хватало. Каждое отделение работало самостоятельно, а департамент помогал лишь сведениями и картотекой. Лыков планировал создать в их ведомстве новое делопроизводство. Оно должно было заниматься уголовным сыском и координировать деятельность провинциальных отделений. Во главе делопроизводства он, естественно, видел только себя.

Руководители министерства понимали необходимость реформы и поддерживали Лыкова. Но финансовые соображения, как всегда, брали верх. Соответствующие департаменты Сената упрямылись, Витте тоже. Между тем рост уголовной преступности бил рекорды. Страна быстро криминализировалась. Юг России, Кавказ, все три столицы^[7] захлестывали грабежи. Кражи сделались повседневны, и сильно выросло число покушений на жизнь. В полицейских сводках стали встречаться происшествия, вчера еще немыслимые.

Взять хотя бы нынешний девяносто восьмой. Год только начался, а уже такое... Вот случай в тихом Курске. В ночь с 7 на 8 марта неизвестные заложили разрывную бомбу в собор Знаменского монастыря. Он славен чудотворной иконой Знамения Пресвятой Богородицы. Аккурат под образ и сунули динамит! Что за люди такие? Видимо, злоумышленники хотели устроить взрыв во время всенощного торжественного бдения. А когда поднимется паника, под шумок пограбить. По счастью, расчет не оправдался, и бомба рванула в час ночи, когда собор пустовал, – иначе жертв было бы не счесть.

А в Варшаве только что! Наступила весна, и соскучившиеся горожане валом повалили на Саску Кемпу. Это дачная местность по правому берегу Вислы, вся уставленная летними ресторанами. Компания из восемнадцати мужчин и двадцати двух дам отправилась на пикник. Сняли зал в увеселительном заведении «Прадо» и начали танцевать. Но вскоре ввалились двое неизвестных. Мужчины быстро их вывели, однако возникло подозрение, что это были разведчики и на компанию готовится нападение. Дам отправили на второй этаж, а джентльмены стали баррикадировать двери. Действительно, явилась банда в три десятка головорезов! И пошла

на штурм «Прадо». Завязался настоящий бой. Нападавшие окрыли стрельбу из револьверов и взялись за ножи. Среди гуляк тоже обнаружили люди с оружием. Осада ресторана длилась два часа. В итоге бандиты все же отступили. Среди оборонявшихся трое получили ножевые ранения. А полиция так и не пришла.

Даже в Петербурге дела шли все хуже и хуже. 31 марта сумасшедший застрелил городского, стоявшего на посту у ворот градоначальства. А на Пасху город потряс ряд невероятно дерзких краж. Громилы проникали в магазины через соседние помещения, разбирая стены. Поскольку из-за праздников никто не работал, они спокойно жили там двое суток. Пили, ели и справляли нужду. Высверливали замки несгораемых шкапов, шарили в витринах... Так обчистили знаменитое меховое ателье Зиновьева и магазин «Александрия» на Невском. А в меняльной лавке Кутузова, что в Гостином дворе, взяли больше ста тысяч рублей. И это в центре столицы, никого не стесняясь. Вершиной воровского мастерства стало похищение из кабинета пристава первого участка Московской части шкатулки с шестнадцатью тысячами рублей. Пристава обчистили в собственном участке! А в Киеве что творится? А в Одессе?

Результатом наработок Лыкова стал доклад, в котором он предлагал резко увеличить число сыскных отделений в России. Сейчас их не более десятка, и половина – внештатные. То есть созданы из чинов наружной полиции. Надворный советник рекомендовал открыть отделения во всех крупных городах, разбив их на разряды в зависимости от числа населения и от криминальной обстановки. А руководство отделениями возложить на то самое будущее делопроизводство Департамента полиции.

Горемыкин изучил доклад Лыкова, прозондировал почву в Министерстве финансов и наложил резолюцию: «Пока преждевременно». Алексей не обиделся. Что поделаться? Начальство не понимает, что играет с огнем. И будет суетиться потом, второпях, когда все вокруг запылает синим пламенем. Так повелось на Руси. Придется ждать пожара.

Командированный поехал домой, а на вокзал за билетом послал «красную шапку»^[8]. На Моховой ему обрадовались. Дети кинулись на шею, Варвара встала в очередь... Пришлось огорчить жену сообщением, что ночью снова надо уезжать. Правда, на этот раз ненадолго, а потом все время будет ихнее.

Лыков заканчивал обед, когда из прихожей послышался знакомый баритон. Титус! Что случилось? Почему без предупреждения?

Яан Титус был старый друг и одновременно управляющий нефедьевским именем. Сейчас ему полагалось быть в Варнавинском

уезде, сплавать заготовленный за зиму лес. Если в такую пору он бросил все и приехал, стало быть, произошло нечто чрезвычайное.

Действительно, Титус вошел с хмурым лицом и начал без предисловий:

– Извини, я понимаю, что не вовремя. Однако ничего не поделаешь. Отпусти меня, пожалуйста, в Ригу.

– В Ригу?! Зачем?

– На похороны брата.

– У тебя есть брат? Ты никогда не говорил.

– Был. Теперь не есть, а был.

Титус вздохнул горестно и сел.

– Язеп его звали. Старше меня на три года.

– Как это случилось и когда?

Управляющий пожал плечами:

– Знаю лишь то, что в телеграмме. Умер три дня назад.

– Ты не успеешь на похороны!

– Я велел без меня не хоронить.

– Езжай, конечно. Сколько тебе потребуется времени?

– Да как зароят, так сразу и вернусь. Не бойся, Рукавицын продержится неделю без меня. По Ветлуге еще ледяная крошка идет.

Рукавицын, помощник управляющего, действительно был опытный лесопромышленник. До того как поступить на службу к Лыковым, он сам гонял плоты до Козмодемьянска. Справится. Времени еще много. Ветлуга неудобна для речников из-за своих перекатов. Лес по ней можно сплавлять лишь в мае, когда половодье. А сейчас только 20 апреля.

Лыков вынул из комода сто рублей и вручил Титусу:

– Вот, на расходы.

– Спасибо, – буркнул тот, убирая купюры в бумажник.

Это была маленькая слабость Яана. Он получал жалование, как командир армейского корпуса. При этом жил в служебной квартире и имел полное содержание дровами, свечами и провизией. Выезд тоже был служебный и не стоил ему ни копейки. По итогам года, когда делились тантьемы^[9], управляющему доставалась самая крупная. Но скуповатый и прижимистый Титус копил и копил. Две дочери растут – нужно приданое. Поэтому, когда возникала необходимость, Лыков подбрасывал приятелю денег. И тот их с признательностью брал.

– Так почему я от тебя никогда не слышал про брата? – спросил хозяин. Но посмотрел на гостя и махнул рукой: – Не хочешь – не говори. Ванну налить?

- Пожалуй.
- И чаю откушаешь?
- Могу, и не только чаю. Так устал с дороги, что и водки выпью.
- Водки давай выпьем, – согласился Алексей. – Мне ведь тоже вечером уезжать, в Варшаву. Только вернулся из Екатеринославля, и опять... Знаешь, там всюду шахты, куда ни плюнь. Сколько мы строительного леса в Донецкий бассейн отправляем?
- Три тысячи кубических саженей.
- Мало! Я тут подумал...

За деловыми разговорами приятели просидели до вечера. Алексей правильно понял настроение Титуса и больше не спрашивал его о брате. Захочет – потом сам расскажет. На вокзал они поехали вместе. Ян сел в поезд до Пскова, а Лыков – на «трэнь-де-люкс»^[10]. Почему не пошиковать на казенный счет?

На следующий день он уже был на месте. Варшава нравилась сыщику своей элегантностью и европейским видом. Правда, русских там не любили. Но к Лыкову отношение польских коллег было терпимое: он не раз бок о бок с ними ходил на опасные задержания. Это сближает. Последний случай был три года назад. Алексей арестовывал в Праге^[11] печально известного дезертира Муранова. Этот негодяй убил семью офицера, у которого служил денщиком. Сам офицер уцелел потому, что был в тот день дежурным по полку. Потом он с горя наложил на себя руки... Муранов заперся в питейном заведении на Отвоцкой улице. Вооруженный винтовкой, револьвером и палашом, убийца не собирался сдаваться. Отстреливаясь через окно, он тяжело ранил городского. Штурмовать его не решались – отчаянный, много народу может погубить.

Лыков в тот момент оказался в Варшаве случайно. Он дознавал дело о фальшивых процентных бумагах, и следы жуликов терялись в пригороде польской столицы Воля. Когда сыщик услышал о случае с Мурановым, то сначала решил не вмешиваться. Преступление его не касалось, варшавские коллеги справятся сами. Но потом началась осада, и случилась ее первая жертва. Алексей смутился: приехал из России в Польшу подонком и стал убивать людей. Поляки его сюда не звали. И им же сейчас лезть под пули?

Питерец прибыл на Отвоцкую и предложил сыскным свою помощь. Варшавяки хорошо его знали и согласились. В итоге заведение забросали через окна зажигательными патронами. Все заволкло едким дымом, и в этом тумане Алексей проник внутрь и обезоружил дезертира. Заодно

сломав ему руку.

И вот теперь поляки сами затребовали столичного богатыря. Опасаются Большого Пана... Один раз упустили, да еще и бока он им намалял. Ну, сейчас не выйдет. Как всегда, Лыков был уверен в себе. Да и ребята, что поддержат, вряд ли спасуют. Варшавское сыскное отделение возникло в 1874 году, даже раньше московского. До сих пор местные жулики рассказывают легенды о первом начальнике отделения Карле Витвицком. Кадры в Варшаве опытные и боевые. Город беспокойный, чуть что – здесь сразу берутся за ножи. Так называемые ножевики – бич города. Это люди, которые привыкли все разногласия решать с помощью финки. Сыскное отделение взяло на учет подобных типов аж 253 человека. В последнее время власти наконец-то начали с ними бороться. Всех ножевиков подвергли гласному надзору полиции, дела их велено рассматривать в судах вне очереди. А за рецидиву высылать вон из Варшавы. Бандиты слегка приутихли, но никуда не делись. Поэтому сыщики столицы повидали всякое и крови не боялись.

Заселившись в гостиницу, Лыков поехал представляться обер-полицмейстеру. Его должность исправлял полковник Грессер. Карл Аполлонович приходился братом покойному петербургскому градоначальнику Петру Аполлоновичу, которого Лыков хорошо знал и уважал. Полковник был тяжело болен и даже говорил с трудом.

– Сыскным отделением у нас заведует штабс-капитан Захаров, – сообщил он гостю. – Хороший офицер, но вам он не помощник. Недавно лишь перевелся из «суконной гвардии»^[12] и дел пока не знает. Придется идти в бой с поляками.

– А что, и пойду, – ответил питерец. – Храбрые ребята, не хуже русских.

Разговор был недолгим. Шпрингфедер уже четыре дня сидел в притоне на Щеглячей улице и в любой момент мог оттуда убраться. Следовало торопиться.

Лыков отправился в сыскное отделение. Несколько часов они с надзирателями выдела следячи^[13] потратили на диспозицию. Захаров сидел рядом и благоразумно помалкивал.

Большой Пан – серьезный противник. И он в притоне не один. По наблюдениям агентов, внутри четверо или пятеро мужчин, не считая прислуги. Польские уголовные отличаются от русских: они не боятся сражаться с полицией, при задержаниях без раздумий хватаются за оружие. Каждая полицейская операция в Царстве Польском – это большой риск

для правоохранителей. Во избежание потерь надо тщательно продумывать аресты.

А тут еще хитрый «иван» выбрал такое место для укрытия! Щеглячая улица состоит всего из четырех домов. И кончается глухим тупиком, со всех сторон огороженным заборами. В заборах множество калиток, через которые укромными тропинками можно выбраться хоть на берег Вислы, хоть к газовому заводу, хоть в притоны Доброй улицы. Вокруг густонаселенные переулки из одноэтажных домов с палисадами и дворовыми постройками. Шмыгнул туда человек – и не сыщешь. А на углу Щеглячей и Воробейной, в кавярне^[14] сидит караул уголовных. Люди в нем сменяются раз в четыре часа. Если появится полиция, Большого Пана успеют предупредить.

В итоге захват «ивана» наметили на четыре часа пополудни. Потом начнет темнеть, а ночью он может сменить укрытие. Сыщики едва успели подготовиться. Проникнуть в номера они решили через те же потайные калитки. Всего пять человек зашли со стороны Смольной улицы. Незамеченные, они пересекли Фоксал и оказались в тылах Щеглячей. Лыков шел первым, но ему незримо расчищали путь. Возле последних ворот на земле сидел крепкий парень в щегольской венгерке. Руки у него были связаны, во рту торчал кляп. Рядом стоял агент с револьвером и молча указывал на окна второго этажа. Пришли!

Сыщики бесшумно поднялись наверх, прислушались. Из-за двери доносился женский смех. Сколько их там? Лыков различил два мужских голоса и три женских. Обитатели номера беззаботно веселились. Даже дверь оказалась не заперта. Надворный советник жестом дал команду варшавякам остаться на площадке. А сам смело шагнул внутрь.

Он не ошибся в подсчетах. Три смазливые девицы, полуодетые, сидели на диванах с бокалами в руках. Мужчина с напояженными волосами разливал вино. Возглавлял стол человек могучей комплекции, с огромными кулаками и бычьей шеей. Он застыл от неожиданности, увидев незнакомца. Но не испугался, а просто удивился. Глаза живые, умные, лицо холеное и какое-то особенное, породистое. Большой Пан!

– Ты кто? – спросил «иван» после секундной задержки.

– Выйди, – коротко приказал сыщик напояженному. Тот посмотрел на бандита, который согласно кивнул. Мужчина быстро удалился.

– И вы тоже.

Девицы не заставили его повторять и мигом сбежали. Сыщик и уголовный остались вдвоем.

– Ну? – сощурился Шпрингфедер.

– Отвечаю на вопрос. Я Лыков. Слышал?
– Почему я должен слышать про всякого лайдака? – презрительно ответил бандит.

– Лайдак – это кто?

– По-вашему будет сволоч^[15].

– Ай-ай, как грубо. Придется ответить.

– Уж не тебе ли, пигмей? Смотри – размажу в лоск!

– Покажи, как ты это сделаешь? – ухмыльнулся Лыков.

Гигант встал, подпер головой потолок. Но нападать не спешил. Его обескуражило, что незванный гость совершенно не боится грозного атамана. Может, фараону забыли рассказать, кого он явился арестовывать?

– Я вижу, ты нездешний.

– Ага.

– В выделе следячем тебе хорошо объяснили, кто я?

– Известно кто – бандит. Что ж тут нового? Я вас, мазуриков, много видел.

– И таких, как я, тоже много?

– Что ты все якаешь? Думаешь, что один такой на весь белый свет? И нет на тебя управы? Забыл, сукин сын, про русскую силу? Так я напомню.

Шпрингфедер ощерился:

– Это я сейчас напомню! Сколько вас там? Дюжина? Две? В тот раз не хватило! Лезьте, сколько ни есть, – всем достанется.

– На тебя, дурака, и одного Лыкова хватит, – язвительно ответил Алексей. И Большой Пан тут же кинулся в атаку.

Никакой особой свалки не получилось. Очень сильный, но и очень самонадеянный, Шпрингфедер ошибся в тактике. Он попытался снести сыщика с ног – и промахнулся. Алексей был опытный боец. Наверное, самый опытный сейчас во всей полиции. И немало уже повязал богатырей. Так произошло и в этот раз. Он ловко увернулся, подставил противнику ногу, и тот с грохотом свалился на колени. И не успел опомниться, как его рука уже была заломлена за спину. Сыщик стоял сзади и выворачивал огромную клешню. Еще секунда – и Большой Пан закричал от боли. Он попытался вырваться – куда там. Словно в тиски попал...

– А это тебе за лайдака, – сказал сверху Лыков. И приложил «ивану» в ухо что есть силы.

Раздался грохот, еще более оглушительный, и Шпрингфедер во весь огромный рост распластался на полу. У агентов за дверью не выдержали нервы, и они ворвались в комнату. Питерец стоял над поверженным

бандитом, совершенно целый и непотрепанный.

– Скуйте ему руки браслетками, но обязательно назад, – сказал он варшавякам. – Так никто не вырвется. Даже я.

Сыскные, опасливо косясь на Большого Пана, надели на него наручники. Но тот был в полубессознательном состоянии и сопротивления не оказывал.

– Ну пошли.

– Через калитку? – спросил сыскной надзиратель Емец.

– Зачем? По улице. На углу Воробейной стоят наши экипажи, туда и поведем.

– Э-э... Пан Лыков...

– Что?

Варшавяки закричали сразу в несколько голосов:

– Их там двадцать отчаянных людей! Нам и выйти не позволят! Зачем так рисковать – пойдемте через калитку!

Действительно, у знаменитого налетчика были в Варшаве многочисленные сторонники. Только что полдюжины головорезов обчистили сберегательную кассу на Панской, покалечив городского. Но Лыков скривился:

– Вам не хочется пройти у всех на виду с таким пленником? Не узнаю гордых поляков.

Сыщики переглянулись и разом расправили плечи. Вольнонаемный агент Стржебовецкий сказал:

– Панове! А ведь он прав. Когда еще такое выпадет?

Шляхетский гонор общеизвестен. Варшавяки загорелись мгновенно, как керосин от спички. Они вывели атамана на Щеглячью и погнали, обступив со всех сторон и держа оружие наготове. Один Лыков шел беззаботно, сунув руки в карманы. Проходя мимо кавярни, он увидел прилипшие к стеклу лица. Это караул смотрел на своего главаря и не решался его отбить. Шпрингфедер тоже заметил сообщников и встрепнулся. Лыков молча нахмурил брови. Угрозы оказалось достаточно...

Никто на них, конечно, не напал. Силы, подведомственные Рудольфу Шпрингфедеру, не были отобилизованы. Надворный советник помахал караулу, затем вежливо подсадил Большого Пана в полицейскую пролетку. Щелкнули бичи, и колонна экипажей рванула на Сенаторскую, в управление полиции. Лишь тогда все, включая и Алексея, выдохнули. Операция прошла без крови. Варшавские сыщики потом долго с гордостью вспоминали, как вели знаменитого громилу под дулами револьверов...

Вечером следующего дня командированный уезжал из Варшавы. Красивый город – жалко покидать. Алексей давно хотел приехать сюда с Варенькой и пожить неделю, показать ей здешние красоты. Все никак не получалось.

В Петербурге Лыков оказался в субботу, на Фонтанку не пошел и сразу направился домой. Наконец-то выпал день отдыха. Сыщик отсыпался, затем ходил с супругой по магазинам. Пора обновить мебель в детских комнатах, а муж дома почти не бывает... Соскучившаяся Варвара не отпускала Алексея ни на шаг. Потом он играл с сыновьями, читал дочке сказку. Вечером навестил «крестника» – городского Федора Кундрюцкого. Именно Лыков в свое время сделал из начинающего бандита столп правопорядка.

Утром надворный советник явился на службу. Полдня пролетели в суете. Он ходил по начальству и постоянно рассказывал одно и то же: как арестовывал Большого Пана. Последним его слушателем стал сам министр. Горемыкин ахал и тянул себя за длинный ус. А потом показал телеграмму из Варшавы. Обер-полицмейстер требовал для питерца награды. Когда рядом легла депеша из Екатеринославля, Лыкову сделалось уже неловко. Получалось, что он всем героям герой и незаслуженно обойден отличиями.

– Ваше высокопревосходительство, дозвоьте уж тогда в имение съездить, – сказал надворный советник. – На недельку, за свой счет. Это и станет мне наградой. Там скоро сплав леса начнется, нужно хозяйским глазом проверить. А то я с первых чисел января мотаюсь по командировкам. Туда-сюда, туда-сюда... Устал.

– С каких первых чисел? – удивился Иван Логгинович.

– А как «Жоржа Бормана» подломали, с той поры и скитаюсь по державе.

Горемыкин сразу вспомнил, о чем речь. 21 декабря прошлого года в Харькове произошло громкое ограбление. Неизвестные вынесли из конторы шоколадной фабрики «Жорж Борман» несгораемую кассу^[16]. В воскресенье они вошли в контору через парадный вход, открыв дверь отмычкой, и «взяли на лапу». Касса весила пять пудов! Наличных денег в ней было всего три тысячи. А вот векселей, чеков и переводов – больше чем на сто тысяч рублей. Особенно шоколадные короли горевали о пропавшей чековой книжке. Несколько ее страниц были подписаны директором-распорядителем. Воры могли теперь заполнить бланки и получить по ним крупные суммы.

На помощь местным сыщикам тогда тоже послали Лыкова. И именно

он установил причастность к похищению фабричного дворника. Воры испугались и 8 января подбросили бумаги во двор фабрики. Включая чековую книжку и бланкированные векселя, уже готовые к учету. Себе они оставили только наличные. Исполнителей грабежа не нашли до сих пор. Однако потерпевшие были довольны исходом дела и благодарили полицию. Лыков опять отличился.

– А потом дознание в Курске по взрыву, – продолжил Алексей, – командировка в Одессу по двойному убийству, ограбление владыки во Пскове, грабежи в Донецком бассейне, а теперь еще этот Большой Пан. Отпуск бы мне, а?

Горемыкин покосился на Зволянского. Тот молча кивнул.

– Ну, на усмотрение директора департамента.

– Конечно, разрешаю, – развел руками Сергей Эрастович. – После всего сделанного, да за свой счет... Даю десять дней.

– Плюс дорога, – просительно сказал Лыков.

– Плюс дорога.

Алексей шел домой и радовался. Весна в Петербурге! А на Ветлуге, поди, еще снег лежит под елками. Утки давно прилетели. Они с Титусом отведут душу. Ян открыл новую тягу вальдшнепов, прямо за вторым кордоном. Сильная тяга. Надо сходить, пострелять. Как там Яша? По времени, должен был уже закончить печальные свои дела и вернуться. Неужели сразу к себе проехал, не заглянул?

Он ошибся. Едва переступив порог, сыщик услышал голос Титуса. Тот восседал в гостиной и гонял с Варенькой чай с наливками. Вид у приятеля был невеселый, и у Лыкова кольнуло сердце. Что-то случилось, но что?

Алексей налил и себе чаю, а потом отвел управляющего в кабинет.

– Рассказывай.

– Заметно?

– Да. Что у тебя стряслось?

– Язеп не сам умер.

– Так...

– Его убили.

– Кто? И за что?

– Не знаю. Но смерть брата была насильственной. Сам видел раны в груди, когда осматривал тело в секционной камере^[17].

– Что говорит полиция?

– Полиция лишь отмахивается.

– Почему?

– Язеп был жулик. Хорошо им всем знакомый, и в тюрьме сидел, и под следствием бывал.

– А что, жуликов уже можно резать безнаказанно? – вскипел Лыков, увидев, как трудно далось другу его признание.

– В Риге, выходит, можно.

– Что ты говоришь?! Давай их тряхнем, заставим открыть дознание.

– Чем ты их заставишь? – грустно возразил Титус. – Я уж и так, и эдак. Деньги предлагал. Говорят: а и черт бы с ним! Вор у вора дубинку украл. Нам только легче будет.

– Ты же сыщик, хоть и бывший. Таких еще поискать. Начни собственное дознание.

– Да я попробовал.

Алексей насторожился. Что-то в глазах товарища ему совсем не понравилось.

– И что?

– Начал ходить и расспрашивать. Но подошли на улице трое. Показали ножи. И велели убираться домой и больше никогда не возвращаться.

– Та-а-ак...

Надворный советник машинально отхлебнул чаю, посмотрел в окно. Потом решился:

– Тебе нужна помощь?

– Я... виноват перед братом.

– В чем?

– В том, что бросил его. Махнул на него рукой, как на пропащего. Не писал, не хотел встречаться. Презирал в душе...

Титус вздрогнул, весь сжался, но взял себя в руки:

– А теперь его нет в живых. И ничего уже не исправить, не вернуть. Я третью ночь не сплю, все с ним разговариваю.

Лыков скреб ногтем столешницу и думал. Накрылась охота! И плоты, возможно, спустят без начальственного глаза. Четыре года назад они с Титусом попали в Туркестан, приехали продавать лыковский лес. И там вляпались в такое, что едва уцелели^[18]. Ян рисковал жизнью, его чуть не зарезали, а пуля оконтузила руку, до сих пор болит. За его, Алексея, барыши рисковал. Как теперь ему в ответ не помочь?

– Я получил отпуск на две недели считая дорогу. Хотел в Варнавин скататься.

Титус поднял голову:

– И что?

– Поехали завтра в Ригу!

Глава 2. Рига осаживает гостей

Но выехать им удалось лишь вечером. С утра Алексей пошел к Зволянскому, объяснил ему ситуацию и спросил:

– Кто сейчас там полицмейстером?

– Считай, что никто, – огорошил его действительный статский советник.

– Это как?

– Третий год уже исправляют должность, и все разные люди. С января был Лодыженский, потом его турнули, поставили Войтова.

– А кто такой Войтов?

– Помощник полицмейстера, надворный советник. Но он пустое место. Ему тоже уже ищут замену.

– Хм. А кто губернатор Лифляндской губернии?

– Генерального штаба генерал-майор Суровцев. Молодой – всего на год старше тебя.

– Ты с ним знаком?

– Видел один раз в кабинете у Ивана Логгиновича.

– Значит, об одолжении попросить не можешь?

– Нет. Это будет неправильно понято.

– Ну, если он Генерального штаба, стало быть, его знает полковник Таубе, – успокоил сам себя Алексей. – Пойду к барончику.

– Сходи, – усмехнулся Зволянский. – Но учти, две недели отпуска уже начались!

Не тратя времени даром, Лыков отправился в Военное министерство. Там теперь были новые порядки. Ванновского отставили. Вместе с ним убрали и генерал-адъютанта Обручева, много сделавшего для становления военной разведки. Новым министром был назначен начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Куропаткин. Некоторые чины министерства приуныли и стали искать строевые должности. Но Таубе лишь укрепил свое положение. Он служил вместе с Куропаткиным под началом Скобелева – и в Турецкой Болгарии, и в Средней Азии. Оба хорошо знали Восток и поднаторели в интригах с англичанами. Военно-ученый комитет получил новое направление: меньше науки, больше разведки.

Виктор не виделся с товарищем с Пасхи и обрадовался ему:

– Ну наконец-то! Я телефоновал Варваре, а она отвечает все время

одно и то же: ты в командировке. Загоняли сивку!

– Я снова уезжаю, на этот раз в Ригу, – ответил сыщик. – Скажи, ты знаком с Суровцевым?

– Владимиром Дмитриевичем?

– Ну с лифляндским губернатором.

– Я о нем и говорю. Хороший офицер, умный. Мы вместе против турок воевали.

– Можешь дать к нему рекомендательное письмо?

– Могу. И он не отмахнется, а действительно подсобит. Но зачем?

– Титус попал в переплет.

Барон отложил бумаги, подпер кулаком красивую голову и приготовился слушать.

– У него, как выяснилось, был старший брат Язеп, – начал Алексей. – Я и не знал о нем никогда, Яков не рассказывал. А неделю назад отпросился у меня в Ригу, на похороны брата. Я, конечно, отпустил. Вчера он вернулся и говорит: Язепа убили! Но полиция не хочет вести полноценное дознание.

– Почему?

– Брат, оказывается, был жуликом. И сыщики лишь обрадовались его смерти. Мол, и черт с ним, воздух чище стал.

– То есть надо заставить тамошних лекоков рыть землю как следует?

– Да. И держать нас в курсе дела. Якова как ближайшего родственника, а меня как сыщика. Который не даст себя обмануть, а при хороших отношениях и поможет рижскому сыскному отделению.

– Думаю, что просьба твоя корректна и я могу передать ее губернатору, – ответил Виктор. – Посиди пять минут, я сочиню письмо.

В итоге друзья выехали в Лифляндию с бумагой на имя начальника губернии. На вокзал они явились загодя, чтобы сесть вместе. Спальные места в русских вагонах до сих пор не нумеровались, дороги лишь собирались ввести это новшество.

Путь на Ригу лежал через Псков, с пересадкой там в другой поезд. Путешественники сошли на дебаркадер Двинского вокзала через тридцать часов. Погода в городе оказалась не чета петербургской. Голубое, совсем весеннее небо, деревья в дымке первой зелени... Красота!

Управление полиции находилось на Театральном бульваре, прямо напротив вокзала. Но сначала надо было заселиться. Титус, как знаток местных обстоятельств, велел извозчику доставить их на Сарайную улицу.

– Яша, я только что из Варшавы, там есть улицы Гнойная и Волчья. Но мне не пришло бы в голову отправить тебя туда, – стал брюзжать

Лыков. – Неужели нет чего получше? Сарайная, поди, на окраине, посреди балаганов? Давай не будем экономить, я угощаю.

– Привыкай, Леша, – усмехнулся Титус. – В Риге надо быть местным, чтобы разбираться. Слушайся меня во всем. А Сарайная улица находится в самом центре Старого города, возле зданий обеих Гильдий. Гостиница «Центральная», в которую мы едем, – одна из лучших в городе. И вовсе не дешевая: три рубля в день за номер.

– Вот так цены! – охнул богач Лыков. – Нет ли чего попроще?

– Осмотримся и переедем в номера. К Доммерстерну на Мариинскую, или к Гаазе на Театральный, поближе к полиции.

– А русских номеров нет? Не хочу немцев кормить.

Титус опять хихикнул:

– Экий ты русопят. С таким отношением в Риге делать нечего. Немцы заправляют здесь всем. По-русски говорят только на Московском форштадте, а во всех остальных местах без знания немецкого языка шагу не ступить.

– И как я буду объясняться?

– Через меня, как же еще. Привяжу тебя на веревочку, чтобы не потерялся, и станем ходить парой.

Пролетка ехала узкими средневековыми улицами. Алексей с любопытством разглядел сначала экипаж с возницей и раскритиковал его:

– Эдак и в Москве ездят. Сбруя старая, извозчик небритый. То ли дело в Варшаве.

– Это потому что он латыш, – пояснил Титус. – А вот смотри: немец едет. Сразу видать!

Навстречу им катила новенькая ухоженная пролетка. Ею правил фурман в добротной синей ливрее с капюшоном и в черном плисовом картузе. Даже лошади у него были особенные: поджарые, спокойные, с рассудительными тевтонскими мордами.

– Понял теперь? А ты – Варшава...

Надворный советник хотел съязвить, но передумал. Рига все больше удивляла его. Надо сначала разобраться, а уж потом спорить. И он стал глазеть по сторонам.

Город определенно нравился Лыкову. Европа, истинная Европа! Чисто, аккуратно, архитектура приятна глазу. Разве что зелени мало, но это, по словам Яна, лишь в старой части. Сейчас город разросся за бывшие крепостные валы, и там с парками все в порядке. Сходство с Западом усиливали вывески: почти все они были на немецком языке и ставили гостя в тупик.

Гостиница «Центральная» оказалась красивым современным зданием с толстым швейцаром у входа и рестораном на первом этаже. Путешественники бросили вещи в номере и пошли завтракать. И снова обнаружили Европу. Вместо чая в ресторане предлагали кофе, а из еды – сосиски всех видов. Что поделаешь, пришлось есть, что дают.

Перед тем как выходить, Алексей переоделся в форменный сюртук. Хотя он и был в отпуску, беседовать с полицмейстером лучше так. Сыщик нацепил на шею Владимира третьей степени, а в петлицу – солдатский Георгиевский крест и Владимир четвертой степени. Получилось внушительно.

До места они дошли пешком. Лыков беспрестанно крутил головой и комментировал. Его восторги от города только увеличивались. Какие шпили старинных соборов! Какой лоск на всем! Ничуть не хуже Женевы или даже Парижа. Вот и театр не подкачал. Правда, узнав, что он называется Немецкий, сыщик скривился. Так и вошел в полицейское управление с ухмылкой. Вроде бы в России, а будто бы и не дома. Как тут встречают петербуржцев?

Исправляющий должность рижского полицмейстера надворный советник Войтов принял их незамедлительно. Однако беседа сразу не задалась.

Алексей начал с пояснения. Он чиновник особых поручений Департамента полиции, но прибыл сюда по личной причине. У его управляющего господина Титуса погиб в Риге брат. Лыков и Титус как об особом одолжении просят помочь в воздействии на сыскное отделение. Оно ведет дознание крайне неохотно и по сути формально, оттого лишь что покойный был не в ладах с законом. Разве это повод, чтобы спустить дело на тормозах? Убийство – тягчайшее из преступлений. Злодей или целая шайка ходят по улицам. Возможно, замышляют новое кровопролитие. Он, Лыков, опытный человек и готов помочь местным силам. Если же те справятся сами, то сыщик будет признателен, если его станут держать в курсе дела. Раскрывших убийство ждет большая денежная награда – с разрешения господина полицмейстера.

Чем дольше говорил Алексей, тем скучнее делалось лицо у Войтова.

– Вы говорите о Язепе Титусе? – прервал он питерца.

– Да, о нем. Мы хотим...

– Что вы хотите, я понял. И ваш управляющий уже был у меня по этому вопросу. Мне нечего добавить к сказанному прежде. Дознание ведется вполне усердно. Откуда у него сведения, что сыскное отделение халатничает, мне неизвестно. Уверю вас, что это не так. Во вверенной мне

полиции все служат на совесть.

– Но...

– Не вижу, что я могу для вас сделать. И потом, вы же в отпуску. Частное лицо. И пытаетесь оказать на меня давление?

– Ну что вы, господин полицмейстер! Мы просим об одолжении, понимая вашу занятость и высокий статус. Господин Титус, когда был у вас на приеме в первый раз, не говорил о награде. Может быть, эта новость усилит рвение сыскного отделения? Если вы, конечно, позволите отличившемуся принять ее.

– Да, – кивнул Войтов, – такое у нас практикуется. Сыщики в Риге хорошие, они часто находят воров и пропажу. И если потерпевший готов отблагодарить за служебное рвение, я всегда разрешаю им принять награду. Но здесь... Сомневаюсь, что это поможет.

– Вы позволите хотя бы сообщить о награде начальнику отделения?

– Так и быть, господин Лыков. Из уважения к вашим орденам.

Гости прошли в сыскную часть и сразу поняли, что явились не вовремя. Там происходило опознание отобранных у воров вещей. На столе начальника было разложено несколько глухих мужских часов, с цепочками и без. По большей части они были серебряные, но одни оказались золотые. Рядом блестел серебряный порт-папирос с эмалью. Здесь же находились предметы попроще: дамский зонтик из полушелковой ткани, отрез серого крепа и потертый кошелек зеленой кожи. В углу особняком лежал дорогой каракулевый костюм. Несколько человек разглядывали все это и пытались опознать свои пропажи.

Начальник отделения коллежский асессор Кнаут был очень недоволен вторжением. На лыковские кресты он даже не взглянул и про награду для сыщиков слушал вполуха. Алексей попросил выдать Яану конфискованные бумаги убитого. Кнаут нехотя согласился, но поглядеть материалы дознания не разрешил. Вместо этого он вручил питерцу несколько постановлений:

– Вот, смотрите, за кого вы так радуете. И охота вам время тратить!

Лыков был рад любым сведениям и внимательно просмотрел документы. Это оказались приговоры мировых судей по преступлениям Язепа Титуса. Первые десять дней ареста он получил, еще будучи студентом Политехникума – за бесстыдные действия на улице. В чем именно они заключались, приговор умалчивал. Затем пошли сроки более весомые. Десять месяцев тюрьмы за кражу вещей посредством подбора ключа. Два месяца работного дома за мошенничество с абонентскими книжками общественной столовой. Полтора года тюрьмы за квартирную

кражу посредством взлома преград. Рецидивист!

После третьей отсидки Язеп сделался осторожнее. По словам сыщиков, он перестал воровать сам, а перелицевался в наводчики. Причем помогал обкрадывать своих знакомых! Приходил в гости, запоминал, где лежат ценности и какие в доме замки, а потом насылал туда громил. Дважды был оставлен судом в сильном подозрении. В конце концов рижане прекратили принимать негодяя, и тот сменил род занятий. Вроде бы даже нашел какую-то службу. Последние два года старший Титус не причинял хлопот полиции. Но он оставил по себе такую дурную память, что сочувствия его гибель не вызвала. Зарезали – так ему и надо.

Пока Лыков смотрел протоколы, обстановка в отделении чуть разрядилась. Обыватели ушли, остались только сыщики. И Алексей попытался наладить с ними доброжелательные отношения. Он сказал: пусть убитый был жулик, но ведь брат есть брат. И за кровь его следует отомстить. Да и вообще, убийцу нельзя отпускать безнаказанным. Эти слова рижане оспаривать не стали.

Далее Лыков сообщил, что хорошо понимает положение чинов полиции. Сам три года отбарабанил помощником начальника сыскного отделения в Нижнем Новгороде, хлебнул лиха. А Яан Францевич до начальника дослужился. Тоже не чужой человек сыскному делу. Они тут гости, сами вести дознание не имеют права. Но по-человечески просят приложить усилия и не оставят успех без награды.

Кнаут смягчился и стал жаловаться:

– Вы не представляете себе, что тут творится. Вор у вора на голове сидит! Каждый день несколько краж. Тащат все подряд. Вот хоть сегодняшняя сводка. На улице Гертрудинской стянули поливочный шланг. Зачем он жуликам? Клумбу поливать? На Известковой из ресторана утащили симфонион и тринадцать листов металлических нот. Хозяин отвернулся на минуту – и нету... Их же невозможно продать! Но все равно украли. В вагоне конно-железной дороги поймали вора, который шарил по карманам соседей. А на его коленях в это время, для отвлечения внимания, лежали восковые руки в перчатках. Прикрытые пелериной. Каково?

– Это кражи. А дела посерьезнее? – перевел разговор Лыков.

Коллежский ассессор вздохнул:

– Бич Риги – ножевые драки. Тоже ежедневно. Особенно на Московском форштадте – там каждый босяк с финкой ходит. Чуть что – сразу хватаются за клинки. Грабежи нескончаемы. Вчера на Витебской возле ренского погребца Гринута напали на рабочего. Нанесли раны в лицо

и спину, сорвали с костюма серебряную цепочку с часами и были таковы. Пострадавший отправлен в спасительное заведение. Вчера же ограбили барышню возле турецкой булочной – вон ее из окна видать! Прямо напротив полиции. А в Верманском парке подошли к сидевшей на скамейке женщине, ударили без повода ножом в руку и в голову. И спокойно удалились.

– Да... Трудно вам приходится. Но что в Риге с убийствами?

В отделении повисла тишина. Кнаут пожал плечами:

– Да, видимо, как и у вас было в Нижнем Новгороде. Вот муж жену на Рождество палкой до смерти забил. В Зассенгофском лесу прохожего зарезали в марте. Ну, этих мы нашли.

– А кого не нашли?

– Того, кто брата вашего управляющего прикончил.

– Неужели не хочется исправить статистику?

– Полицмейстер тоже нас подгоняет. Но пока никак.

– Где обнаружили тело? – осторожно спросил Лыков.

– На Кобронских валах, – с запинкой ответил Кнаут.

– Их еще называют Шведскими окопами, – пояснил Титус. – Старые укрепления генерала Коброна, остались еще с семнадцатого века. В Митавской части, на том берегу Двины. Саксонцы их разрушили, а русские потом восстановили, когда Ригу осаждали.

– Кто нашел?

– Ребятишки, они всегда там лезут, – уже более охотно сообщил начальник отделения. – Полагаю, это ограбление. Часы и бумажник отсутствуют. Свидетелей, как всегда, тоже нет. Кто-то из своих его порешил.

– Почему вы так думаете?

– Разумный человек не пойдет туда ночью просто так. Значит, у вашего брата, господин Титус, была там назначена встреча.

Яан согласно кивнул:

– Конечно. Но вы решили, что вор у вора дубинку украл. Почему? Ведь два последних года Язеп ни в чем преступном не был замечен.

– А! Просто научился замечать следы. Как там у вас, у русских, говорят? – обернулся коллежский асессор к Лыкову. – Горбатого только гроб исправит?

– Могила.

– Ну вот она его и исправила.

Слова главного сыщика задела приезжих. Они были сказаны и зло, и бестактно. Лыкову с Титусом ничего не оставалось, кроме как уйти.

Похоже, Кнаут этого и добивался.

У дверей Алексей двинул бровью – и не стал спускаться, остановился на лестнице. Через минуту следом на площадку вышел надзиратель Растегаев – единственный русский в составе сыскного отделения.

– Ваше высокоблагородие... – начал он.

Но Лыков оборвал его на полуслове:

– После восьми в «Центральной».

И быстро побежал вниз. На улице он объяснил другу:

– Когда я сказал про награду, он сразу загорелся. Но у Кнаута все ходят по струнке. Надо подкупить парня втайне от пристава^[19]. Он что-то знает и хочет сказать. Приготовь деньги.

Выйдя из полицейского управления не солоно хлебавши, друзья отправились к губернатору. Яан вел товарища разными закоулками и показывал достопримечательности. Лыков увидел Бастионную горку, Пороховую башню с застрявшими в ней ядрами, Яковлевы казармы, прошел Шведскими воротами на Домскую площадь, где долго любовался собором.

Резиденция начальника губернии была в Замке. Это старинное сооружение на берегу Двины уже двести лет как потеряло свой боевой облик. И сделалось местом пребывания русских властей. Больше всего Лыкова удивил рассказ Титуса, что в Замке в свое время служил баснописец Крылов. И не кем-нибудь, а правителем канцелярии генерал-губернатора князя Голицына. Важная и хлопотливая должность. Как мог этот лодырь и сибарит исполнять ее?

Замок после того, как в нем надстроили четвертый этаж, стал выглядеть совсем партикулярно. Друзья явились в приемную. Но их ожидало разочарование. Секретарь сообщил, что генерал-майор Суровцев отбыл в отпуск на Кавказ. И появится на службе лишь через три недели, в конце мая. Его обязанности исполнял вице-губернатор действительный статский советник Булыгин. Но к нему у Алексея рекомендательного письма не было. Неудача второй раз за день... Следовало идти в гостиницу и ждать Растегаева. Теперь вся надежда была только на него.

До вечера Яан водил приятеля по родному городу. Ах, Рига! Словно попадаешь в средневековую сказку. Высоченные шпили соборов с петушками на флюгерах. Внутри играет орган и молчаливые тени ходят между надгробиями остзейских баронов. Снаружи бьется жизнь, никак не похожая на повседневность русского губернского города. Шведская брусчатка под ногами. Чужая резкая речь звучит повсюду. Чайных почти не видать, а вот кофейни на каждом углу. И в них подают вкусные штоп-

кухен, булочки со взбитыми сливками. Потомки завоевателей действительно заправляют всем. Из семидесяти двух гласных думы только два латыша, а шестьдесят четыре имеют германские фамилии. Легко можно встретить рижан по фамилии Иванов или Петров, которые ни слова не знают по-русски. Это их предки из соображений коммерческой выгоды хотели стать немцами – и стали. Не отстают и многие латыши: из Берзиных многие переписались в Берзинги, из Озолиней – в Озолинги. Иначе так и останешься черной костью.

В Риге проживает 280 000 человек, из которых примерно 120 000 составляют латыши, 60 000 – немцы и 50 000 – русские. Остальные народности – это евреи, литовцы, белорусы и еще эсты. Будучи второй по численности нацией в столице губернии, немцы на самом деле первые.

За последние годы город совершил мощный скачок в промышленном развитии. 275 заводов и фабрик! Такого нет больше нигде в империи. Причем помимо пивоварен и маслобоен есть и другие. Рига сделалась столицей новых, технически сложных и самых современных производств. Одних машиностроительных заводов десять. А еще механические, металлургические, электротехнические, химические, судостроительные, резиновые. Имеется два вагоностроительных завода. Есть даже фабрика по производству велосипедов, единственная в России. Почти все эти новейшие предприятия принадлежат немцам. Часто настоящим, имеющим германские паспорта. Русские купцы отвоевали себе некоторые позиции. Они полностью контролируют, например, торговлю лесом, льном и зерном. Еще русские сильны в пищевой отрасли: бакалее, содержании трактирных заведений и тому подобном. Латыши наименее успешны, и в их рядах зреет недовольство. С 1887 года языком преподавания во всех школах Риги наконец-то стал русский (до этого преподавание шло на немецком). Но латышский совсем в загоне. Литераты^[20] раскололись. Некоторые стоят за рост национального самосознания коренного населения. Другие призывают латышей сплотиться вокруг ведущей нации, подразумевая русскую, и раздавить германцев. Третьи смотрят на Mutterland – мать-землю, общее немецкое отечество.

Тевтонское засилье имеет старые корни. В 1721 году был подписан Ништадский мир, завершивший длинную Северную войну. Россия отобрала у шведов всю территорию от Риги до Выборга. Чтобы успокоить своих новых подданных, Петр Первый обещал сохранить привилегии местных дворян и горожан на вечные времена. Пункт IX договора гласил: «Его Императорское Величество обещает, что за всеми жителями провинций Лифляндии и Эстляндии, как и острова Эзеля, дворянского

происхождения и недворянского, а также за всеми находящимися в названных провинциях городами, должны быть постоянно и неизменно сохранены привилегии, права и преимущества, которыми они пользовались под шведским правительством». Этот-то пункт остзейское дворянство и приняло за главный. Русские государи неоднократно пытались урезать завышенные аппетиты баронов. Но те прятались за стеной отживших свой век привилегий и средневековых учреждений. И упорно сопротивлялись всем мероприятиям правительства. Исполнительная власть на местах принадлежала исключительно здешним дворянам. И те десятилетиями саботировали реформы Петербурга, которые их не устраивали. Так, еще при Александре Первом бароны отказались от крепостного права. Вроде бы молодцы: вся остальная Россия под игом крепостничества, а в Прибалтике свобода. Но остзейцы схитрили. Земля в Прибалтийских губерниях принадлежала только им. Крестьяне-латыши получали ее лишь в аренду, причем договор мог быть расторгнут хозяином в любой момент. И бедного землепашца выгоняли на улицу со всей семьей, даже в мороз. Суды и мызная полиция тоже были сплошь немецкими, и искать там защиты оказывалось бесполезно. Рабство никуда не делось, просто оно стало экономическим.

Deutschtum – «немечество» – национально-объединительный термин для всех немцев. Германия без границ, Германия там, где немцы! При любой попытке урезать права баронов те жаловались «нах фатерланд». И сначала прусские короли, а потом и германские императоры энергично вступались перед русскими монархами за соотечественников. И наши государи тушевались.

Но вдруг на троне появился человек, который не любил немцев и обладал сильной волей. Александр Третий показал наконец, кто в российском государстве хозяин. Он уравнил Прибалтийские губернии в порядке их управления с другими. По итогам знаменитой ревизии сенатора Манасеина, вскрывшей засилье немцев, государь решил унять колбасников и освободить латышей и эстов от приниженного состояния. В 1889 году были введены новые суды, те же, что и во всей России. Русский язык стал единственным в государственных учреждениях. Это притом, что немцы издавали в Риге восемнадцать газет, русские – лишь восемь, а латыши и того меньше – пять.

Бароны продолжили борьбу за свои архаичные привилегии. При дворе у них хватало союзников. Земское хозяйство по-прежнему оставалось полностью в немецких руках, равно как торговля и промышленность. Бароны ведали также земельным кредитом, а значит, развитием сельского

хозяйства. Власть пробовала давить. Например, готовилась открыть в крае отделения Крестьянского поземельного банка, чтобы отнять монополию у немцев и помочь латышам. Две силы тягались друг с другом, обращая мало внимания на третью. Коренное население взирало на эту схватку снизу вверх. Его ни о чем не спрашивали.

Так сложился удивительный город, самый нерусский в русском государстве. Столько тут оставалось диковинного славянскому глазу! Лыков слушал местного уроженца Титуса и поражался. В рижской городской управе есть такая должность – браковщик сельдей. Помимо конно-железной дороги, управе принадлежит также целая эскадра пароходов, которая возит население взад-вперед через Двину. Проезд до Гагенсберга и Шварценгофа стоит пятак в первом классе и три копейки во втором. Городскому самоуправлению подчиняются участковые трубочисты. А в канцелярии губернского правления мирно скрипит пером коллежский регистратор Барклай де Толли.

Старая Рига – это парадный фасад, казовая часть. Здесь все древности, и здесь же все немцы. Прочь от реки, в сторону бывших крепостных валов отходят улицы Нового города. За каналом выросло несколько живописных бульваров. Здания Окружного суда и православного кафедрального Христорождественского собора весьма их украсили. За собором срыли Древнюю гору, с которой завоеватели всегда обстреливали Ригу, и заложили на ее месте Эспланаду. Пока это пустырь, но в будущем обещают разбить сад. Вообще, сады в городе хороши. Особенно Верманский, куда Ян в первую очередь повел Алексея. Заложенный вдовой купца Вермана, урожденной госпожой Эбель, он был подарен ею городу. В память вдовы в саду стоит обелиск. Вокруг цветочные клумбы, розовые плантации с солнечными часами посередине, изящные бронзовые статуи и античные вазы. В колоннаде здания Общества минеральных вод летом устраиваются утренние концерты. А по вечерам играет военный духовой оркестр. Красота!

Еще в городе два театра – Русский и Немецкий, – цирк, зверинец, несколько первоклассных гостиниц, пассажи, рестораны, шантаны и варьете. Появилась даже поговорка: парижанина от рижанина отделяет целое «па». Но это лишь красное словцо. Конец Александровской улицы весь тонет в дымах фабричных труб. А когда она переходит в Петербургское шоссе, делается совсем неудобно...

Дивный город, не похожий ни на какой другой, закружил Алексея. Сколько в нем циклистов! Постоянно приходилось уворачиваться от их велосипедов. Если верить газетам, последних здесь более четырех тысяч.

Почти все любители велосипедной езды входят в одно из пяти обществ. Цвет фонарей у каждого свой, и по нему ясно, к какому обществу принадлежит человек. Если он сам по себе, тогда фонарь у него белый. Сзади и спереди на раме укреплены номера. Чтобы получить право ездить по улицам, необходимо сдать экзамен. Номер подтверждает, что экзамен ты выдержал. Велосипеды часто воруют...

Да что циклисты. Лыкову встретился даже автомобиль! Это притом, что в самом Петербурге их раз-два и обчелся.

В полицейском отношении Рига разделена на четыре части. Те, в свою очередь, дробятся на участки. Старый центр относится к Городской части и состоит лишь из двух участков – настолько он невелик. За Елизаветинской улицей правобережная Рига распадается на Петербургский и Московский форштадты. Первый почище, и там тоже селятся немцы. Второй тянется вверх по Двине. Бесконечно длинная Московская улица доходит до фарфорово-фаянсового завода Кузнецова. Его убрали на самый край из соображений пожарной безопасности. И правильно сделали: там постоянно что-то горит. А народ вокруг завода подобрался какой-то особо лютый, пришлому человеку и по улице пройти опасно. Но так во всем форштадте. Пролетариат поголовно вооружен ножами. Их пускают в ход при каждом удобном поводе, то и дело в городские больницы привозят оттуда раненых. Воскресенье – трудный день для полицейских. К сумеркам они стараются убраться из форштадта подобра-поздорову. В отличие от барской Городской, в Московской части целых четыре участка, и на всех хватает занятий. Когда веселье достигает пика, даже постовые городовые прячутся. Предмесье переходит в руки хулиганов и портяночников^[21]. Пьяные толпы с гармошками шляются из кабака в кабак. Все, как в обычном русском городе! В понедельник на улицах тихо, и на заводах станки тоже молчат. Рабочий люд похмеляется; трудиться начинают лишь со вторника.

Петербургский форштадт потихоньку также спивается, но не весь, а только его рабочая окраина. Здесь криминал укрылся в пригородных местечках. Народу много, а порядка мало. Ни один извозчик вечером не повезет пассажиров в Биркенгоф. А другого сообщения, кроме омнибусов, нет. Местность за Александровскими воротами густо заселена. Шрейенбуш, Мордорф, Стразденгоф на берегу Егельского озера бойко обустройстваются. Полиции же не видать...

Левый берег реки, Задвинье, весь относится к Митавской части. Здесь уже проживает 60 000 человек. Большая часть из них латыши, есть русские, эсты, евреи. А вот немцы стараются не селиться. Шалят в Митавском

форштадте чуть меньше, чем в Московском. Потихоньку Задвинье обретает цивилизованный вид. Тут помещаются Лифляндская заводская конюшня, Пинкенгофское училище, приют «Плескодаль», обойная и карандашная фабрики. Недавно поставили патронный завод. Керосиновые фонари горят на главных улицах, кое-где видны городовые. Но в Зассенгофском лесу, например, могут ограбить даже средь бела дня.

Вообще, окраины – бич Риги, рассадник преступности. Административно к городу причислен так называемый Патримониальный округ, включающий в себя все окрестности. В нем преимущественно и сосредоточена вся фабричная деятельность. Но зато и закона там нет.

Некоторые городские порядки показались Лыкову очень разумными. Например, он обратил внимание на то, что номерные доски на домах в разных местах отличались по цвету. И попросил объяснения у Титуса. Тот сообщил, что это сделано для удобства обывателей. В Городской части доски красные, в Петербургской синие, в Московской желтые, а в Митавской – белые. Человек, проходя по улице, всегда может определить, в какой он части.

Титус показывал и рассказывал, пока не устал. В форштадты он приятеля не повел, изложил лишь их реалии для общего развития. Ян больше нажимал на историю. Начал он издалека. Устье Двины всего в десяти верстах, а это выход в Балтийское море. Ригу искони делала торговля. Посредник между славянами и ганзейцами, город поднялся на товарообмене. И сейчас рижский порт – второй в империи по оборотам после Кронштадта. А по торговле лесом – первый в мире! Но промышленность уже теснит торговлю. Если так пойдет и дальше, скоро без Риги империи не обойтись.

Город присоединил к России Петр Великий. Сделал он это силой оружия в 1710 году, после длительной осады. И сначала очень невзлюбил Ригу. Обида пошла, если верить Титусу, еще с первого посещения города в 1697 году. Тогда царь под именем урядника Петра Михайлова проезжал ее в составе Великого посольства. А шведский комендант города выказал ему неуважение и вообще чинил всякие препятствия. Наверняка и русские отличились: двести пятьдесят человек свиты и обоз из тысячи саней – компания немалая. Люди были разные, в том числе и невоспитанные, не знающие западную культуру. И сильно пьющие. Тут еще царь решил осмотреть крепость, а караул не хотел его пропускать, как шпиона. В итоге Петр Алексеевич уехал из негостеприимной Риги в дурном настроении. В отместку за это при осаде он лично запустил в город три бомбы... Но потом, став хозяином Риги, примирился с ней. Построил там дворец,

разбил знаменитый Царский сад, в котором до сих пор стоит вяз, посаженный его руками. Государь даже, по словам Яана, обдумывал планы перенести сюда российскую столицу! Наверняка лифляндец загнул из патриотизма. Но факт тот, что в Риге великий самодержец побывал за свою жизнь девять раз. А в Нижнем Новгороде, к примеру, лишь дважды.

Так, с собственным чичероном Алексей осматривал славный город до вечера. Ровно в восемь пополудни, когда приезжие сидели в номере, к ним постучали. Вошел Растегаев.

– Ваше высокоблагородие, а какая предполагается награда? – сразу взял он быка за рога. – Ежели, значит, кто поможет вам найти злодея...

Титус хотел ответить за Лыкова, но тот его опередил:

– Тысяча рублей.

Лицо у надзирателя почтительно вытянулось.

– Ого! За такие деньги к вам тут любой на службу поступит.

– Любого нам не надо, Сергей... э-э...

– Петрович. А как вы имя узнали?

– ...Сергей Петрович. Имя ваше мы узнали из календаря – вы же в нем указаны.

– Виноват, забыл.

– А нас зовут Яан Францевич и Алексей Николаевич. Так вот, любого мы не хотим, а желаем человека опытного и честного. И чтобы он был при этом сведущ. Кто попало убийцу не сыщет.

– Понятно, Алексей Николаевич. Я сам бы всей душой и с удовольствием, но господин пристав после вашего ухода строго-настрого запретил вам помогать. Под угрозой немедленного увольнения.

– Вот даже как? – поразился надворный советник.

– Именно. Поэтому речь я поведу не о себе. А о другом человеке. Бывшем нашем надзирателе.

– Бывшем? – насторожился Яан. – Его выгнали? За что?

– Нет, господин Никифоров ушел со службы сам. И начальство очень об том сокрушалось.

– Сергей Петрович, а может, в ресторан, по кружке пива? – перебил гостя Лыков, но тот отказался:

– Нет, не надо, чтобы нас вместе видели. Давайте тут посидим. Так я продолжу. Александр Лукич был лучшим надзирателем в сыском отделении. Не далее как в декабре он в одиночку задержал важного преступника, приговоренного к арестантским ротам и сбежавшего из-под стражи. В январе поймал воров железа, а следом шайку квартирных громил

взял с поличным. Жулики очень его боялись! Прозвище ему дали – Зверогон. Всех держал в кулаке. Но... пришлось Никифорову оставить службу. Не по своей воле. И не по приказу начальства.

– Прижал кого не следовало? – догадался Лыков.

– Точно так, Алексей Николаевич. Видите ли, уголовные у нас трех главных национальностей: немцы, русские и латыши. Есть еще евреи, те, как полагается, мошенничеством занимаются. Ну, эстонцы по мелочам. А вот воры да грабители из трех наций. Главные, конечно, немцы. И Саша поймал на сбыте фальшивых банкнотов некоего Карла Преде. А тот оказался кассиром самого Цвейберга.

– Поясните, кто это.

– Теодор Цвейберг, если говорить на нашем жаргоне, будет «иван», главный жулик из германцев. Между прочим, прусский подданный! Купец, держит кассу ссуд, два ресторана на него записаны. Управляет Александровским рынком. А сам при этом маклак – первостатейный скупщик краденого. Даже из Ревеля ему везут! Был два срока гласным думы, знает в ней всех наперечет. Ну и... вась-вась.

– Вась-вась? – не понял Титус.

– Да. Решает там любые вопросы. Дума-то в Риге почитай вся немецкая, вот он и продвинул в исправляющие должность полицмейстера подполковника Лодыженского.

– И что Лодыженский? Съел Никифорова?

– Нет, Цвейберг поступил хитрее, – пояснил надзиратель. – К Саше пришли пять человек и сказали: тебя мы не тронем, ты полицейский надзиратель, а вот твою мать старушку утопим в Клюверском канале. Ежели не уйдешь с должности. Они живут вдвоем в Митавской части, в глухой улице по-возле этого канала. И Саша мать свою очень любит.

– Полицмейстер ему не помог, – констатировал Лыков.

– Именно! Никифоров, конечно, сообщил по начальству. И рассчитывал на защиту. А Лодыженский ему сам посоветовал уйти. Так, мол, матушка целее будет.

– Однако... – пробормотал Титус.

– Но ведь теперь у вас новый полицмейстер, Войтов, – сказал Алексей. Но Растегаев лишь махнул рукой:

– Он временный человек и ничего решать не станет. Специалист по зеленому полю^[22]. Ему уж замену нашли, к осени поставят.

– И кто это будет?

– Гертик. Немец.

Все трое помолчали, потом Растегаев продолжил:

– Мы, русские, все тут под богом ходим. Но я про Никифорова. Вот какой человек вам нужен. Он теперь частное лицо, ищет место. А для места требуется залог^[23]. Залога у Александра Лукича нет, поскольку он взятки не брал. Ваши интересы тут сходятся. Он, как знающий потаенную Ригу, отыщет нужные вам улики. А вы ему поможете с залогом.

– Очень верная мысль, – сразу согласился Алексей. – Вы ведь тоже, как действующий чиновник полиции, сумеете при необходимости незаметно помочь Никифорову? Справкой или еще чем...

– Сумею.

– А он, надо полагать, заплатит вам за это из своей доли.

Растегаев слегка смутился, но ответил честно:

– Мы с ним договоримся. Никифоров людей не обманывает. Ну а деньги... Что ж, деньги всем нужны.

– Как нам познакомиться с отставным сыщиком?

– Надо ехать к нему домой. Лучше прямо сейчас, пока понтонный мост не развели.

И они отправились в Задвинье. По совету надзирателя, гости купили жестянку дорогого чая, сахарную голову и маковых баранок. Пока пролетка катила по мосту, Лыков обдумывал услышанное. Уже в который раз за сегодняшний день прозвучало слово «немцы». И опять с негативным оттенком. Послушать Растегаева, так они заправляют в городе всем. Уголовный атаман меняет по своей воле полицмейстеров! Руками городской думы. Сыщик бывал во многих российских городах. Везде начальника полиции назначает губернатор. Может учесть мнение городского головы, а может и проигнорировать. Да, управа влияет на текущую работу полиции, она же ее финансирует. Но вертикаль административного подчинения в империи важнее, чем власть рубля. Чиновник полиции, даже самый ничтожный, находится на коронной службе, и не купцам с домовладельцами руководить им. На это есть министр внутренних дел! Осторожнее надо относиться к словам обиженных русаков. Очень удобно свое собственное неумение свалить на немецкое всесилие... Опять же, и немцы бывают разные. Виктор Таубе вон тоже остзейский барон.

Между тем пролетка съехала с моста и свернула направо. Сразу стало заметно, что это окраина. Яркие газовые фонари, что в центральной части, сменились на тусклые керосиновые. А мусора-то сколько! А пивных! В каждом доме.

Лыков заметил и еще кое-что. Он толкнул Титуса локтем в бок и сказал:

– Посмотри-ка на подоконники. Срам!

Яан хмыкнул:

– Сразу видать, что нету в городе настоящего полицмейстера. А есть только врид^[24].

Действительно, во всех питейных заведениях, мимо которых они ехали, в окнах торчали фикусы, какие-то картины, большие кружки и прочий хлам. Уже стемнело, и свет изнутри едва пробивался сквозь эти баррикады. А ведь оно строжайше запрещено! Согласно постановлению, окна таких заведений нельзя заставлять ничем – чтобы полиция, проходя по улице, могла беспрепятственно наблюдать, что делается внутри. Околоточный обязан следить за этим во время обходов. А тут полный беспорядок, и никому нет дела.

Наконец они добрались до самого конца улицы Канавной. Извозчику велели никуда не уезжать и прошли в дом.

Семейство Никифоровых занимало крохотную трехкомнатную квартирку на втором этаже. Там царила достойная, очень опрятная бедность. Но именно бедность. Все блестит, все начищено, нигде на пылинки. На комодке даже красуется томпаковый^[25] самовар. Иконы старые, хорошего письма. И несколько книг стоит на полке. Однако смотреть на это жилище тяжело, безденежье так и выпирает.

Александр Лукич понравился Лыкову. Высокий, плечистый, с открытым славянским лицом. Он не ждал гостей и сначала немного растерялся. На вопрос приятеля, как дела, вполголоса ответил:

– В долг пока дают. Но скоро перестанут.

– Тут приезжие господа хотят предложить тебе временную работу.

– Мама, что у нас с самоваром? – крикнул Никифоров, отворачиваясь. Пытался скрыть то выражение, что мелькнуло у него на лице. Надежда и что-то еще. Искательность и одновременно неверие в удачу.

Вышла аккуратная старушка, сказала:

– Горячий. Только вот чем будем угощать?

– А мы все с собой привезли, – стал вываливать кульки на стол Титус. – С удовольствием попьем, коли угостите. Я хоть и лифляндец по рождению, но давно живу в России и привык к чаю. Позвольте представиться: Яан Францевич Титус, лесопромышленник.

– Титус? – тут же вскинулся Никифоров. – А... – Но осекся, не договорил.

– А это Алексей Николаевич Лыков, мой товарищ и притом работодатель.

– Так бывает? – не удержался хозяин.

– Редко, но бывает, – вступил в разговор надворный советник. – У меня имение в Ветлужском уезде, Ян Францевич там управляющий. Мы прежде вместе служили в Нижегородской сыскной полиции.

– Вот как, – насторожился Никифоров. – Тоже отставные, как и я?

– Господин Лыков – чиновник особых поручений Департамента полиции, – пояснил надзиратель. – То есть он сам сыщик, лесом не занимается. А здесь в отпуску, по личному делу. Сейчас тебе все разъяснят.

Четверо мужчин уселись за стол и принялись ждать чая. Старушка споро расставила чашки, положила щипцы для сахара, заварила покрепче в чайнике и удалилась. Немедленно Титус заговорил:

– Вы правильно догадались, Александр Лукич. Я брат Язепа Титуса, которого зарезали. И хочу доискаться истины: кто и за что его погубил.

Никифоров молча слушал.

– Мы с Алексеем Николаевичем были сегодня у Войтова с Кнаутом. Отовсюду нас выставили. Под тем предлогом, что погибший был жулик, пропащий человек, и нечего, мол, стараться поймать злодеев. Получил, что заслужил.

– Позвольте сказать, Ян Францевич, что брат ваш хорошо был мне известен. Я лично его арестовывал. Захотите ли вы после этого иметь со мной дело?

– Арестовывали – так что ж? – лесопромышленник даже привстал от волнения. – Язеп был преступник, это правда. Вы исполняли свой долг. Нет, я не считаю это препятствием.

– Так что же именно вы желаете от меня?

Тут встрял Растегаев:

– Господин пристав строго-настрога запретил нам помогать приезжим господам. А те готовы предложить награду за содействие в частном дознании.

Никифоров нахмурился:

– Частные дознания у нас запрещены.

– Ну и что? – ухмыльнулся надзиратель. – А то ты не знаешь! Сплошь и рядом мы получаем деньги от обывателей. Ежели, к примеру, хорошо исполнили свою обязанность.

– Да, но с разрешения полицмейстера.

Растегаев вздохнул и терпеливо продолжил:

– Мне такого разрешения никто не даст. А тебе оно и не нужно. Я при господах открыто говорю, что имею в этом деле свой интерес.

И готов помогать тебе секретно, чем смогу, за разумную долю. Ты, так сказать, снаружи, а я изнутри полиции.

Никифоров задумался, потом спросил Титуса:

– Велика ли награда?

– За прямое отыскание убийцы – тысяча рублей.

Отставной сыщик чуть не упал со стула.

– Тысяча?!

– Да. Беретесь?

– Но, господа, ежели вы оба были сыщики... А господин Лыков и сейчас служит в полиции... то должны понимать. Прямое отыскание убийцы может у меня не получиться. Вернее ожидать, что я смогу найти важные подсказки, которые приведут потом к раскрытию преступления. И как же тогда вы определите размер награды?

Лыков все это время внимательно наблюдал за хозяином и теперь окончательно сделал выбор. Никифоров ему нравился. Сразу оговаривает свою возможную неудачу, хотя мог бы сказать орлом, а там как пойдет... И надворный советник вмешался в разговор:

– Мы с Яном Францевичем хорошо это понимаем. Нам сейчас нужна ваша помощь. Официальное дознание полиция вести не хочет. Дело вот-вот закроют. Помогите нам, и мы не оставим вас без благодарности. Договоримся. Любые следы лучше, чем ничего. Получите часть награды, какую именно – покажет время. Даем вам обязательство в присутствии Сергея Петровича. А мы словами не бросаемся.

И Никифоров, и Растегаев облегченно вздохнули. Это был важный момент, без разъяснения которого нельзя договариваться. Лыков окончательно сломал лед, выложив на стол купюры.

– Вот, здесь сто рублей на расходы. Вам придется платить осведомителям, тратиться на извозчиков...

Александр Лукич положил ладонь на деньги, но не взял их.

– В каком виде вам за них отчитываться?

– Ни в каком, – ответил надворный советник. – Мы тут все сыщики и знаем кухню. Сунули вы дворнику или половому в трактире. Он что, вам справку в том выдаст? Мы с Яном Францевичем доверяем вашей порядочности.

Хозяин убрал купюры в потертый кошелек. И едва заметно улыбнулся, словно выиграл в лотерею и пытается скрыть радость от посторонних... Лыков был уверен, что часть полученного уйдет не по назначению. Безработный, безденежный, Никифоров заплатит первоочередные долги. Что-то купит в дом. Но, как свойственно порядочному человеку, сразу

рьяно возьмется отрабатывать обязательства. То, что сумма отчасти потрачена на личные нужды, будет его лишь подстегивать. А сейчас это и требуется.

Александр Лукич взял бумагу, карандаш и деловым тоном спросил:

– Какое было последнее местопребывание Язепа Титуса?

– В Шарлоттентале. Лугово-Граничная улица, дом семь, – сообщил лесопромышленник.

– Это возле ипподрома? Которую в Стрелковую переименовали?

– Да. Должен предупредить: когда я стал ходить там и расспрашивать, очень скоро ко мне подошли трое с ножами и велели убираться, пока цел.

– Серьезные?

– Нет, мелкая шпанка. Но кто-то же их подослал!

– Понятно, – нахмурился бывший сыщик.

– Ну, этих мы отпугнем, – вставил Лыков.

– Как отпугнете? – хором спросили рижане.

– Да вот завтра и увидите. Так что на шпанку времени не тратьте.

Ищите глубже.

– А место службы, приятели, переписка?

– Вот этим и надо вам заняться, Александр Лукич. А господин Растегаев поможет.

Надзиратель кивнул.

– По собранным сыскным отделением сведениям, – начал он, – Язеп нигде не служил. Но деньги у него откуда-то водились. Правда, нерегулярно. Бывали трудные моменты, и тогда он закладывал часы и папиросник. Но всегда выкупал потом.

– Так кем же был Язеп Титус? – спросил надворный советник и покосился на друга. Тот нахмурился, но промолчал.

– Мы считаем, что наводчиком.

– Вот как? И с какой шайкой он работал? Ведь наводчики, как правило, к кому-то приписаны.

– Да, – подтвердил надзиратель. – Язеп почти наверняка работал с Ярышкиным.

– Кто таков?

– Ярышкин Иван Иванов, из рижских мещан, приписан к рабочему окладу, – начал по памяти рассказывать Никифоров. – Четыре ареста за грабежи. Но это по молодости. Потом он перешел на разгром квартир, там добыча больше. У Ваньки банда человек в десять. Квартирует в трактирном заведении Петерсона на Ярославской улице, дом сорок три. Пользует рынок Красная горка в четвертом участке Московской части.

- Пользует – это что значит? – уточнил Ян.
- Ну, продает там краденое, собирает плату за право торговать селедкой...
- Плату собирает? И что, дают?
- Дают, иначе могут порезать. Или товар на землю вывалят.
- А полиция куда смотрит?
- Как обычно: поверх голов. Околоточному проще не замечать. Конечно, когда дело доходит до полицмейстера и тот спускает участковому приставу, тогда начинают суетиться. Изображают усердные поиски. В серьезных случаях могут и арестовать кого-нибудь из шайки. Но Ярышкин уже при хороших деньгах, он откупается.
- Господа, – обратился Лыков к рижанам, – вопрос к вам обоим. Ярышкин мог убить старшего Титуса? Ведь не всякий налетчик пойдет на мокрое дело.
- Те переглянулись, и Растегаев осторожно ответил:
- На Московском форштадте все бывает. Самое поганое в городе место.
- Там примерно шесть или семь шаяк, – добавил Никифоров. – Это не считая шпанки из рабочих. Шпанка по мелочам хищничает: часы где сорвет, рублевину у прохожего отымет. А настоящие бандиты громят зажиточные квартиры и воруют по складам. Вот на Масленицу на Спасо-Церковной улице из амбара Товарищества сахарных заводов украли пятьдесят пудов сахара. Это же на ломовике нужно было вывозить!
- Сахар пусть, а убийства?
- Алексей Николаевич, есть и они, – тщательно подбирая слова, ответил хозяин. – Только скрывают. На той неделе стали на Семеновской погреб копать и отыскивали скелет. Не из древних.
- И что?
- Грохнули кого-то и зарыли. А в статистике отмечено как смерть от неизвестной причины в стародавние времена.
- А на самом деле чей был скелет?
- Шайки эти, о которых я сказал, вечно друг с дружкой воюют. Делят Московский форштадт. Ну, как на любой войне, есть потери. Думаю, это их покойник. Павший, так сказать, солдат.
- Или давеча углубляли Двину напротив Замка, – подхватил Растегаев. – Глядь, а в черпаке-то кости! Половина туловища. И тоже списали на несчастный случай, будто это утопленник.
- Что же, он сам себя пополам распилил, перед тем как в реку броситься? – возмутился Ян.

– Нет, его-де землечерпалка ковшом перерубила.
– Ну у вас и порядки! – осудил Алексей. Но подумал и добавил: – Впрочем, так везде.

Мужчины помолчали, прихлебывая чай. Потом надворный советник обратился к хозяину:

– Вы сказали, на Московском форштадте несколько банд и они между собой воюют. А есть главная? Имеется там «король»? Вот как Цвейберг у немцев.

Никифоров покачал головой:

– Нету. Каждый сам за себя и против всех.
– Есть одна шайка, она посильнее других будет, – возразил Растегаев.
– Ты Рейтарова имеешь в виду? – вскинулся Александр Лукич.
– Да. Человек в большую силу вошел. И людей у него вдвое гуще, чем у любого из противников.

– Расскажите нам про него, – попросил Лыков.

– Приехал он из Митавы шесть лет назад, – опять взял слово хозяин. – Видать, там его прижали, вот и сменил приписку. Огонь! Смел и напорист. Подминает под себя форштадт, чем дальше, тем больше. Кличка у него, понятное дело, Вовка Рейтар. Штаб Вовки на улице Тургеневской, в пивной Мунге.

– Я рассуждаю вслух, – начал Алексей. – Конечно, не зная обстоятельств так, как их знаете вы... Мои рассуждения, возможно, покажутся смешными. Не мог ли Язеп попасть между жерновами? Сделаться жертвой войны банд?

– Мог, – сразу же ответил Никифоров. – Версия не хуже других. Например, он был наводчик у Ярышкина, но потом решил переметнуться к Рейтарову. Отдал богатую квартиру, чтобы выслужиться. А Иван Иванович отомстил.

– Откуда известно, что Титус был наводчиком?

– Внутреннее осведомление сообщило.

– И как он это делал?

Никифоров в очередной раз покосился на лесопромышленника и ответил:

– Извините, Яан Францевич. Вам неприятно будет это слышать.

– Валяйте.

– Брат ваш был из хорошей семьи, но сбился с колеи. Учился в Политехникуме, не закончил, но знакомые из высшего круга у него остались. И вот он повадился ходить к ним в гости. А после его визитов квартиры те ловко громили. В конце концов люди заметили такие

совпадения, и перестали пускать столь опасного человека.

– У вас есть свои осведомители в преступной среде? – спросил Лыков.

– Мы все, надзиратели сыскного отделения, распределены по участкам. Александр Лукич как раз и занимался Московским форштадтом, – пояснил Растегаев. – Конечно, агентура имеется, и он ее всю помнит. А я со своей стороны помогу.

– Тогда, господа, прошу вас заняться этой версией.

– Слушаемся, – хором ответили рижане.

– Еще вот что, – сказал Титус. – Брат мой по своему характеру не мог обходиться без женщины...

– Это так, – хмыкнул Никифоров. – Бабам он всегда нравился. Когда я его засадил в кутузку, ходила ко мне одна. Деньги предлагала и даже себя!

– Женщины действительно вились вокруг брата, – подтвердил Яан. – Смолоду так было. Но в квартире на Лугово-Граничной он жил холостяком. Полагаю, у Язепы имелось еще убежище, которое сыскная полиция не нашла, потому что не очень и искала. Там живет его последняя подруга. И она может сообщить что-нибудь важное.

– Понял, Яан Францевич, – записал себе Никифоров. – Ни как зовут, ни адрес, конечно, вы не знаете?

– Нет. Но кто-то да знает.

– Займусь.

Хозяин мялся, словно хотел что-то спросить, но не решался. Титус заметил это и сказал:

– Говорите. Между нами не должно быть недомолвок.

– Непонятно мне... Фамилия ваша латышская, имя у брата тоже латышское. А у вас имя эстонское. Как так вышло?

Пришел черед удивляться Лыкову – он всегда считал своего друга латышом.

– Да, буква одна лишняя, – согласился Титус. – Должны были назвать Яном, без «а» в середине. Но матушка моя покойница была эстонка из Ревеля и назвала меня так в память о своем отце.

На этом беседа закончилась. Растегаев задержался у приятеля – им надо было оговорить детали предстоящего дознания. Рижане остались довольны: заказ богатый, материал знакомый. А приезжие отправились в гостиницу. Извозчик ждал под окнами и домчал их быстро. Понтонный мост уже развели, ехали по Железному^[26]. Еще днем Яан успел рассказать приятелю про него. Мост погубил своего создателя! Он был выстроен в 1871 году по планам профессора Бесара. И во время строительства тот упал с пролета и погиб. Сейчас в темноте мост казался особенно зловещим.

Внизу по Двине нескончаемой лентой тянулись плоты. Весна – самый разгар лесного промысла. Лыков только вздыхал. Эх, пропал год! Без хозяйского глаза там, на Ветлуге, успехов не жди. Рукавицын, конечно, дело знает. Но на нем стройка, имение, лесоохрана... Ну что, пропал, так пропал. Яков важнее барышей. Они пробудут здесь столько, сколько нужно.

Титус тоже молча взирав на чужие плоты. По приезде в гостиницу он сразу пошел спать, а может, просто хотел побыть один. Алексей засел в ресторане и начал истреблять пиво. Он решил перепробовать все местные сорта. Но битва вышла неравной. Немцы – искусные пивовары, и выбор в Риге оказался гигантским. После шестой кружки глаза у сыщика стали слипаться. Вальдшлоссенское надо запомнить, подумал он, поднимаясь в номер. С этой нехитрой мыслью и уснул.

Глава 3. Незаконное дознание

Утром приятели обсудили вчерашнюю беседу. Титусу новый их порученец тоже понравился. Оставалось надеяться, что он сдвинет дело с места. Без полномочий, имея в противниках здешнюю полицию, сами по себе приятели бессильны. А к тому времени, когда вернется Суровцев, закончится отпуск и у Лыкова.

– Ну, пошли ловить гадов, – сказал Алексей после завтрака.

– Эх! Дали бы нам их допросить... – помечтал Ян. Но мысль была наивной. Допустим, приятели поймут ту шпанку, что угрожала Титусу в первый его приезд, и доставят в участок. Дальше что? Как частные лица, они после оформления протокола сразу будут выпровожены оттуда. Арестованных поместят в следственную тюрьму и назначат суд. Все. Единственная польза для дознания – то, что станут известны имена мазуриков. И Никифоров поймет, из чьей они шайки. Ну и вообще... Если ворошить палкой в осином гнезде, глядишь, что-то и откроется. Главное, чтобы тебя при этом до смерти не закусали.

Итак, Ян снова оказался возле дома номер семь на Лугово-Граничной улице. Она называлась так потому, что отделяла городские выгонные луга от жилых кварталов. Власти переименовали улицу в Стрелковую, но все называли ее по старинке. Местоположение улицы необычное: одной стороной она выходит к садовым хозяйствам. Теплицы Гегингера сменяются клубничными грядками Вагнера, и шум Николаевской улицы досюда не доносится.

Лыков с Титусом рассчитывали выманить бандитов. Для этого Титус упрямо мозолил всем глаза: зашел к хозяину, опросил соседей, извел буфетчиков в окрестных пивных. Приятели предполагали, что злодеи захотят проучить незваного гостя именно в садах, где это делать удобнее. Так и вышло.

Лыков болтался неподалеку, переходя из портерной в пивную, а из пивной в трактир. Этого добра тут хватало: ипподром рядом, надо же помочь людям спустить дурные деньги. Сыщик первым заметил трех бугаев самого бандитского вида. Они появились со стороны городского пастбища.

Вскоре их увидел и Титус. Будто бы испугавшись, он ринулся через калитку в сады. Да вот незадача: угодил со страху в тупиковую аллею. Когда лифляндец понял, что попался, то обернулся к своим

преследователям и принял жалкую позу. Те довольно загоготали. Казалось, все на их стороне. Вокруг никого, противник один и даже без трости. Портяночники подошли вразвалку и вынули ножи.

– Слышь, ты. Дурной, что ли? – сказал старший. – Тебе говорили, чтобы тут больше не появлялся? Говорили. И чего опять приперся?

– А теперь снова скажи, уже мне, – раздался вдруг за его спиной голос. Главарь обернулся и увидел хорошо одетого господина средних лет с очень широкими плечами.

– Ты еще кто? – рявкнул уголовный, помахивая финкой. – Ступай, куда нос не отрезали!

Больше он ничего изречь не успел. Титус сзади крепко приложил его по затылку. А Лыков схватил оставшихся под бока и сжал до хруста в костях.

– Говорите, сукины коты, кто вас послал! Ну? Ребра поломаю!

Ребята посинели, но еще гоношились.

– Барин, отпусти нас по-хорошему, – предложил один, с чирьем на лбу. – А то ведь когда мы все явимся, худо тебе будет.

Но сыщик так врезал ему под дых, что того пару минут выворачивало наизнанку. За это время пришел в себя главарь. Лыков поставил всех троих на колени и принялся допрашивать.

– Значит, описываю перспективу, – начал он. – Вы мне говорите, кто вас подослал. С подробностями. Ежели вздумаете молчать или врать, бью жутким боем, пока не скажете.

– А вдруг не сознаются, Алексей Николаич? – ехидно спросил Титус.

– Тогда, Яков Францевич, я их замордую до смерти.

– Неужели всех троих? – продолжил Яан.

– Нет, одного оставлю. Того, который расскажет.

– Так он ведь тебя же и выдаст следователю.

– Один не выдаст. Кто ему поверит, что надворный советник Департамента полиции людей убивает? Опять же, нас двое. Уважаемые люди. А он один и бандит. Нет, нам поверят, а не ему. Видишь ножи с кастетами? Напали на нас, сволочи, и хотели ограбить. Пришлось жизнь спасать. Годится, Яков Францевич?

Титус прошелся перед пленными, глаза его горели злобой.

– Вы, твари! Это мой товарищ, зовут его Лыков. И служит он действительно в Департаменте полиции. Таких мразей, как вы, господин Лыков много перебил. Еще пару ничтожных жизней ему совсем не жаль. Место здесь тихое, свидетелей нет. Выбирайте: или говорите нам все, что спросим, или подыхайте. Мне за брата вас не жалко. Ну? Ты первый, –

он ткнул пальцем в главного.

Тот мотнул головой:

– Пугай свою бабушку! А я уж пуганый...

Титус отошел в сторону и сказал:

– Ну, Алексей Николаевич, покажи себя.

И Лыков показал. Двое других бандитов не смогли смотреть без содрогания, как мутузят их начальника. Конечно, сыщик не собирался убивать преступника, но отделал на совесть. Тот больше походил на мертвого, чем на живого.

– Уф, утомился, – прекратил он расправу через несколько минут. – Дай маленько отдохнуть, и продолжим.

Пленные сделались белее мела. Вокруг ни души, главарь лежит весь в крови, а эти двое не намерены останавливаться. Надворный советник взял парня с чирьем за волосы и неожиданно легко оторвал от земли. Тот завизжал от боли. На крик выскочил из кустов садовник, но увидев, что творится, тут же юркнул обратно.

Держа налетчика на весу, сыщик спросил:

– Ну?

И замахнулся.

– Я скажу, скажу!

Поставленный на землю пленник торопливо заговорил:

– Нас послал Ярышкин. Велел, значитца, спровадить евонное степенство, брата убитого Язепа.

– Зачем?

– Чтобы под ногами не путался.

– Кто убил Язепа Титуса?

– Сами ищем, ваше высокоблагородие. И не можем найти.

– Что значит сами ищите?

– А он от нас дуван^[27] утаил. Навел на квартиру, богатая была! Много взяли. Надо, значитца, спрятать, пока сыщики лютуют. А потом-де продадим, когда поутихнет.

– Ну и что?

– Так мы дуван-то ему и отдали, наводчику. А он возьми и сбеги. Вот, господин Ярышкин велел найти и наказать. И кле^[28] вернуть.

– Ты чего мне тут лопочешь?! Я спрашиваю, кто его убил.

– Говорю, как на духу, ваше высокоблагородие: сами не знаем. Сбег Язеп, а потом его зарезанного нашли. Плакал наш дуван. И Ярышкин приказал тогда убийцев этих определить. Чтобы спросить, а не у них ли

теперь вещички?

– Зачем моего друга стращали?

– Так я ж сказал, ваше высокоблагородие! Ходят, внимание привлекают. Полиция может заинтересоваться. Ни к чему это.

– Тьфу! Стань обратно на колени.

Бандит повиновался, а приятели отошли в сторону и начали совещаться.

– Мне кажется, он правду говорит, – сказал Алексей.

– Похоже, – ответил Яан. – Помнишь, что полицмейстер сказал? Вор у вора дубинку украл. Они это, видать, уже раскопали, только нам не говорят. Поэтому и искать не желают.

– Ну, тогда от этих больше ничего не добиться. Пошли в полицию.

Всей толпой они явились в ближайший участок. Двое уголовных несли на себе третьего. Тот был в сознании, но сам идти не мог. В участке Лыков предъявил свой полицейский билет и рассказал, что на них с приятелем напали. Когда они мирно гуляли в саду Гегингера, нюхая сирень... Пришлось отбиваться от ножей, вот их три штуки. Главарю намали бока, чтобы уравнивать силы. Оставшиеся сдались.

– Ловко вы его отделали, – констатировал пристав, коллежский асессор Малаховский, разглядывая главаря. – Известный в наших местах человек, кличка Дюжий. Налетчик.

– Был дюжий, а стал недужий, – плоско сострил Лыков. – Ну, мы пошли?

– А протокол?

– Пришлите в гостиницу «Центральная», – отрезал надворный советник. – Времени нет здесь торчать.

– Минуту! – сообразил вдруг пристав. – А вы не те ли двое приезжих, о которых мне телефонировал вчера господин полицмейстер? Ну-ка, ну-ка... Точно! Лыков и Титус.

– И что теперь?

– Велено не оказывать вам содействия, вот!

– Да ну! Может, и налетчиков тогда отпустите? – с издевкой спросил Лыков. – Мы за вас работу сделали, опасных грабителей поймали. Без всякого содействия. Как в рапорте укажете? Себе припишете?

Малаховский обиделся:

– Надо еще разобраться, что там на самом деле случилось. Почему это человек едва живой? Нанесение побоев без достаточных на то оснований. Он на вас в суд может подать!

– Налетчик Дюжий? На чиновника особых поручений Департамента

полицей? Вы в своем ли уме, коллежский асессор? И вам не ясно, что там случилось? Может, это мы с Титусом напали на мирных обывателей? Давайте-ка у них спросим. Эй, вы! Что там было?

И незаметно показал портяночникам кулак. Те сразу закивали:

– Так и вышло, как их высокоблагородие рассказывают. Налетели мы... по незнанию. Знали бы, за версту господина Лыкова обходили.

Дюжий хлопнул разбитыми губами, хотел что-то добавить, но не смог.

Обедали приятели в ресторации «Иоанновский погреб», что в здании Малой гильдии. Лыков пробурчал, цедя пиво из очередного бокала:

– Видишь, и мы на что-то сгодились...

– А на что, Леш?

– Ну, узнали новость.

– То, что мой брат украл у воров дубинку? Узнали. А как ею распорядиться?

– Сообщим нашим тайным помощникам. Растегаев спросит осведомителей. Глядишь, ниточка и потянется.

– Не успеем.

– Отпуска у меня еще одиннадцать дней. Не кисни раньше времени. Если мы что-то зацепим, мне будет легче говорить с губернатором. Ну, уедем, вроде как восвояси. Потом вернемся.

– Только время твое я трачу, – расстроился Ян. – Извини. Зря тебя втянул. Лучше бы лес сейчас сплавлял.

Он действительно закис. Перспективы приятелей выглядели туманно. Рижская полиция искать убийц не собирается. Войтов, халамидник, уже все части оповестил. А то новое, что они узнали о брате, еще больше путало дознание. Зачем людям Кнаута стараться, ловить головорезов? Язеп сам виноват: обворовал своих же...

Остаток дня прошел без приключений.

Когда наутро сыщик и лесопромышленник завтракали в ресторане гостиницы, в дверях показался Никифоров и стал делать какие-то знаки. Алексей пригласил его за стол.

– Поешьте с нами, Александр Лукич.

– Да я уж ел.

– А вы еще раз. Иначе нам будет неловко заставлять вас ждать.

Отставной надзиратель согласился и умял свиную шею с серым горохом. Потом выпил пива, закурил с позволения работодателей. Алексей заметил, что воспитание у гостя хромало: вилкой и ножом он орудовал с трудом. Но зато умел себя держать, не стеснялся и не заискивал.

– Сначала мы вам изложим, что вчера выяснили, – объявил Титус

за папиросой.

– Это в саду Гегингера? – усмехнулся Никифоров.

– Что, разведка уже донесла? – в тон ему хмыкнул Лыков.

– Так точно. За Дюжим грехов много, теперь его законопатят года на полтора. А потом вышлют в уезд, под гласный надзор полиции, без права проживания в Риге. Воздух чище станет.

– Ну и ладно, – согласился Алексей. – А вот послушайте, о чем ваша разведка не знает.

И он рассказал, что удалось вытрясти из бандитов. Зверогон отнесся к новым сведениям с большим вниманием. Вор у вора дубинку украл! Выходит, это было сказано не для красного словца. Язеп Титус скрыл от влиятельного маза^[29] его законную добычу. За такое могут и убить. И, значит, Ярышкин теперь первый на подозрении.

Потом настала очередь Никифорова делиться новостями. Сначала он пересказал протоколы осмотра места преступления и агентурные донесения осведом. Все это ему тихонько предъявил Растегаев.

Именно агентура предположила, что старший Титус обокрал своих. Как человек темный, он общался с разными воровскими хороводами^[30]. Наверняка и наводил то тех, то этих. И кого именно Язеп облапошил, узнать теперь невозможно. Врагов у мазурика должно быть немало. Вот ведь характер! В Московском форштадте такое учудить. Нарывался на неприятности, иначе не скажешь.

Теперь протоколы. Язеп зарезали ударом ножа. Били туда, где у обычного человека располагается сердце. Но у погибшего была редкая аномалия: сердце находилось с правой стороны груди. Злодей этого не знал, и потому с первого удара жертву только ранил. Язеп боролся и схватил убийцу за одежду. В кулаке осталась оловянная пуговица железнодорожника. Указания конкретной дороги на пуговице нет, лишь выдавлен паровоз.

– Среди известных сыскной полиции громил есть бывшие железнодорожные рабочие? – спросил Яан.

– Никого, – коротко ответил Александр Лукич.

– А вещи брата сыщики искали?

– Часы и папиросник у него были серебряные, это подтвердили осведомители. Часы точно определить нельзя, номер их неизвестен. А папиросник заметный, его бы узнали. На нем изображена сцена: из кустов вылетает утка, а в нее целится охотник. Люди Кнаута обошли все ломбарды и ссудные кассы. Бесплезно: нигде такого не заложили.

– Значит, сыскное отделение таки ударило пальцем о палец, – нехотя констатировал Титус.

– Все же убийство, редкое для наших мест преступление, – пояснил бывший сыщик. – Начальство жмет. Но сходу взять след не вышло. А когда узнали, что ваш брат у своих украл, то вовсе махнули рукой.

– Это все? – спросил Яан, устало щурясь.

– Нет, – ответил Никифоров.

– Ну, говорите! – накинулись на него наниматели.

– Я отыскал женщину, с которой в последнее время жил ваш брат.

– Кто она и как ее найти?

– Зовут Лиза Эглит. Купеческая вдова тридцати лет. Жила на углу Витебской и Малой Горной, но месяц назад переехала вдруг в Митавскую часть, во второй участок. Нынешний ее адрес: Зассенгоф, Кандауская улица, дом шестьдесят один.

– Едем! Вы с нами?

Но отставной надзиратель отказался:

– Вы там без меня управитесь. А я лучше с агентурой покалякаю насчет пропавшего дувана. Может, кто что и скажет.

Кандауская улица находится на западной окраине Задвинья. Между Зассенгофом и Крузенгофом вырос целый поселок из невзрачного вида домов. Люди, что селятся здесь, словно заранее ни на что не претендуют...

Сыщик и лесопромышленник разыскали нужный дом и тактично постучали в дверь. Та вскоре распахнулась. На пороге стояла женщина и недоверчиво смотрела на гостей.

– Кто вы и что вам угодно?

– Дозвольте войти. Мы ищем госпожу Эглит.

– Это я.

Пройдя в комнату, Лыков сразу обратил внимание на скромность убранства. Старая мебель, ни одной дорогой безделушки на комод. Зеркало, которое уже почти ничего не отражает. Хозяйка выглядела под стать жилищу. Усталое лицо, шея в ранних морщинах. Только волосы у женщины оказались хороши. Длинные, цвета льна, они живописно вились по плечам.

– Так кто вы? – беспокойно переспросила хозяйка. Но всмотрелась в Яана и ахнула: – Не может быть!

Далее она сделала совсем невообразимое.

– Извините, я хочу убедиться.

И сунула руку за полу сюртука Титуса с правой стороны. Быстро отдернула ее и сказала:

– Здравствуйте, Яан Францевич.

– Все верно, Лиза, – ответил тот дрогнувшим голосом. – У меня сердце тоже не там, где полагается.

Будто что-то невидимое разлилось в воздухе маленькой комнатки. Трое людей сели и сдвинули стулья. Как самая близкая родня, которая давно не виделась. Эглит без расспросов начала:

– Я переехала сюда после первого апреля. Язеп велел. Он чего-то боялся... Впрочем, он в последние месяцы постоянно был в страхе.

– А раньше? – перебил Лыков. И тотчас же поправился:

– Виноват, я не назвал себя. Алексей Николаевич Лыков, старый товарищ Яана. Мы приехали из Петербурга и ведем собственное дознание смерти его брата.

– Собственное? В обход полиции?

– Увы. Полицмейстер и начальник сыскного отделения нам фактически отказали. Они не станут искать убийц, спустят на тормозах. Вы понимаете, почему?

– Да, – ответила Лиза. – Мне уже объяснили. Там же, где и вам, на Театральном бульваре.

– Мы с Яаном Францевичем этого так не оставим. Потому и разыскали вас. Надеемся, что вы дадите какие-нибудь подсказки. Любые сведения, даже самые на вид незначительные, могут пригодиться. И бумаги, если что осталось, тоже покажите.

– Понятно, – кивнула женщина. – Бумаги Язепа лежат в бюро, вот они. Все, что есть.

И она вручила сыщику пачку, перетянутую резинкой. Тот немедленно передал их другу.

– Вы сказали, что покойный... – Алексей осекся и продолжил иначе: – ...что Язеп Францевич последние месяцы жил в страхе. Когда именно это началось? Имело место происшествие? Может быть, даже у вас на глазах? И потом, а как все обстояло прежде? На какие средства он существовал? Жил ли в достатке или наоборот, в бедности?

– Сразу столько вопросов, – смешалась Лиза. – Давайте по порядку, так проще. Наверное, мне следует рассказать все с самого начала. Кто я такая, как сошлась с Язепом... что видела...

– Пожалуй.

– Я рижанка. Десять лет назад вышла замуж за купца второй гильдии. Все было хорошо. У мужа имелась лавка на Двинском рынке, и дохода с нее нам хватало. Деток вот Бог не дал, а так... Жить бы да жить. Но случилось несчастье. Криш купил пару новых лайковых перчаток.

Мы пошли в театр, муж их надел. На другой день у него на щеке вскочил небольшой прыщик. Видно, он коснулся лица рукой в перчатке. Через день у Криша распухло уже все лицо. Ему сделали операцию, удалили зараженную часть щеки. Ничего не помогало. Он все время был без сознания. Воспаление мозга и смерть на четвертые сутки...

– Сибирская язва? – догадался Алексей.

– Да. В Бикернском лесу, за городом, закапывают трупы павших животных. Какой-то бесчестный человек снял с больной коровы шкуру, прежде чем зарыть, и наделал из нее перчаток.

– Виновного не нашли? – спросил Титус.

– А никто и не искал. Так я осталась одна. На лавку был взят кредит. Пришлось продать домик и ютиться по съемным квартирам. Устроилась в кондитерскую продавщицей пирожных. Потом стала стара для такой работы, там нужны молодые и веселые. Деваться некуда, пошла прислугой... в пивную.

На этом месте женщина осеклась и посмотрела на собеседников, ожидая понимания.

– Околоточный узнал? – предположил Лыков^[31].

– Да. Я, конечно, блюла себя, но все равно выгнали. Снова нечего стало есть... С большим трудом попала на телефонную станцию. Так и жила. А четыре года назад встретила Язепа. Он умел нравиться женщинам. Мы сошлись.

– Чем занимался брат тогда? – опять вступил в разговор Титус.

– Я никогда в точности не знала его дел. Но они были темны... Помню, некоторое время мы с ним обедали в Центральной кухмистерской. Это в здании Большой гильдии. Довольно сносно и недорого, особенно по абонементу. Обед из двух кушаний – всего семь рублей в месяц, из трех – девять с половиной. Можно без абонемента, тогда это двадцать пять и тридцать пять копеек в день соответственно. Стали завсегдатаи, официанты здоровались. Для таких, как мы, небогатых людей кухмистерская очень подходила. А потом выяснилось... Даже не хочется говорить.

– Язеп подделывал абонементы, – закончил за женщину Титус.

– Я до сих пор обхожу то место стороной, – вздохнула Лиза. – Стыдно.

– Чем еще он промышлял? – выручил ее Лыков. – Кто-нибудь ходил к вам домой? Товарищи, деловики? Может, звучали имена или место службы?

– Чаще других появлялся Адо Кадак, хозяин артели старьевщиков.

Мужчины переглянулись. Лиза заметила это.

– Он никогда мне не нравился. Однако что плохого в том, что человек старьевщик?

– В большинстве случаев правильнее говорить вор, – пояснил надворный советник.

– Но они же просто ходят по квартирам. Скупают кость, стекло, тряпки. Тяжелое ремесло, однако вполне законное.

– Это только с виду. Квартирные воры с утра разбредаются по предместьям, стучат в двери. Если им не открывают, они быстро ломают замок, проникают внутрь и хватают, что попадется под руку. И дёру. Ежели вдруг соседи заинтересуются или хозяева окажутся дома, тогда им предлагают продать ненужные вещи. И вообще заговаривают зубы. При этом воры оценивают замки, богатство жильцов, сколько людей в квартире... Все это пригодится в следующий раз. А хозяин артели, по сути, маз. Главарь шайки. У него связи со скупщиками краденого и свои люди на толкучих рынках.

Все трое помолчали, потом Яан продолжил расспросы:

– Кто еще приходил к вам, кроме старьевщиков?

– Давний приятель Язепа Карл Рымкус.

Лесопромышленник стукнул кулаком по столу:

– Тварь! Это он втянул брата в первое преступление. Жив, значит? И никто ему голову не пробил?

– У Рымкуса ломбард. Говорят, полиция часто находит там краденое, но патент не отбирает. Разве такое возможно?

– Возможно, если хозяин служит тайным осведомителем, – пояснил женщине Лыков. – Тогда ему разрешают махинации в рамках дозволенного – в обмен на доносы.

– Похоже на Карла, – вздохнула Лиза.

– У брата так и не было постоянного места службы? – уточнил Титус.

– Не знаю. Он же скрытный, ничего не рассказывал. Иногда в доме появлялись деньги, и даже немалые. Мы кутили, покупали обновки. Деньги быстро заканчивались. Но...

– Что? – насторожились сыщик и лесопромышленник.

– Год назад мне показалось, что у Язепа появилась настоящая работа. Он стал рано уходить, я собирала ему узелок с едой.

– Вот как!

– Да. Это длилось месяц-другой, потом он снова принимался валяться на диване. Причем средства не переводились. Недельку отдохнет и опять вроде как устроится. Еще раз в неделю ночью ваш брат уходил играть в карты. В какой-то тайный притон. Возвращался злой и без копейки.

И утром кричал: «Где мои бутерброды?» Так прошел весь последний год. Лишь с февраля он стал чаще оставаться дома. Если и уходил, то ненадолго.

Лиза замолчала, а потом добавила:

– Да, иногда Язеп уезжал в командировки. Говорил, что по службе.

– Куда именно?

– Помню, что в Варшаву и Ревель. Еще, кажется, в Митаву.

– Так что было в последние месяцы? – настойчиво спросил Яан. – С того же февраля. Брат обеднел или наоборот, стал богатеть?

– Он сделался увереннее и богаче, – ответила Лиза. – И как-то... заматерел, так по-русски?

– Есть такое слово.

– Вот. Язеп изменился, сильно изменился. Однажды я увидела у него толстые пачки денег, несколько тысяч! Если не десятков тысяч. Я искала их... потом, после того как... Но ничего не нашла.

Гости напали на женщину с расспросами. Ведь где-то здесь разгадка! За толстые пачки обычно и убивают. Но Лиза не смогла объяснить, откуда у старшего Титуса взялось такое богатство.

– Посмотри бумаги, – обратился Лыков к товарищу. – Вдруг там есть указания, где он служил?

Яан развязал резинку. Сверху лежал паспорт.

– Странно, – пробормотал он. – Мне уже отдали его документы в сыском. Там была и паспортная книжка. У него их две, что ли?

Раскрыл и ахнул:

– Не может быть!

– Что такое? – нахмурился Лыков. – Дай-ка.

Это был паспорт Рижского податного управления от 4 декабря 1897 года № 821, на имя приписанного к рабочему окладу Язепа Францева Титуса.

– И что тут не так?

– Вот эти слова: «Приписанного к рабочему окладу», – заявил Титус в сильном волнении. – В том, первом паспорте, что лежит в гостинице, сказано: «Приписан к служительскому окладу». Понимаешь?

– Нет. У нас в России указывают по-другому. Паспорта дают не всем, чаще это виды на годовой и на пятилетний срок. А тут рабочий оклад, служительский... Объясни, в чем дело?

– Разве в России полагается человеку иметь два разных паспорта?

– Нет, конечно.

– А у Язепа их было два. Один на рабочего, а второй на служащего.

Эглит слушала гостей и ничего не понимала. Наконец она потребовала, чтобы и ей все объяснили.

– Такие бумаги выдает городское податное управление, – начал Ян. – В подобных делах обязателен порядок, ведь от этого налоги зависят. И, стало быть, городской бюджет. А мы видим нарушение: один и тот же человек приписан к двум разным сословиям.

– Этого не может быть, – категорично заявил Лыков. – Ну ошибка, писарь обмшурился. Надо пойти и заявить. Не платил же твой брат два налога.

– Я думаю, он и одного-то не платил, – быстро ответил Ян. – Не в его правилах.

– Тогда бы ему паспорт не дали, – возмутилась Лиза.

– Допускаю, что его и нет, настоящего. А этот – поддельный.

В комнате стало тихо. Первым нашелся Лыков:

– Пойдем и спросим в податном управлении.

– Нет. Пусть выяснит Никифоров. А еще лучше Растегаев, как штатный надзиратель сыскной полиции.

Приятель внимательно изучили содержимое бюро. Среди старых счетов и рекламной дребедени они обнаружили письмо на бланке. Сверху было написано: «Посредническая контора “Дюна” для лиц, ищущих занятий. Рига, Большая Соборная улица, дом 2. Телефон № 439». Внизу мелким шрифтом уточнение: «Служительские места – только с залогом. Прислуга – только с рекомендательными письмами».

Собственно текст письма состоял из двух строк:

«Господин Титус, вопрос о вашем устройстве решен положительно. Ждем как обычно».

И подпись: директор Карл Наринг.

Второй находкой стала железная бляха с надписью Fenikss и номером сто два.

– Да ведь это пропуск на завод «Феникс», – сразу сообразил Ян. – Значит, брат там работал!

– Об этом, вероятно, и письмо, – предположил надворный советник. – Надо обратиться и на завод, и в контору. Вдруг вспомнят что-нибудь интересное. С чего начнем?

– С завода, – решил Титус. – Но поступим хитро. Все же два паспорта брата не дают мне покоя. Что-то здесь не так. Поэтому мы явимся на «Феникс» как хозяин и управляющий крупного лесного имения. Обдумываем планы купить передвижную пилораму на паровой тяге. Помнишь, я тебе рассказывал? Нам действительно нужна такая рама,

с круглой пилой. Поставим ее в самом урочище, и не понадобится бревна к реке таскать.

– Ну был разговор...

– А ты заметил, какие тут плоты на Двине?

Лыков насупился. Он знал, что плохой лесовладелец, но не любил, когда ему об этом напоминали.

– Плоты как плоты. Покороче наших!

– Эх, Алексей Николаич. Там мало бревен, а много шлиперов и мурлатов^[32], которые вдвое дороже стоят. Вот и мы тоже начнем обрабатывать стволы, а не гнать дешевый лес.

– Хорошая мысль. Прямо сейчас начнем?

– А чего тянуть? Акционерное общество «Феникс» полностью называется так: «Общество вагоностроительных и механических заводов». Соображаешь? Они делают не только вагоны, но и нужные нам рамы, причем хорошего качества. Явимся, надует щеки, поторгуемся. Попросим показать работающие образцы – наверняка в Риге есть такие. И в конце беседы, как бы невзначай, спросим про Язепу. Вот, мол, брат управляющего работал на вашем предприятии. Не осталось ли какой памяти, плохой или хорошей? Вдруг что-то и всплывет.

На том и порешили. Лизу Эглит спросили, как у нее с деньгами. Женщина смутилась и сказала, что не нуждается. Понятно... Титус оставил на столе двадцатипятирублевый билет, несмотря на протесты. И друзья поехали за пилой.

«Феникс» обосновался в Каролингофе, между Петербургским шоссе и линией Риго-Псковской дороги. Большая территория! Завод имел собственную водокачку, обширные мастерские и даже жилые дома. Директор-распорядитель Фриц Гросвальд принял двух потенциальных покупателей тут же.

В необъятном кабинете директора стояли модели грузовых и морозильных вагонов. А где же пилы? Лыков с этого и начал разговор:

– Господин Гросвальд, я владею крупной лесной дачей в Варнавинском уезде...

– Дача называется Нефедьевка? – усмехнулся хозяин.

– Как вы догадались?

– Давно к вам приглядываемся. Здравствуйте, Алексей Николаевич. А это не Яан Францевич с вами?

– Он самый. Однако у вас разведка поставлена.

– Иначе в наше время никак, – развел руками директор. – Конкуренция. Мы собирались вам кое-что предложить, а вы сами

пожаловали! Очень, очень рад. Зовите меня Фриц Петерович. Чем мы можем вас заинтересовать?

– Нам нужна для начала одна передвижная пилорама с круглой пилой, на паровом двигателе, – начал Титус. – Чтобы могла работать и от дров, и от опилок, и от торфа.

– Имеем такую, – вымолвил Гросвальд, не сводя глаз с покупателей.

– А диаметр пилы позвольте узнать.

– Метр. По-вашему это будет аршин и шесть с половиной вершков.

– Побольше нет?

– У вас там такие деревья, что метра будет мало? – недоверчиво спросил директор.

– Попадаются стволы толщиной в два аршина и даже толще.

Директор задумался.

– Это задача для моих инженеров. Есть пилы большого диаметра, как вы хотите. Их можно заказать в Германии. Вопрос – как они покажут себя на нашей станине. Вдруг поведет? Разумнее вам купить стандартную.

– Какой срок ее изготовления?

– И стоимость, – веско, на правах хозяина, сказал Лыков.

– Срок – месяц. Стоит рама в обычной комплектации тринадцать тысяч рублей.

– Ого!

– Зато какое качество, Алексей Николаевич.

– Насчет качества. Хочу увидеть вашу пилу в деле, – строго заявил сыщик. – И поговорить с пыльщиками. Есть в Риге работающие модели?

– Конечно, – оживился директор. – Вот хоть бы в лесопильном заводе Вельцера на Коенгольмской улице. Год, как они ее у нас купили. Работает четырнадцать часов в сутки. Я сейчас телефонирую хозяину, он вас встретит, все покажет и расскажет. Возьмите мой экипаж. А мы пока подготовим коммерческое предложение.

– Отлично, – встал с кресла надворный советник. И уже в дверях, будто вспомнив, повернулся:

– Один маленький вопрос, Фриц Петерович. Брат моего управляющего работал у вас на заводе. Тоже Титус, звали его Язеп. Он умер, и Ян Францевич сейчас собирает сведения о его последних днях. Не могли бы ваши люди найти все, что осталось в ваших бумагах? Пока мы взад-вперед до лесного завода. Будем признательны.

– Не вопрос, Алексей Николаевич. Язеп, вы говорите? Еще что-нибудь подскажите? А то у меня две тысячи человек работают. Профессию или цех...

– Есть лишь вот это, – Лыков протянул директору металлический пропуск.

– Ну, уже проще. Вы езжайте, а я распоряжусь.

Друзья на шикарном пароконном выезде директора отправились осматривать пилораму. Она их вполне устроила. Договорились между собой купить станок независимо от того, что получают в ответ на свой запрос. Пора уже обновить Нефедьевку. Лишь через полтора часа сыщик и лесопромышленник вновь вошли в кабинет директора «Феникса».

Тот встретил их в крайнем смущении. Лыков стал было обсуждать условия поставки, но Гросвальд перебил его:

– Извините! Прежде чем что-то у нас купить, сначала... Вдруг вы передумаете?

– Не понял, Фриц Петерович. Почему мы должны передумать? Станок нам понравился.

– Я насчет брата Яана Францевича. Тут выяснились нелицеприятные вещи.

– Ну-ка! Что именно? Он не дружил с законом. Печально, конечно, но мы это уже знаем.

– Увы. Яан Францевич... Не соображу, как начать... Мы уволили вашего брата против его воли.

– Опять что-то украл?

– Да. Точнее, пытался.

– Что же на этот раз?

– Наши технические секреты.

Гости опешили.

– В каком смысле?

– В том, что я сообщил. Язеп Титус устроился на заводы «Феникса» в сентябре прошлого года на рабочую должность токаря по дереву. И сразу стал, извините, совать нос не в свои дела. А именно в инженерные. Дважды его заставляли в конструкторском отделении конторы. С бумагами в карманах!

– С какими бумагами?

– Планами создания литейного производства. Технической документацией по механической обработке точных поверхностей. Привилегиями^[33] в ходовой части пассажирских вагонов. В конце концов нам это надоело, и мы его выгнали. Прощу извинить, но такова правда.

– Зачем Язепу привилегии на вагоны? – развел руками Яан.

– Как зачем? Это называется коммерческий шпионаж. В Европе он давно уже известен. Вот, дошел и до России.

Титус сокрушенно отвел глаза.

– Стыд-то какой, – едва слышно пробормотал он. – Лучше бы воровал...

– Я так понял, что пилораму вы у нас покупать не будете, – не столько спросил, сколько констатировал Гросвальд.

– Еще чего! – возмутился Лыков. – Нужная штука. Давайте договор, мы его изучим и, может быть, сразу и подпишем.

– Язеп умер, но так уж вышло, – поддержал Титус. – Приношу свои извинения за него.

– Что вы, что вы...

– Давайте договор. Мертвое мертвым, а живое живым.

Друзья прочитали контракт, и Алексей тут же его утвердил. Гросвальд на радостях налил всем по рюмке хорошего коньяка. Простились они по-дружески.

Выйдя с завода, лифляндец сказал:

– Хорошо, что мы начали не с «Дюны», а с «Феникса».

– Почему? – удивился Алексей.

– Коммерческий шпионаж. Вдруг это они наняли брата?

– Глупости! В Риге есть еще один вагоностроительный завод. Он-то и подослал шпиона, я уверен.

– Ты имеешь в виду Русско-Балтийский вагонный завод?

– Да. Им «Феникс» прямой конкурент. Еще и заказы друг у друга перебивают, – Лыков посмотрел победно, довольный своей прозорливостью.

– Видно, Леша, что ты приезжий, – ответил Титус. – У обоих этих заводов один акционер, господин Фрейвит. Он что, сам у себя секреты тырит?

Алексей озадаченно молчал. Потом сказал:

– Поехали, глянем на эту «Дюну». Большая Соборная – это где?

– В старом городе, близ ратуши.

– Найдем ресторацию напротив и понаблюдаем в окошко. Бойкая ли лавочка, много ли ходит искателей мест. Солидно выглядят или так, на пять копеек.

– Много же мы узнаем таким способом, – скептически заметил Титус.

– Надо с чего-то начать. А там попросим Никифорова навести справки.

Друзья так и поступили. Они заняли столик у окна в ресторане на углу Господской и обедали целый час. За это время дверь конторы ни разу не открылась, никто не вошел и не вышел. Странно... На какие же доходы они живут? Осоловевшая парочка прошла мимо «Дюны», скосив глаза.

Крепкая дверь обита железом. Вывеска маленькая, едва заметная. На окнах решетки. Но больше всего Яана поразил замок.

– Давно такого не видел, – сказал он приятелю, когда они вышли на берег Двины. – Три ригеля! Внутри механизм повышенной сложности. И бронированные накладки на петлях. Замучаешься вскрывать...

– Ты что задумал?

– Да это так, к слову. Но зачем рядовой конторе подобная дверь? Не во всяком банке ее увидишь.

Они прогулялись по набережной, и Титус продолжил рассуждать:

– Если «Дюна» занимается коммерческим шпионажем, это объясняет, откуда у Язепа два паспорта.

– То есть?

– То есть он был их агентом. И мог устроиться на завод хоть рабочим, хоть служащим. В зависимости от того, что им требовалось.

– Правдоподобно, – согласился Алексей. – Но что же управа? Как она сумела выдать два документа на одно лицо?

– Сунули взятку. А мой брат, скажу так, очень подходил для тайной службы.

– Прирожденный шпион, что ли? Поясни.

– Помнишь, я говорил, что Язеп учился в Политехникуме и почти его закончил? Так вот. По образованию и вообще по острому уму, он должен был устраивать «Дюну». Представляешь? Взяли на завод токаря по дереву. Он ходит, смотрит и слушает. Его не опасаются: что может понимать рабочий? А у него ум и знания инженера! Нет, надо разобраться с этой конторой.

Вечером у них состоялась встреча с помощниками. Растегаев сообщил, что в преступной среде Московского форштадта ходят любопытные слухи. Он переговорил с двумя осведомителями. Оба заявили одно и то же: Язеп Титус действительно облапошил самого Ярышкина, но перебежал не к Вовке Рейтару, а куда-то за реку. Он купил в Задвинье трактир. На чужое имя, поскольку ему промысловое свидетельство полиция никогда бы не дала. И уплатил за защиту «королю» Митавского форштадта Августу Кристлибу по кличке Дохлый Август.

Где этот трактир, спросили приезжие. Растегаев лишь пожал плечами. Заведение куплено на подставное лицо. Можно, конечно, начать выяснять правду. За месяц узнаем. Но какой в том смысл? Чтобы передать его Лизе Эглит, сказал Титус. Рижане покачали головами. Лиза старшему Титусу не жена. И в бумагах его имени нигде нет, а вписан фиктивный хозяин. Почему он должен уступить промысел?

Лыков поинтересовался, кто такой Дохлый Август. Главный человек на левом берегу, ответили сыщики. Латыш, и солдаты у него тоже латыши. На правый берег ему хода нет, но в Задвинье без Кристлиба мышья не чихнет.

Как же такой влиятельный человек отнесся к смерти брата, спросил Титус. Если тот оплатил свою защиту, значит, контракт подписан. И Дохлый Август сейчас должен искать обидчиков. Иначе никто ему больше не заплатит, ведь его гарантии ничего не стоят.

Вновь слово взял Растегаев. Он рассказал про Шведские окопы. Их выстроили еще в старину и с тех пор неоднократно разрушали и заново подправляли. Заречный бастион оберегал переправу через Двину. Теперь это просто развалины земляных капониров. Говорят, наш прославленный военный инженер Тотлебен, будучи ребенком, именно здесь постигал основы фортификации. В ста саженях от развалин, в начале Алтонаской улицы Кристлиб выстроил себе особняк. И выходит, что Язеп зарезали чуть ли не под его окнами. Сделано это явно с умыслом, чтобы оскорбить «короля» форштадта. Мало ли других мест в Задвинье? Но человека, заплатившего Кристлибу за защиту, убили вблизи его дома. Дерзкий жест.

Надо знать нашего героя, добавил надзиратель. Кличка Дохлый Август появилась неспроста. Десять лет назад Кристлиб был начинающим головорезом. И однажды его подстерегла вражеская банда. Парень получил восемнадцать ножевых ранений и был мертвее мертвого – так показалось противникам. Но они ошиблись. Бандит выжил, а потом последовательно убил троих из нападавших. Тем, кто уцелел, пришлось покинуть город...

Такой человек, пояснил Растегаев, не может оставить оскорбление безнаказанным. И сейчас его люди тоже ищут убийц Язепа Титуса. Для нас это хорошо. Солдаты задвинского маза найдут, кого спросить. А мы узнаем ответы через осведомителей.

Новости, доставленные сыскным надзирателем, только добавили тумана. Ярышкин не убивал, Кристлиб тоже. Вовка Рейтар? Но ему-то зачем? Мелкий мошенник Язеп оказался замешан в делах самых разных людей. Он привык воровать. Много лет старший Титус жил дурным ремеслом. И вдруг его зарезали, да еще и под окнами здешнего атамана. Что же случилось?

Закончив с новостями, рижане получили от своих нанимателей новое задание. Есть контора по найму под незамысловатым названием «Дюна»^[34]. Она подыскивала Язепу место, и как минимум один раз успешно. Но на той службе, куда «Дюна» его устроила, их клиент долго не устоял. Он был выгнан по обвинению в коммерческом шпионаже. Вдруг

контора как-то с этим связана? Поиск мест может быть лишь прикрытием.

Рижане взяли «Дюну» в работу, а приезжие начали ждать. Никаких идей у них не было. В чужом городе, в контрах с властями – что они могли сделать? Лыков повадился читать «Ведомости Рижской городской полиции». Газета выходила сразу на трех языках: русском, немецком и латышском. Самым интересным в ней был «Дневник происшествий». Коллежский ассессор Кнаут не врал: в Риге каждый день грабили и воровали. И вообще полиции было нескучно. У Сусанны Вириной из незапертой квартиры украдена ротонда^[35] на лисьем меху стоимостью двести рублей. Обнаружены фальшивые империалы из свинца очень хорошей работы: только по звону можно определить подделку, если бросить монету на мраморный столик... По улицам ходят мальчишки-попрошайки, болгары и персы, с обезьянками. В сквере между Мариинской и Суворовской улицами в кустах найден труп неизвестной женщины. Одета в серую кофту и черное платье. Тело передано в секционную камеру, к обнаружению личности убитой приняты меры.

Но более всего встречалось сообщений о драках и грабежах с применением холодного оружия. На Большой Московской улице рижский мещанин Осип Евсеев нанес рану ножом в лицо Егору Монзуреву. На песках около Матвеевского кладбища неизвестные напали на крестьянина, порезали бок, ограбили семь рублей денег и шапку. В Верманском парке двое ударили обывателя в спину финкой, сорвали часы и скрылись. Там же пост городских! Иногда орудия преступлений разнообразились. На Малой Лубанской улице в пьяной драке мастеровому разбили голову багром. Пострадавший пользуется на дому...

Все это способствовало пониманию рижских реалий, но не продвижению дознания. Алексей с Яном томились и считали дни до отъезда. Их оставалось все меньше.

Наконец появился Растегаев и доложил, что ему удалось выяснить. Контора «Дюна» совершенно рядовая, в Риге таких полтора десятка. Владелец – немецкий купец Флегель – ничем не примечателен. Налоги «Дюна» платит исправно, обороты у них копеечные, ни в каких скандалах не замечены. Единственное, что странно, так это отсутствие рекламы в газетах. Другие конторы бомбят редакции своими заказами, а эта помалкивает. Может, финансы не позволяют?

Лыков с Титусом заплатили надзирателю пятишницу и задумались. На рекламу денег нет, а на дверь с дорогим замком есть. Ян по службе своей в Нижегородской сыскной полиции научился открывать любые запоры. Но там у него под рукой были отмычки. А здесь как? Пришлось

вызывать отставного сыщика Никифорова.

Узнав, что его клиентам понадобились воровские инструменты, Александр Лукич только крикнул. Подумал и сказал:

– Ну, поехали к специалисту. Только уж вы того...

– Не пугайтесь. Не абы кому помогаете, но чиновнику особых поручений Департамента полиции, – успокоил его Лыков. – В случае чего скажете: думал, что участвую в секретном дознании правительства. С моей-то малашкой!^[36]

Втроем они отправились на Тульскую улицу. Ну чисто в Калуге или Нижнем Новгороде! Пахнет навозом, заборы вот-вот упадут. Куры бродят по мостовой... И это в версте от Домского собора.

Позади старообрядческого кладбища помещался скромный особнячок в два окна. Бывшего сыщика здесь, видимо, хорошо помнили. Седой благообразный дядька встретил гостей с вежливым интересом.

– Вот, Матвей Васильевич, помощи, пожалуйста, этим господам.

– Слушаю вас.

Титус оттер Лыкова плечом и сказал:

– Нам бы крючки.

– Какие изволите?

– На три бороды со скобкой.

Хозяин повернулся к Никифорову и одобрительно прокомментировал:

– Знающий человек, языком владеет!

Потом вышел в соседнюю комнату. Его долго не было, гости начали уже переглядываться. Наконец Матвей Васильевич вернулся.

– Вот. Редко спрашивают такую вещь, и забыл, где лежит...

– Нам ее на два дня. Сколько это будет стоить?

Дедушка покосился на Никифорова и ответил:

– За вас хлопотали правильные люди. Берите за так.

Титус молча выложил на стол червонец, и они удалились.

Остаток дня прошел в подготовке к уголовному преступлению. Если их поймут в чужом доме, карьере Лыкова конец. Надо было все продумать. На помощь взломщикам пришла сама природа. В ночь на 2 мая в Риге по примеру Петербурга выключают на лето уличное освещение. В сумерках лезть с отмычками проще, учитывая что пред самым крыльцом «Дюны» стоял фонарь с яркой горелкой Ауэра.

У Лыкова с Титусом было время для рекогносцировки, и они все разузнали. Ночных постов в Риге мало. Но, кроме городских есть еще сторожа, которые обязаны ходить по своему участку с вечера до утра. И здесь приезжим повезло: сторожа в Старом городе ленивые и любят

поболтать. Лыков следил за номером тридцать седьмым, которому поручена была Большая Соборная улица. Почти всю смену тот проводил на Ратушной площади. Стоящий там городской собирал вокруг себя двух-трех окрестных караульчиков и точил с ними ляды.

В первом часу ночи возле конторы появились два темных силуэта. Алексей встал перед дверью и распахнул полы шинели. Ян склонился над замком. Прошли томительные сорок пять секунд. Лифляндец едва слышно бранился под нос. Наконец лязгнул металл, и дверь отворилась. Незваные гости прошмыгнули внутрь.

Титус распахнул створку «летучей мыши»^[37] и шагнул вперед. Но сыщик остановил его:

- Погоди. Давай осмотримся.
- Так зайдём и осмотримся.
- Что-то у меня подошвы прилипают. Кажется, пол сильно навощен.
- Как же быть? – расстроился Титус. – Натопчем.
- Разулся, следы будут не такие резкие. А потом отыщем щётку и натрем заново.

Приятели разулись и, ступая след в след, прошли в комнату. Три стола, нестораемый шкаф и бюро. Большие напольные часы немного разнообразили обстановку. На окнах плотные шторы. Когда незваные гости приступили к обыску, выяснилось, что пожить здесь особо нечем. Служащие в конторе оказались людьми осторожными. Все самое важное они спрятали в шкафу. А замок в нём такой, что только дрелью вскрывать.

На столах и в бюро обнаружили лишь второстепенные бумаги. Пожить удалось немногим. Лыков нашёл платёжную ведомость на восемь фамилий. Последним в списке был Язеп Титус! Ян отыскал пачку странных донесений, подписанных псевдонимами. Среди них оказался и рапорт брата, он узнал его по почерку. Внизу было указано: Инженер.

Самая необычная находка ожидала друзей в тумбе одного из столов. Когда Лыков выдвинул ящик, то сначала не понял. В темноте зелёным огнём горели две точки. Присмотревшись, Алексей разглядел пистолет. Мушка и целик его светились. Это было специальное оружие для ночной стрельбы! Надворный советник слышал о таком, но никогда не держал в руках.

- Яша, глянь-ка.
- Титус подошёл и ахнул.
- Что это?
- Манлихер последней модели.

– А почему мушка светится?

– Покрыли фосфором.

Лифляндец помолчал, потом спросил жалобным голосом:

– Леш, во что мы вляпались?

Но сыщик ему не ответил. Он внимательно разглядывал какие-то железки, лежавшие рядом с пистолетом. Титус тоже взял одну, повертел в руках. Латунное разъемное колечко небольшого размера. На нем выбиты буквы: «В. Г. С. Барановичи». И рядом двузначный номер.

– Что это такое?

– Срочно уходим, – мрачно сказал Алексей. – Думать будем в гостинице. Ищи щетку!

Принадлежности полотера обнаружили в углу. Сыщик надел щетку на ногу и тщательно вытер следы. На пороге взломщики обулись и выскользнули наружу. Щелкнул замок, две тени быстро удалились за угол.

В номере приятели сначала молчали. Лыков сразу, по памяти, записал все, что им удалось найти в бумагах. Потом подозвал лесопромышленника:

– Смотри! Твоему брату полагалось за январь двести рублей. Он не успел их получить. Почему? Помнишь, Лиза сказала, что с февраля он стал чаще сидеть дома?

– Ушел из «Дюны», а деньги не забрал. Странно... Может, не ушел, а сбежал? Раздобыл где-то толстые пачки банкнот, и служба в конторе стала не нужна?

– Похоже, так и было, – согласился Алексей. – Язеп разбогател неизвестным нам способом, купил трактир, сменил место жительства. И не хотел, чтобы его нашли. Двести рублей – большие деньги, и время забрать их у него было. Но он лег на дно.

– Сначала спрятался от «Дюны», а потом и от Ярышкина, – подхватил Титус. – Но что же это за контора для лиц, ищущих занятий? Которая сама платит лицам, а не они ей.

– Указанные восемь человек не клиенты, а секретные сотрудники «Дюны». Шпионы.

– Похоже на то, – согласился Титус. – Брат был одним из них, наша догадка подтвердилась. Но пистолет, Леш, пистолет! Зачем им такое оружие? Ведь объяснение может быть лишь одно!

– Да. Тут не коммерческий шпионаж, а военный.

Друзья помолчали, потом Лыков сказал:

– Надо ехать в Петербург, рассказать все Таубе.

– А что ты ему предъявишь? Манлихер с фосфорной мушкой?

– Не только. Посмотри на список заводов. Я составил его по донесениям агентов «Дюны».

Титус вчитался в перечень. Лучшие предприятия Риги! Оба вагоностроительных гиганта: «Руссо-Балт» и «Феникс». Химический завод акционерного общества «Трампедах и К^о» на Фокенгофской. Чугунолитейный завод Рихарда Поле на Первой Выгонной дамбе и резиновый завод «Проводник» на Второй. Другой резиновый завод «Россия» на Шлокской улице. Акционерное общество «Рижский сталелитейный завод». Машиностроительные заводы: предприятие Мантеля на Дюнамюндской, а также «Пирвиц и К^о» и «Поле и Вейтман». Судостроительная верфь «Ланге и сын» на Митавском шоссе. Механический завод Клейна на Румпенгофской. «Фельзер и К^о» на Александровской улице. Электрический завод «Унион» на Петербургском шоссе. Патронно-пистонный завод фирмы «Селлие и Белло» в Задвинье. Товарищество производства фарфоровой и фаянсовой посуды М. С. Кузнецова на Большой Московской.

– Ничего не заметил?

– Серьезные всё изготовители, – сказал Яан.

– Да уж. Сколько в Риге пивоваренных заводов?

– То ли шестнадцать, то ли семнадцать.

– И ни один сюда не вошел. А какие еще есть? Из числа отсутствующих в перечне.

Титус фыркнул:

– Да сотни две наберется.

– Ну наиболее крупные приведи.

– Яичная фабрика Беккера, фабрика колесной мази Гелинка, завод по изготовлению ящиков Луковского, Балтийская холщовая мануфактура, пробочный завод «Кригсман»... Табачная фабрика... Обувная на Александровской высоте, чуть не самая большая в России. И что? Зачем я память напрягаю?

– Сдается мне, Яша, что заводы из списка «Дюны» – это те, которые выполняют военные заказы.

Титус насторожился и еще раз прочитал бумагу.

– А фарфоровый завод Кузнецова тут при чем? Ночные горшки для генералов поставляет?

– Меня он тоже сначала смутил, – ответил Лыков. – А потом я понял. Там делают изоляционную технику для военных электрических станций. Ну, дошло?

– Значит, военный шпионаж?

– Да. И подтверждают это латунные кольца, что лежали рядом с манлихером. Помнишь, ты про них спрашивал?

– Помню. А ты обещал рассказать в гостинице.

– Буквы «В. Г. С.» означают военно-голубиную станцию. В данном случае станцию в Барановичах.

– Это значит... Черт! Не может быть!

– Именно что черт. Голуби пролетают до четырехсот верст без отдыха. И тратят на это десять-одиннадцать часов. Но иногда от усталости сбиваются с маршрута и залетают на частные голубятни. Военное министерство платит деньги тем обывателям, которые возвращают их на место. Но есть такая уловка. Птица один раз ошиблась и прилетела не туда. Ее кормят, обихаживают и снимают с кольца донесение. Копируют его, опять прикрепляют – и отпускают. Птица запоминает дом, где ее приохотили, и начинает заглядывать туда регулярно. И так же регулярно воруются те сведения, которые она несет.

– Но как тогда кольца оказались в конторе? Им же выгодно сохранить свою уловку в тайне.

– Голубь мог заболеть, умереть. Важно, что кто-то в «Дюне» читает служебную переписку. Особых тайн такой почте не доверяют, и депеши шифруют. Но военные коды примитивны, так что это шпионаж. Кстати, Военное министерство держит голубятню в Дании. Через нее идет сообщение с военным агентом, да и дипломаты, говорят, иногда пользуются голубями.

– А кто собирает секретные сведения?

– Немцы, – авторитетно ответил сыщик.

– А вот фиг! – возразил лесопромышленник. – Все заводы из списка «Дюны» принадлежат как раз немцам. Кроме товарищества Кузнецова, конечно. И что, колбасники сами за собой подглядывают?

Алексей не нашелся, что возразить:

– Черт их, шпионов, поймет. Надо известить Виктора, а он разберется.

– Но ведь этими преступлениями занимается корпус жандармов, – возразил Титус. – Туда и надо сообщить.

– Да? И ты сознаешься им, что лазил в «Дюну» с отмычками? Которые взял у воров – попользоваться. А иначе откуда твои сведения? Барону Витьке можно все рассказать открыто. И есть еще одно обстоятельство, очень для тебя важное...

– Какое? – набычился Ян.

– Если окажется, что тут государственная измена и твой брат был причастен... Ему уже все равно, а наше дознание выйдет на другой

уровень. Официальный, а не как сейчас. Мы с тобой дни до конца моего отпуска считаем. И платим рижским сыщикам из своего кармана, втайне от их начальства. А тогда можно будет начать поиск убийц, используя все возможности государства.

– Значит, возвращаемся в Питер?

– Да, срочно. Я телеграфирую Виктору, чтобы был на месте. Тут не шутки! Рига – самый промышленный город Российской империи. Все новые вооружения изготавливаются здесь, и секретные тоже. А какие-то люди создали на заводах агентурную сеть. Нужно разобраться.

– Надо предупредить о нашем отъезде Никифорова с Растегаевым.

– Не стоит. Полагаю, мы очень скоро сюда вернемся.

Глава 4. Новые обстоятельства

Полковник Таубе принял сыщика и лесопромышленника с усмешкой:

– Что, мало вам стало жуликов? Решили в шпиёны поиграть?

Алексей рассказал приятелю о загадочной фирме под названием «Дюна». Посредническая контора для лиц, ищущих занятий, почему-то имеет лишь восемь клиентов. И вместо того чтобы получать деньги от них, сама им платит. А заводы обвиняют этих лиц в коммерческом шпионаже. Кроме того, в конторе обнаружены кольца военно-голубиной станции в Барановичах.

Потом сыщик показал список предприятий, где, предположительно, «Дюна» поместила свою агентуру. Там нет ни одного пивного или маслобойного завода. Зато много механических, машиностроительных и электротехнических. Тех, на которых, опять же предположительно, русская армия размещает свои заказы.

Таубе посерьезнел. Он внимательно изучил список и заявил:

– Знакомые названия. Я часто слышу их от технических специалистов Военного министерства. Дайте мне один день, нужно проверить вашу догадку.

За один день барон не управился. Лыков с Титусом ждали вызова и нервничали. Послезавтра надворному советнику предстояло выходить из отпуска на службу. И что дальше?

Наконец Таубе телефоном вызвал рижских скитальцев в Военно-ученый комитет. Они увидели свои бумаги, густо исчерканные разноцветными чернилами.

– Ну?

– Вы правы, штафирки. Все заводы из вашего списка получили в этом году военные заказы. Особенно много их разместило Морское министерство. Читали про именной указ Его Величества министру финансов от двадцать четвертого февраля?

– Там было про деньги морякам, – вспомнил сыщик. – И что-то много дали!

– На нужды военного судостроения дополнительно выделено девяносто миллионов рублей, – уточнил полковник. – И большая часть их будет израсходована в вашей Риге. Но и мы, сухопутные, не поскупились. «Униону» заказали электродвигатели и разнообразное крепостное оборудование, «Проводнику» – резиновые изделия для нужд военных

госпиталей, патронному заводу – огнеприпасы, «Фениксу» – легированную сталь. И вот какая-то контора собирает все эти сведения воедино... Алексей! В рапортах, которые ты держал в руках, о чем сообщалось? Надо было стащить пару штук!

– Там были сведения о промышленных мощностях и заказах. Больше в тех условиях ничего не удалось разобрать. Темно и боязно. Представляешь, если бы нас с Яшей поймали?

– Айда в главные управления! – рыкнул Таубе.

– Какие еще управления? – смешался Титус.

– Артиллерийское, инженерное и интендантское. Пусть пояснят, почему они все свои секретные заказы немцам дали! Русских заводов, что ли, не нашли? Тут дело нечисто. Надо же додуматься! Изменой пахнет или как минимум преступной халатностью. Ведь с заводов сведения о наших военных поставках немедленно уходят в германский Генеральный штаб.

Полковник и двое штатских ходили по коридорам Военного министерства до вечера и везде встречали один и тот же ответ. Да, заказ передан в Ригу. Потому как больше некуда! Наши заводы в большинстве своем не готовы к выполнению столь сложных работ. Нет ни людей, ни станков. Инженеров таких нет, чтобы разработать новейшие виды вооружения. Армия все больше усложняется и электрифицируется. Особенно флот, но и сухопутные части тоже. Электрическое оборудование, гальваническое, минно-взрывное, навигационное, по управлению огнем – кроме как в Риге нигде не делают.

– Вы понимаете, что творите? – спросил барон у моложавого генерал-майора из Главного артиллерийского управления. – А если случится кампания с немцами? Она ведь фактически неизбежна. Но вы своими руками передали им все наши секреты.

Генерал лишь пожал плечами:

– А куда деваться? Можно, конечно, поместить заказ прямо в Германии. Вот тогда нам точно беда. Начнись война, мы останемся и без денег, и без железа. А если завод находится в Риге, то это еще куда ни шло. Правительство национализирует его и продолжит выпуск вооружения. Само-то предприятие никуда не денется! И станки, и кадры, и оснастка, и инструменты, и чертежи. А самое главное, опыт.

– Все равно так нельзя! – упорствовал Таубе. – Надо создавать национальную, русскую военную промышленность. Чтобы наши деловые люди владели этими заводами, а не германцы с австрийцами.

– Легко сказать, да трудно сделать, – вздохнул артиллерист. – На это

уйдут годы, если не десятилетия. А перевооружить армию нужно было еще вчера. Мы отстаем от германцев по всем статьям. Телефонной связи в войсках вообще нет! Воздухоплавательные части в детском состоянии. Бронированная сталь низкого качества. Бездымный порох тоже. Да что тут говорить... Я устал уже доказывать начальству, что мы не готовы к войне. А вы – Рига! Хотите вообще оставить нас без современных видов оружия?

Полковник Таубе привел Лыкова с Титусом в свой крохотный кабинет и сказал:

– Надо что-то предпринять.

– Начнем создавать русскую военную промышленность? – спросил Алексей. – Предлагаю переделать мою лесопилку в патронный завод. Только дай выгодные кредиты. Мы тебе такого наваляем! Деревянные пули много дешевле свинцовых выйдут.

– Не смешно, – ответил барон, закуривая.

– Не смешно. И как быть?

– Для начала нужно разобраться с вашей «Дюной». Зачем германцам понадобилось ее создавать? Ведь каждый немец-промышленник считает своим долгом известить фатерланд о наших военных тайнах. Как только мы даем заказ какому-нибудь «Униону», об этом тут же узнают в Берлине.

– Может быть, «Дюну» создали англичане? – предположил Лыков.

– И шпионят за немцами на русской территории? – усмехнулся Виктор. – Это было бы забавно. Хотя...

– У нас в Риге англичане традиционно сильны, – заявил Яан. – Порт же. Торговля и все такое. Диаспора небольшая, но сплоченная. Некоторые семьи по двести лет там живут, никогда не видели своего острова, но остаются британцами.

– Все возможно, – согласился Таубе. – Чего гадать? Надо разобраться. Я сегодня же вечером пойду к министру. Объясню все как есть и надеюсь получить санкцию на негласное дознание.

– Как вам Куропаткин, кстати? – спросил Алексей.

– Привыкаем потихоньку, – лаконично ответил барон.

– Если ваш министр согласится, то хорошо бы и нашему подключиться.

– Хочешь провести совместную операцию? – восторженно воскликнул Таубе.

– Хочу. Мы с Яшей живем в Риге на птичьих правах. Ведем незаконное дознание, лазим по чужим конторам... А можем быть вам, военным, полезными. Кто у тебя в Риге станет тащить дело? Офицерик из штаба Третьего армейского корпуса? А он умеет вести слежку или допросить опытного противника?

Барон нахмурился. Действительно, кому поручить дознание в Риге? Это же не Петербург, где есть и люди, и средства. Ну, в штабе Виленского военного округа сидят в отчетном отделении^[38] два штабс-капитана... Если прислать их из Вильно в Ригу, немцы сразу это заметят. И вообще, любой новый человек в погонах бросится в глаза. Люди же не в гостинице будут сидеть, а ходить, спрашивать, вынюхивать и высматривать. Где взять таких специалистов? В самом городе квартируют три пехотных полка 29-й пехотной дивизии, 29-я артиллерийская бригада, и расположен штаб 3-го армейского корпуса. Есть еще знаменитый Рижский учебный унтер-офицерский батальон. Но не привлечешь же их строевых офицеров к выполнению секретной операции!

– Я могу прислать туда Арзамасцева, – сказал полковник. – Он ловкий человек.

– А ваш ловкий человек понимает по-немецки? – поинтересовался Титус.

– Нет.

– Тогда от него не будет толка.

– Но и Лыков тоже в нем не силен!

– Алексей Николаевич будет вести дознание официально. А я – неофициально.

– Военный министр не согласится на вовлечение в секретную операцию штатского, – сразу огорошил Таубе. – Так у нас не делается.

– Ага, рассказывай мне сказки, – хохотнул Лыков. – А кто мне Анну с мечами дал, как не военный министр? И ведь я тогда погоны не носил, но в совместной операции участвовал^[39].

– Погоны ты действительно не носил, – признал Таубе. – Но состоял на коронной службе по МВД. И сейчас состоишь. А Яков Францевич – частное лицо. Это совсем другое дело.

– Поймите, Виктор Рейнгольдович, – с жаром заговорил лесопромышленник, – кому как не мне действовать в Риге! С той, секретной стороны.

– Но вы же там столько наследили. В полиции, в уголовных кругах – везде уже запомнили вашу наружность.

– Наружность можно поменять, – загадочно усмехнулся Яан.

– Как это?

– Виктор, – вмешался надворный советник, – ты не знаешь, как Яков умеет перевоплощаться. А я знаю. Он идеальная фигура для секретного дознания в Риге. Готов доказать это твоему министру. Или он не хочет

разоблачения шпионов?

Таубе вздохнул и снял слуховую трубку телефонного аппарата.

Через час Лыков впервые увидел нового военного министра. Среднего роста, плотный и подтянутый генерал-лейтенант с академическим знаком на мундире. И не только со знаком! Два Георгиевских креста – редчайший случай в империи. Про Владимира с бантом нечего и говорить. Куропаткин был очень загорелым – почти всю службу провел в Средней Азии. Серые глаза генерала смотрели властно, но при этом и внимательно. Чувствовалось, что министр оценивает людей по какой-то собственной шкале. Он бросил быстрый взгляд на Лыкова (тот счел необходимым надеть все награды), перевел его на Титуса. Что-то решил про себя, но промолчал.

Барон Таубе четко и кратко изложил Куропаткину открытия своих приятелей. Закончил он так:

– Очевидно, что в Риге создана разведывательная сеть. Чья – неизвестно. Заманивают военно-почтовых голубей. И сведения о наших поставках куда-то утекают. А переменить заводы, исполняющие заказы, пока нельзя.

– Что намерены делать?

– Сначала, ваше превосходительство, установить шпионов. Дальше станет ясно. Поведем свою контригру, возьмем сеть под наблюдение...

– Как будете устанавливать?

– Хочу внедрить туда своего человека. Господина Титуса.

Министр скривился:

– Лесопромышленника – и в правительственные агенты?

– Точно так. Никого лучше нам не найти, хоть всю Россию переберем.

Лыков тем временем смотрел на Куропаткина и делал выводы. Штучный товар! Начинал служить в знаменитом 1-м Туркестанском стрелковом батальоне. Окончив Академию Генерального штаба, получил научную командировку во Францию. И отправился воевать в Сахару. Опасная вышла наука... Затем вернулся в Туркестан. В Кокандском походе, командуя пластунами, молодой капитан первым ворвался в крепость Уч-Курган. Получил за это Георгиевский крест четвертой степени. Куропаткин опытен и в вопросах разведки. Именно он в свое время был послан к знаменитому Якуб-Беку Кашгарскому для определения границы с Ферганой. Затем, повоював с турками, возглавил Азиатскую часть Главного штаба – а это разведывательная должность. Через год Куропаткин снова ушел на войну, на этот раз с туркменами. Во время штурма Геок-Тепе во главе колонны опять, как в молодые годы, первым ворвался в пролом

в стене. Награжден Георгием третьей степени. После ратных подвигов уже в генеральском чине долго служил в Военном министерстве. Был назначен военным губернатором Закаспийской области и провел там важные реформы. Опытный и умный человек.

Решившись, Лыков взял слово:

– Ваше превосходительство! Титус хорошо подготовлен к такого рода делам. Он ушел в отставку в чине титулярного советника с должности начальника Нижегородской сыскной полиции. Следить, анализировать, ловить жуликов Яков Францевич умеет, как никто другой.

– Жуликов, но не шпионов, – возразил министр.

– Поверьте мне, это сложное ремесло. Иной убийца любому шпиону сто очков вперед даст. И... сыскная полиция в России лучше знает свое дело, чем корпус жандармов. А в армии вообще до сих пор нет контрразведывательной службы.

Куропаткин сердито двинул бровями:

– Неприятные для меня слова, но это так.

– Кроме того, – продолжил ободренный сыщик, – Титус – рижский уроженец. Он говорит на всех языках, что в ходу в этом необычном городе. Даже на эстонском! Знает обстановку, готов к самостоятельным действиям. Нянька ему не нужна, скорее он еще других поучит оперативной работе.

– Хм. Не знаю, не знаю... Штатский человек, лесом торгует...

– И наконец, ваше превосходительство, Яков Францевич – лицо заинтересованное. Он хочет найти и наказать убийцу своего брата. Почему же государству не войти с ним в соглашение? Для пользы дела.

Генерал откинулся на спинку стула и вперил в Яана пристальный взгляд. Тот сидел невозмутимый, потом вдруг сказал:

– В последний раз я надевал чужую личину в Ташкенте. И меня тогда за это чуть не зарезали.

– В Ташкенте? – заинтересовался Куропаткин. – В каком году? И как вы там оказались?

– Мы с Алексеем Николаевичем поехали продавать лес на шпалы. А раскрыли целый заговор с участием английских агентов. И ничего, партикулярное наше положение делу не повредило. Было это в девяносто четвертом году.

– В Ташкенте... – повторил генерал. – Это не тот ли случай, когда интенданты уплыли на каторгу? Вместе с духовным лицом, ишаном, который оказался британский шпион?

– Тот самый случай.

– Ага! – Куропаткин живо повернулся к сыщику: – Господин Лыков,

допустить частное лицо к секретной операции я не могу никак. Вас могу, по соглашению с вашим министром, а господина Титуса нет. Но если вы уволите Якова Францевича с должности управляющего, мы тут же возьмем его вольнонаемным в служительскую команду. Тогда другое дело.

– Уволить Титуса? Да хоть нынче! Он мне, ваше превосходительство, сказать по правде, самому надоел. Забирайте, такого добра не жалко.

Все посмеялись, и вопрос тут же решился положительно. Яан написал прошение об отставке, Алексей завизировал его, и лифляндец тем же числом перешел на службу в Военное министерство. На должность чиновника для письма с жалованием сорок пять рублей в месяц.

– Эх-ма... – вздохнул он. – У меня в Нефедьевке бурлак-плотогон столько получает...

– Так везде на государственной службе, – утешил нового подчиненного военный министр. – Если бы не казенная квартира, не знаю, как бы я тут сводил концы с концами.

Таубе был очень доволен: эдакий кадр получил в команду. Но остался еще один вопрос.

– Ваше превосходительство, но как быть с самим Лыковым? Для его участия нужно разрешение Горемыкина. А тот знать не знает, что его подчиненный напрашивается на секретную операцию военных. Официально Алексей Николаевич в отпуску, но уже завтра обязан выйти на службу.

– Это мы решим, – ответил Куропаткин.

Он вызвал секретаря и приказал:

– Соедините меня с министром внутренних дел. Срочно!

Иван Логгинович оказался на месте. Он выслушал просьбу о встрече и пригласил генерал-лейтенанта к себе прямо сейчас. Тот поблагодарил и добавил:

– Еще нам понадобится надворный советник Лыков из Департамента полиции. Нет, он не в отъезде, а сидит у меня в кабинете... Я скоро все объясню. Да, Зволянский тоже понадобится. Тут дело государственной важности.

В итоге через полчаса на Фонтанку, 57^[40], явились трое: Куропаткин, Таубе и Лыков. Титуса оставили в кабинетике барона. Он теперь лицо подчиненное, пусть ждет.

Горемыкин был раздосадован тем, что его чиновник через голову начальства пролез к чужому министру. Зволянский же сохранял спокойствие. Он хорошо знал Лыкова и понимал: глупостей тот не наделает. Если пошел к военным, значит, так надо.

Открыл совещание надворный советник. Он рассказал начальству, как в свой собственный отпуск поехал с управляющим в Ригу разбираться в чужом преступлении. И что там обнаружил. Личная проблема некоего Титуса преобразилась вдруг в государственное дело, требующее взаимодействия двух важнейших министерств.

– Таким образом, вы искали убийц одного жулика, а нашли вражескую резидентуру, – завершил за него рассказ Куропаткин.

– Шпионством должен заниматься жандармский корпус, – напомнил всем Зволянский.

– Подключить их во власти господина министра внутренних дел, – парировал Таубе. – Но мы, военные, не можем устранимся. Лыков тоже нужен в расследовании. Пусть и дальше дознает уголовное преступление. Оно уже дало нам ценный материал, и продолжение наверняка откроет новые важные факты. Смерть Язепа Титуса как-то связана со шпионской сетью. Налицо необходимость совместной операции двух ведомств. Секретной.

– Секретной от сыскной полиции Риги? – скривился Горемыкин. – Это дурно пахнет. Там такие же чины вверенного мне министерства, как и Лыков. Будем прятать тайны от своих же?

– Рига находится под сильным немецким влиянием, – почтительно возразил военный министр. – Вот что дурно пахнет... Внутри империи вдруг обнаруживается такое. Мы не хозяева в собственном доме.

– А в Туркестане мы полные хозяева? – ехидно спросил Иван Логгинович.

Куропаткин сразу сник:

– Нет, конечно. И в Польше, и на Кавказе. А уж в Финляндии!

Все помолчали. Лыков заговорил чуть более напористо:

– Дело даже не в том, что городом заправляют немцы. Они разные бывают. Вон флигель-адъютант полковник Таубе тоже немец. Просто тамошние сыщики уже решили оставить смерть жулика Язепа Титуса без последствий. Собаке-де собачья смерть.

– А я их заставлю землю носом рыть! – воскликнул Горемыкин.

– И провалите тем самым секретную операцию, – возразил Куропаткин. – Пусть шпионы вредят, зато приличия соблюдены.

Опять повисло тягостное молчание. Горемыкину явно не хотелось признавать, что его рижские подчиненные промахнулись и недостойны доверия. Зволянский почувствовал это и перевел разговор в рабочее русло:

– Алексей Николаевич. Как вы представляете свою линию теперь? Вот вы возвращаетесь в Ригу и начинаете опять что-то выведывать.

Все помнят, что недавно вас интересовала смерть старшего Титуса. Вы расследовали ее как частное лицо, которое Кнаут к дознанию не допустил. Теперь вдруг у Лыкова появились какие-то официальные полномочия. Почему вдруг? Все насторожатся: и сыщики, и шпионы, и уголовные. После этого смешно говорить о секретности.

– Сергей Эрастович, я уже думал над этим. Мне нужен просто официальный статус. Никаких тайных командировок, никаких полномочий через головы полицмейстера и начальника сыскного отделения. Лыков должен приехать туда как чиновник Департамента полиции. По обычным, не секретным делам.

– Каким, например? – удивился Зволянский.

– Например, для обучения кадра рижских городских атлетическим способам самозащиты.

– А ведь удачная мысль, – тут же одобрил директор департамента, поворачиваясь к своему министру.

Действительно, идея Лыкова была хороша. Он вполне официально обучал этому чинов столичной полиции. Завел такое обучение петербургский градоначальник Клейгельс год назад. Инструкторов было всего двое. Знаменитый Владислав Пытлясинский, имевший в столице частную борцовскую школу, показывал приемы французской борьбы. Лыков преподавал бокс и русскую борьбу на поясах. Еще он учил гимнастическим упражнениям, которые развивают мускулатуру. Уроки проходили раз в неделю в помещении Полицейского резерва и не отнимали у надворного советника много времени. Зато эффект был налицо. Городовые стали подтянутее и крепче физически. Да и для службы полезно уметь постоять за себя.

– Все же я не понял, – капризным голосом сказал Горемыкин. – Ну командирую я вас в Ригу учить тамошнюю полицию атлетизму. Никто не возразит, дело-то хорошее. Но как вы будете вести там свое дознание? В обход Войтова и Кнаута?

– Да нет же, ваше высокопревосходительство. Тот факт, что я приехал из министерства с официальным поручением, уже все изменит, – терпеливо пояснил сановнику Алексей. – И совершенно все равно, что это за поручение. Главное, Лыков явился по воле начальства. И Войтов, и Кнаут не посмеют мешать мне вести в свободное время то самое частное дознание, которое их так раздражает. Помогать не станут, но и вредить тоже. Побоятся. Конечно, это выглядит как навязчивость с моей стороны и отчасти даже как злоупотребление должностью. Но и не на такое у нас закрывают глаза. Я смогу ходить, куда понадобится, и задавать вопросы.

Местная полиция смирится.

Он не стал уточнять, что рассчитывает на тайную помощь действующих и бывших надзирателей сыскного отделения. Тем более за деньги. Не все в России надо доводить до начальства...

По глазам Горемыкина сыщик понял, что тот принял положительное решение. Иван Логгинович – опытный царедворец и не станет ссориться с только что назначенным военным министром. Куропаткин всего-навсего генерал-лейтенант, каких десятки, он даже не имеет свитского аксельбанта. Но государь на него поставил. Выделил из толпы людей с густыми эполетами и оказал высшее доверие. Значит, у этого энергичного генерала большое административное будущее. Таким надо помогать.

– Хорошо, – кивнул Горемыкин. – Я фабрикую приказ о командировке надворного советника Лыкова в Ригу – учить тамошних городских атлетическим способам защиты. Что еще требуется от меня?

– Обязать Лифляндское ГЖУ^[41] оказать нам содействие, – подсказал Таубе.

– Будет вам содействие.

– Благодарю, Иван Логгинович! – поднялся Куропаткин. – На ближайшем же докладе я сообщу Его Величеству о вашей мудрой государственной позиции. К черту межведомственные дразги – одно дело делаем.

Компания вернулась на Адмиралтейскую набережную, 12^[42]. Лыкова едва отпустили с Фонтанки – Зволянский с Горемыкиным хотели знать в подробностях, как тот вляпался в шпионские дела. Пообещав рассказать все позже, сыщик уехал с военными.

В приемной генерал сказал барону:

– Даю вам сутки на разработку деталей. Завтра в это же время ко мне.

– Слушаюсь!

Куропаткин молча крепко пожал руку Лыкову и ушел. А приятели отправились в Военно-ученый комитет.

Титус сидел, где его оставили, и пил чай. Компанию ему составлял Арзамасцев. Этот неприметный человек обладал редким умением проходить в любую дверь. Барон привез его с Сахалина и держал при себе для занятий, требующих деликатности.

Увидев вошедших, Арзамасцев вскочил.

– Здравия желаю, Алексей Николаевич!

– Приветствую, Платон Ануфриевич! Как внучка?

– Слава Богу! Второй класс заканчивает. Умница.

– Есть в кого.

Отставник хотел удалиться, но Таубе его остановил:

– Мы сейчас про Ригу станем разговаривать. Вы останьтесь, послушайте. Вас это тоже касается. Поедете туда, будете у Якова Францевича на связи.

Когда все расселись, барон объявил:

– Я тоже еду в Ригу.

– Ты-то зачем? – опешил Алексей. – Полковник Генерального штаба и флигель-адъютант. Немцы знают, что ты занимаешься разведкой. Шуму наделаешь.

– Имею благовидный предлог, – успокоил приятеля Виктор. – Надо вступить в права наследования двумя поместьями в Лифляндской губернии. Каббала и Оллепяэ. Дядя, барон Отто фон Таубе, умер, а имения завещал мне. Все никак не соберусь. Теперь самое время.

– А зачем? – спросил Титус.

Полковник улыбнулся:

– Вы теперь, Яков Францевич, тоже служите в нашем ведомстве и должны знать: у военных людей не принято перешагивать через голову местных начальников.

– То есть?

– Поясню. Мы собираемся вести секретную операцию на территории Виленского военного округа. Такие штуки надо согласовывать с его командующим. Вот я и извещу генерала от инфантерии Троцкого, что военный министр разрешил операцию.

– Тогда тебе надо ехать в Вильно, а не в Ригу, – возразил Лыков.

– Все продумано! Через пять дней Троцкий явится в Усть-Двинск. Там будет прибавка знамени местного крепостного батальона. Командующий округом пробудет несколько часов и пароходом вернется в Вильно. Очень удобно для нас. Если вдруг понадобится содействие частей Рижского гарнизона...

– Скорее нужны будут местные гражданские власти, – буркнул надворный советник. – А Суровцев на Кавказе, пузо греет.

– Я уже вызвал его телеграммой обратно.

– Да ты что? – тут же пожалел Алексей губернатора. – Зачем человеку отдых ломать?

– Служба, – лаконично ответил барон.

Дальше началось рабочее совещание. Главным лицом в нем был Титус. Ему требовалось придумать легенду, такую, чтобы заинтересовать «Дюну». Грим, новые документы, прикрытия на случай проверки. Способы связи.

Главные и второстепенные задачи операции. Возможные варианты развития событий. Ложные сведения, которые следует подсунуть шпионам. Средства наблюдения за конторой. Яков никогда не служил в армии, не имел дела с разведкой. Но служба в сыскной полиции – хорошая школа, и он схватывал все на лету. Таубе остался доволен новым сотрудником.

Совещание затянулось до ночи. Нужно было увязать деятельность нескольких человек, продумать важные мелочи. В Петербург не наездишься, лучше предусмотреть все заранее. Ну или как можно больше всего. Наконец полковник сказал:

– Для доклада министру достаточно. Вы идите, а я все оформлю в записку. По итогам сообщу. Якову Францевичу понадобится время для оформления легенды. А вы, Платон Ануфриевич, и ты, Алексей, будьте готовы днями выехать в Ригу.

Надворный советник вернулся в родное министерство, но Горемыкин уже отбыл домой, велел сыщику явиться завтра в восемь утра для доклада.

Утром доложить министру не получилось – того дернули в Государственный совет. Алексей рассказал все Зволянскому и до обеда ждал звонка с Фонтанки, 57. Вместо звонка пришел курьер и принес приказ о командировке в Ригу сроком на месяц. Лыков едва успел расписаться, как его вызвал Зволянский.

– Я поговорил с Иваном Логгиновичем, – сказал он. – Ты можешь ехать. Он успокоился, а сначала ему весьма не понравилась твоя инициатива.

– Сергей Эрастович, но ты же понимаешь: так было надо.

– Понимаю. Департамент полиции не должен уклоняться от вопросов безопасности государства. Так и объяснил его высокопревосходительству.

– Ну слава Богу...

– Более того, я тоже приеду к тебе туда.

– Для чего? – опешил сыщик. – Ты личность заметная, все сразу всполошатся.

– Не бойся, все продумано, – усмехнулся действительный статский советник, совсем как недавно Таубе. – Май месяц уже. Забыл, что я каждую весну приезжаю с семьей на штранд?

– Какой штранд?

– Это взморье по-ихнему.

– Ясно. И что?

– В этом году в мае дела меня не отпускают, я договорился с министром, что уйду в отпуск в июне. Но семью отвезу в ближайшее время. У меня будет один день. Зайду к губернатору, вызову к себе

полицмейстера... И подтолкну твои дела. После моего внушения Войтов тебе ни в чем не откажет.

– Очень хорошо! – обрадовался Лыков. – Тогда лучше сделать так. Барон Таубе готовит совещание в Усть-Двинске. Это крепость в устье Двины...

– Я знаю.

– У военных положено согласовывать все с местными начальниками. В данном случае таковым является командующий войсками Виленского военного округа. Тринадцатого мая он приплывает в крепость на собственном пароходе. Тамошнему батальону дали знамя, они его будут гвоздиками к древку прибивать... Явится все лифляндское начальство, начиная с владыки.

– Понял. Я тоже подъеду тринадцатого, так?

– Да. Сразу все начальники вместе соберутся и договорятся. А уж мы, серая шпанка, под вашим руководством сдвинем горы.

Зволянский записал себе на календарь дату и протянул подчиненному руку:

– Я пошлю тебе накануне телеграмму. Ступай!

Лыков и Арзамасцев выехали в Ригу в одном поезде, но в разных вагонах. Платону Ануфриевичу придумали неброскую легенду. Он разбогател на Сахалине, вырвался оттуда и теперь ищет, где купить трактирное заведение. Вот, решил попробовать здесь. Легенда позволяла отставному унтеру ходить по форштадтам, смотреть и спрашивать. До появления Титуса Арзамасцев должен узнать город, а также выправить паспорт, приписаться к мещанскому окладу и ждать. Когда явится главное лицо операции, его связной обязан быть в полной готовности.

Надворный советник прибыл в столицу Лифляндии как старый знакомый. Но в новом качестве. Официальные полномочия аховые: научить городских тягать гири. Но приказ подписан министром, а Лыков потом может что-то его высокопревосходительству и нашептать. С таким шутики плохи. Опять же, человек из столицы, в Департаменте полиции не мелкая сошка. Даже если сунет нос не в свои дела, теперь от него не отмахнешься.

Держа все это в голове, Алексей поехал к полицмейстеру. Причем не на службу в управление, а вечером на квартиру. Это тоже делалось с намеком. Мне, мол, так удобнее, а ты привыкай...

Казенное жилье рижского полицмейстера помещалось на Парковой улице, в доме номер 1 «А», в четвертой квартире. Войтов накинул поверх форменного платья халат. Он читал гранки готовящегося номера «Вестника

Рижской городской полиции». Гостя хозяин не ждал и оттого растерялся.

– Добрый вечер, Владимир Михайлович!

– Добрый, э...

– Алексей Николаевич меня зовут.

– Простите, забыл. Вы к нам в командировку?

– Да. Приказ министра дошел до вас?

– Сегодня прочитал его в секретном журнале телеграфа.

– Когда я могу приступить к обязанностям?

Войтов помахал гранками:

– Когда будет опубликован суточный по полиции приказ.

Но в завтрашний номер не успеет, приказ на сегодня я уже подписал.

Алексей подумал: вот сейчас нажму на него и потребую, чтобы переделал бумагу. Вряд ли откажет... Но это означало бы так поставить себя перед полицмейстером, что тот – лицо подчиненное. Плохо для дальнейшей совместной службы. И сыщик сказал:

– Хорошо, я сегодня поленюсь, погуляю по красавице Риге. Но завтра прошу собрать господ участковых приставов на совещание.

Полицмейстер растерялся.

– Наша газета, видите ли, выходит трижды в неделю... Поэтому нового приказа еще несколько дней не будет.

– А вы все-таки соберите, – отрезал Лыков. – Мне жалование платят не за то, чтобы я по улицам шлялся.

– Как будет угодно.

– И еще, Владимир Михайлович. Я интересовался у вас ходом дознания по убийству Язепа Титуса. Помните?

– Помню.

– Я по-прежнему интересуюсь им. Мы поняли друг друга?

– Э-э... Да, поняли. Я дам указание коллежскому асессору Кнауту оказать вам полное содействие в получении сведений.

– И вообще активнее вести дознание.

– Хорошо, договорились.

– Благодарю! В докладе господину министру я непременно отмечу вашу помощь. По всем вопросам.

Надворный советник уходил довольный. Войтов все сразу осознал. Он временная фигура, исправляющий должность, и полицмейстером Риги ему не быть. Но, если Владимир Михайлович и дальше собирается служить по МВД, ссориться со столичным чиновником особых поручений ему не с руки. Значит, содействие обеспечено.

Теперь следовало заселиться. Снова жить в «Центральной» сыщику

не хотелось. Там всего один вход, а ему предстоят конспиративные встречи с Титусом и Арзамасцевым, значит, потребуются дополнительные пути для вылазки. Как обеспеченный человек, Лыков мог позволить себе даже «Метрополь», где за ночь просят двенадцать с полтиной! Но это уже мотовство, Варвара Александровна не одобрит. И сыщик поехал на Александровскую улицу, 25. Здесь помещалась гостиница «Франкфурт-на-Майне». При ней был первоклассный ресторан с верандой, что создавало еще два выхода на улицу. И номер стоил пятишницу...

Заселившись, Алексей вызвал артельщика фирмы «Экспресс» и передал ему письмо для Никифорова. В нем он приглашал Александра Лукича в номер к семи часам вечера. После чего спустился в ресторан и заказал угря.

Без Титуса сыщику было неуютно в Риге. Куда пойти? Он решил сегодня же навестить Лизу Эглит, но ближе к ночи. А пока уселся на веранде все с тем же «Вестником Рижской городской полиции». В рубрике происшествий ничего интересного не обнаружилось. На Двинском рынке у торговли Веры Семилеткиной отобрано около пуда печеночной колбасы, содержащей большое количество песку. И опять кого-то порезали на Витебской. Как они обращаются с ножом, галманы? Вынул – так уж бей! А тут ранения, больше похожие на царапины. Шпанка, дрянь, а не налетчики. Разочаровавшись в рижских уголовных, сыщик перешел к международным новостям.

В Нью-Йорке появились электрические извозчики. Они возят пассажиров в экипажах с электрической батареей в полторы лошадиные силы. Скорость езды – до тридцати верст в час. Ого... Немцы кормят скотину конно-железной дороги опилками. Буковые и еловые опилки смешиваются с отрубями и почему-то с соляной кислотой. Полученная смесь прессуется в кирпичики и скармливается лошадям вместо сена и овса. Бедные германские кобылы... Американцы бомбами, начиненными петролеумом, сожгли в бухте Манильи три испанских корабля. Продолжается расследование покушения на греческого короля. Газеты особо отмечают храброе поведение Его Величества. Когда раздался первый выстрел, он закрыл королеву собой. Молодец... Рижанин фон Ренгартен продолжает пешее кругосветное путешествие. Он вышел из Риги 27 мая 1897 года и с тех пор одолел своим ходом 21 000 верст. Прошел Кавказ, Туркестан, Сибирь, Монголию и Китай. Оттуда перебрался в Америку, начал с Сан-Франциско, а на днях явился в Нью-Йорк. Сразу видать, что нет у фона более серьезных дел...

В назначенное время вошел Никифоров.

– Здравствуйте! А где Яков Францевич?

– Он перешел в другое измерение. Если встретите его где-нибудь на улице, делайте вид, что незнакомы.

– Понял. Неужели он...

– Дознание смерти Язепа Титуса поднялось на новый уровень. Теперь я занимаюсь им вполне официально и при поддержке местной полиции. Я пригласил вас, Александр Лукич, чтобы известить об этом.

– Значит, в моих услугах вы больше не нуждаетесь?

– Сейчас – да. Нужно рассчитаться за проделанную работу.

Лицо отставного сыщика дрогнуло.

– Да, конечно... Я понимаю. Сколько же мне причитается?

– Четыреста рублей. Извольте получить.

Лыков вынул заранее приготовленные купюры. Никифоров с трудом сохранил хладнокровие. Чувствовалось, что он готовился к сумме много меньшей. И эта неожиданная щедрость нанимателя решает все его вопросы с залогом.

– Вы мне давали деньги на расходы, – напомнил Зверогон. – Там осталось что-то около полусотни... – И тут же покраснел и поправился: – Виноват! Семьдесят два рубля с мелочью.

Надворный советник махнул рукой:

– Эти деньги я уже списал на убытки. Что осталось – теперь ваше. Разумная экономия.

– Благодарю!

– Последний вопрос, Александр Лукич. Хватит ли вам внести залог для получения места? Могу дать займы. Вернете из жалования.

– Нет, что вы! – радостно ответил тот. – Хватит, и даже долги раздать останется. Не знаю, как вас благодарить. Сам-то я свой, так сказать, вклад оценивал ниже.

– Ну и славно. Где будете служить?

– Надеюсь получить место конторщика на стекольном заводе Берлина, что на Паровой улице.

– В случае нужды могу ли я привлекать вас? Или служба не позволит? Мало ли что. А вы человек опытный.

– По вечерам – я с полным удовольствием, Алексей Николаич. После такого щедрого расчета почти за честь помогать вам.

– Вот и договорились. Если вдруг перемените место жительства, прошу сообщить. Дело, которое интересует нас с Яковом Францевичем, долгое. Я ведь тоже опытный и чувствую, придется повозиться.

Мужчины помолчали. Пора было расставаться.

– Вы домой? Могу подвезти. Мне надо в конец Кандауской, к госпоже Эглит.

– Нет, спасибо. Я сразу на стеклянный завод... Может, там еще не ушли? Побыстрее внесу залог, чтобы место закрепить.

Приехав к нужному дому, Лыков сначала разыскал его хозяина. Тот оказался хмурым латышом, почти не говорившим по-русски.

– Госпожа Эглит у вас проживает?

– О, да-а, да-а!

– Она должна что-нибудь за квартиру?

– Да-а. Диви на де-есять рубель, пожа-аласта.

Лыков сунул ему в ладонь две красненьких. Тот вдруг осклабился:

– Фрау Эглит кра-асивый!

– К ней кто-нибудь ходит? – неожиданно для себя спросил сыщик.

И тут же пожалел об этом.

Хозяин игриво подмигнул ему и хихикнул:

– Да-а... сегодня би-ил два-а муши-ина.

– Двое мужчин?

– Да-а.

– Кто они?

– Ка-ак я мог зна-ать? Два-а муши-ина, громко топал нога-ами, как пферд. Громко руга-алса, да-а. Я зна-ать, кто они-и?

Лыков нахмурился и пошел вверх. Что еще за люди? Ругались, топали ногами... У Язепа скопилось много врагов. Неужели теперь бедной женщине выставят счета?

Вдова (Алексей мысленно называл ее так, хотя официально она была покойному никем) спросила из-за двери:

– Кто там?

– Госпожа Эглит, Лиза! Это я, Лыков.

Дверь долго отпирала. Когда сыщик наконец вошел, то сразу спросил:

– Что случилось? У вас напуганный вид.

– Да так... устала. Я просто устала.

– Кто те двое, что были сегодня утром? Это они вас так?

Женщина помолчала, потом кивнула:

– А, чего теперь... Да, приходили двое громил. Бранились, показали ножи. Грозили, что зарежут. Я очень испугалась! До сих пор не могу прийти в себя.

– Что им было нужно?

– Чтобы я сказала, на чье имя Язеп открыл трактир. Оказывается, он купил трактирное заведение где-то в Задвинье! Я и не знала. У нас

и денег-то сроду не было... Разве что те пачки. Где он их взял? Ведь подобное дело стоит тысячи.

Лиза села и заплакала. Худые плечи ее вздрагивали так жалобно, что Алексей не удержался и погладил женщину по голове. Но она зарыдала от этого еще безутешнее.

Вдруг на лестнице послышались тяжелые шаги. Вдова сразу вскочила:

– Опять они! Боже! Вам лучше спрятаться, это страшные люди.

– Сейчас я их перелицую в нестрашных, – пообещал надворный советник. – Ишь повадились по два раза в день женщину пугать. Пусть меня напугают.

Дверь отлетела от сильного толчка. Вошли двое. Действительно, крепкие ребята. Рожи такие, что сомнений в их профессии не осталось.

– Ба! Это что за стрюк? – воскликнул первый, с косой челкой из-под дурацкой пуховой шляпы.

– Утром, однако, не было, – пробурчал второй, медлительный в движениях, с покатыми богатырскими плечами.

– Ты, дядя, кто будешь? – спросил первый. – Мы тут одного трактирщика ищем. Это случаем не ты?

– Лыков Алексей Николаевич, – представился сыщик. – С кем имею честь?

– Гы-гы-гы! Вежливый. Люблю вежливых. Даже бить не буду, знай, до чего люблю. Я, стало быть, Пашка Жиган. А это мой товарищ Степа.

– От Ярышкина пришли?

– Ну, допустим, что так.

Все трое сгрудились в тесной прихожей. Драться будет неудобно, подумал Алексей, всю мебель Лизе переломаем. Надо их на улицу вывести.

– А как там поживает мой приятель Дюжий? Много ли зубов я ему выбил?

– Стой, Пашка, – положил руку на плечо приятелю богатырь. – Чевой-то не так.

Но тот и сам уже догадался. Отступив на шаг, портяночник полез в карман.

– Лыков, Лыков... Ты, что ли, наших побил позадь скакового поля?

– Ну вот и познакомились, – ответил сыщик. – Ты, Паша, руку из кармана лучше вынь. А то я ее тебе оторву по самые коленки.

Степка заурчал по-звериному и, наоборот, сделал шаг к обидчику:

– А вот попробуй меня сна...

Договорить он не успел. Стремительно мелькнул кулак, и детина улетел на лестницу. Второй выхватил было нож, но сделать ничего

не успел. Лыков перехватил руку с клинком и сжал.

– А-а-а!!!

Нож со звоном упал на пол. Взяв парня под мышку, словно мешок, сыщик вышел с ним в подъезд. Подобрал там второго налетчика и вынес обоих на улицу.

Лиза сидела ни жива ни мертва, а снаружи доносились глухие удары и стоны. Затем сыщик вернулся как ни в чем не бывало.

– Ну вот, теперь можно и чайку попить. Лиза, у вас есть чай?

– А? Что?

– Чай имеется?

– Алексей Николаевич! Что вы наделали?! Они же бандиты. Теперь вернутся толпой, убьют и вас, и меня...

– Это маловероятно.

– Но почему?

– Помните, я упомянул кличку Дюжий? Он их сообщник. Напал на нас с Яном Францевичем несколько дней назад, во главе шайки. Пришлось поучить дурака.

– И что?

– Да поломал ему пару костей. Сейчас должен лежать в лазарете и жалобно стонать.

Лиза смотрела и не понимала.

– Я же чиновник Департамента полиции. Вся эта мразь пальцем не посмеет меня коснуться. А теперь и вас тоже. Я велел передать по команде: фрау Эглит не трогать!

Алексей еще долго приводил напуганную женщину в чувство. Она никак не могла взять в толк, что случилось. Боялась, что жуткие гости вернутся. Сыщик успокаивал ее разговорами и чаем, расспрашивал о прежней жизни, о том, что она собирается делать... Когда уже совсем стемнело, он встал.

– Ну, мне пора. А то ваш квартирный хозяин подумает невесть что. Вы женщина интересная, молодая – далеко ли до греха?

Эглит слабо улыбнулась. Какие волосы у нее красивые, подумал Алексей.

– Но ведь поздно уже, как вы доедете?

– Извозчик куда надо довезет.

– Здесь их в такое время не бывает. Вам придется идти к Старому Лагерному месту.

– И дойду.

– Когда вас опять ждать? И почему вы без Яна Францевича?

– Ах да, – стукнул себя по лбу гость. – Я ведь за этим сюда. И позабыл из-за халамидников.

Он снова сел, внимательно посмотрел на женщину.

– Как у вас с денежными знаками?

– Алексей Николаевич, ведь я же вам никто, – запротестовала она. – Почему вы мне помогаете? Как мне брать у вас деньги? Это... стыдно ужасно!

– Лиза, это не мои деньги, а Яана Францевича. Он считает вас вдовой своего брата и, естественно, хочет помочь. Потом, так будет не всегда. Жизнь ваша наладится, выйдете замуж...

Эглит так яростно затрясла головой, что ее дивные волосы взвились, как у ведьмы.

– Нет! Нет! В этом проклятом городе ничего не наладится! Одного мужа погубили, потом второго... Мне надо убираться из Риги. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

– Успокойтесь...

Лыков положил свою ладонь на руку Лизы и тут же отдернул ее. В маленькой и близкой к отчаянию женщине билась жизнь, билась и требовала выхода. Пора ему уходить.

– Лиза, послушайте меня. Вот двадцать пять рублей...

– Простите... И спасибо, большое спасибо! Когда-нибудь я верну вам все долги. А пока хозяин грозит выгнать меня, так что спасибо.

– Хозяин свое уже получил.

– Да?

Женщина растерялась: брать ей деньги или не брать? Сыщик встал.

– Мне действительно пора. Но вот что вам надлежит знать. Яан решил найти убийц брата. А он сыщик – найдет. Это первое. Второе: я не просто так вернулся в Ригу. Мы уезжали на несколько дней... Короче говоря, дознание смерти Язепа продолжается, теперь уже официально. Вести его стану я лично, а здешние сыщики будут на подхвате. Поверьте, я не люблю хвалиться, но тому, кто убил вашего мужа, конец. От нас он не спрячется. Понадобится время, однако дела его плохи. Но пусть злодей ни о чем не догадывается. Тем лучше для дознания.

Лиза слушала и кивала.

– Запомните еще вот что. Если вдруг вам на улице встретится Яан Францевич, не очень похожий на себя, не удивляйтесь. И не окликайте его, не подходите с расспросами. Помните: вы с ним незнакомы. Понятно?

– А...

– Так надо.

– Все поняла. А вас-то я знаю?

– Меня знаете. После сегодняшней потасовки смешно нам с вами прикидываться чужими.

– Алексей Николаевич... Эти люди точно не вернутся?

– Точно.

Лыков надел фуражку и вышел в темноту. Так... Где здесь Старое Лагерное место? Не иначе полк стоял, отсюда и название. Но приключения сыщика еще не закончились. Едва он свернул на другую улицу, как из-за забора появились трое. Опять портяночники! Митавский форштадт мало уступает Московскому в опасных жителях.

Эти оказались латышами и заговорили с сыщиком по-немецки. Тот еще не успел остыть от первой схватки и решил действовать быстро. Когда одинокий путник, вместо того чтобы перепугаться, ринулся в атаку, налетчики растерялись. Пока они соображали, что бы это значило, все уже были повержены.

Сначала Лыков хотел просто отвесить им тумаков и уйти. Но потом подумал, что этой дорогой Лиза, наверное, возвращается домой с телефонной станции. Значит, надо отвадить шваль. Пусть ищут счастья в другом месте. Потому сыщик вынул свисток и стал наяривать. Вскоре на свист отозвались, и прибежал ближайший постовой. К этому времени портяночники уже пришли в себя и пытались улизнуть.

– Я надворный советник Лыков из Департамента полиции, – сказал Алексей городовому. – Свяжи этих людей.

– Какой такой департамент? – удивился постовой.

– Петербургский, какой же еще!

– А-а...

– Ты не рассуждай, а делай, что велено.

Вдвоем они доставили пленных на Дюнамюндскую, во второй участок Митавской части. Там скучал молодой полицейский чиновник.

– Это что еще такое? – воскликнул он, завидя целый отряд.

– Оприходуйте задержание, – произнес сыщик. Он очень устал и хотел выпить пива. Однако молодой обиделся:

– По каком праву вы даете мне указания?

Лыков вынул свой полицейский билет.

– Виноват! – стал во фронт дежурный. – Я помощник пристава, подпоручик запаса армейской пехоты Кошко. Позвольте записать ваши показания.

Подпоручик запаса... Без году неделя в полиции, а такой обидчивый. Лыков хотел рассердиться на дежурного, но передумал. Старается, и глаза

смышленные. Скучно ему тут ночью сидеть. Алексей надиктовал протокол, подписал его и уехал в гостиницу. Там явился в ресторан и сказал:

– Пива, светлого, много.

– Какого изволите? У нас его восемь сортов.

На чем уж я остановился перед отъездом, задумался сыщик. И вспомнил:

– Белое берлинское ильгеемского завода.

Глава 5. Законное дознание

Утром Лыков обнаружил, что у него порвался сюртук под мышкой. Видимо, вчера он чересчур энергично махал кулаками. Пришлось обратиться к коридорному. Явилась горничная и быстро заштопала прореху. При этом еще строила глазки. Алексей заметил, что во «Франкфурте-на-Майне» женская прислуга вся состоит из настоящих красавиц. И они безбоязненно входят в номера к одиноким постояльцам, чтобы сменить белье. Надо будет учесть, подумал сыщик. И тут же вспомнил о Лизе Эглит. Как она вчера убивалась... Молодая еще, а в жизни не везет. Ну, отыщут они с Яшей убийцу, накажут его – и уедут. А Лиза? Останется здесь и будет тихо стареть? Жалко бабу. Вот только чем ей помочь, не ясно. Пока хоть денег можно подбросить, а после отъезда?

К двум часам надворный советник пришел на совещание к полицмейстеру. Собралось одиннадцать человек, одетых кто во что горазд. Восемь были в мундирах с шевронами приставов. Один – без шевронов, значит, помощник пристава. Еще один явился в партикулярном платье, а последний сидел в мундире околоточного надзирателя. В отпуске, что ли, начальство разъехалось?

Лыков спросил у Войтова, и тот пояснил. В одном участке пристава нет, его обязанности исправляет помощник. В другом нет даже помощника! И там командует один из околоточных. Тот же, который в штатском, – не имеющий чина господин Лозицкий. Он тоже исправляет должность пристава. Вроде бы служит без нареканий, но министерство с утверждением в должности тянет.

Нет хозяина в Риге, в очередной раз подумал надворный советник. И как тут жуликов ловить? В Петербурге всегда очередь на место пристава. Люди годами ждут. Здесь же юноша без чина заправляет участком...

Особняком сидела аристократия управления: секретарь Рожанский, начальник паспортно-адресной конторы Мартышевский и пристав сыскной части Кнаут.

Владимир Михайлович зачитал приказ по МВД и представил подчиненным столичного гостя. Затем с усмешкой сообщил:

– Господин надворный советник уже начал здесь демонстрацию атлетизма с целью защиты. Вчера вечером на Кальнецемской улице он в одиночку задержал троих налетчиков. Вот рапорт помощника пристава Кошко. Ребят изрядно побили. Не на того налетели...

Ему поддакнул пристав второго Петербургского участка Малаховский:
– Вот-вот! И у меня то же самое. Был грабитель Дюжий, а стал калека. Пришлось поместить его в больницу. После того, как он познакомился с приемами господина Лыкова.

Полицейские чиновники немного погалдели, но потом успокоились. Атлетизм так атлетизм. Полезная штука, кто же станет отрицать... Секретарь управления надворный советник Рожанский зачитал график по участкам. Местом занятий выбрали Полицейские казармы в Старом городе.

После совещания Войтов коротко приказал Кнауту держать Лыкова в курсе дела по убийству Язепа Титуса. Теперь тот лицо официальное, надо помочь.

Коллежский ассессор молча кивнул и повел Алексея к себе. Там усадил напротив и сказал неприязненно:

– Что с того, что вы теперь официальное лицо? Это по приемам защиты разве. А убийства при чем?

– То есть распоряжение полицмейстера для вас пустой звук? – не сдержался Лыков и тут же пожалел об этом.

– Господин Войтов не полицмейстер, – ответил Кнаут. – А лишь исправляет должность. Он, конечно, вправе давать мне указания по службе. Но не такие, чтобы вводить в курс дознания постороннего.

Твердый орех оказался заведующий сыскной частью. Понимает, что хозяина в Риге нет. А чиновник Департамента полиции никакой угрозы ему не составит. Явится настоящий полицмейстер, да еще немец, и все наладится. Искать убийц жулика Титуса по-прежнему никто не будет.

Лыков вернулся в номера раздосадованный. Уже через полчаса к нему постучали – пришел Растегаев.

– Да ладно вам злиться, Алексей Николаич, – сказал он с порога. – Черт с ним, с Кнаутом. Он без году неделя в сыскной, сам еще дела не знает, только щеки надувает. Чем такой человек может вам помочь?

– Дать поручение надзирателю, отвечающему за Митавскую часть. Язепа убили там, и дознание ведет он. Кнаут мог бы приказать ему держать меня в курсе дела. И все! Большого от него не требуется. Но пристав не хочет даже этого.

– Ну, Митавской частью у нас занимается Мартин Жведрис. Я переговорю с ним секретно, и он расскажет, что знает.

Алексей слегка повеселел:

– Так я пошлю за пивом?

– Да, можно, – усмехнулся Растегаев. – И вообще, не нужен вам

никакой Кнаут. Лучше побеседуйте с Вильбоа. Он много больше расскажет.

– Кто это?

– Виктор Александрович фон Вильбоа шесть лет заведовал сыскной частью. Ну и надоело ему это. Тяжелая служба, сами знаете. И в конце прошлого года, как освободилось место пристава второго участка Городской части, он перешел туда. Тихий участок, аристократический. Это вам не Московский форштадт. Отдыхает человек...

– Ясно, – кивнул надворный советник. – Шесть лет был главным сыщиком. А Кнаут лишь с декабря?

– С ноября. Полгода едва прошло.

– А какой характер у фона? Станет он мне помогать?

– Надо знать подход, – глубокомысленно ответил Растегаев.

– Сергей Петрович! Для этого у меня есть вы.

Алексей выложил на стол империял, и тот мгновенно исчез в ладони надзирателя.

– Фон Вильбоа действительно принадлежит к хорошему роду. Предок его перешел на службу к Петру Первому и сделал при нем знатную карьеру. Проще говоря, он был пират.

– Нужное дело, – одобрил Лыков.

– Закончил предок службу в чине вице-адмирала, – продолжил рассказ надзиратель. – Записки оставил – неужто не читали?

– Не довелось.

– А почитайте, – ухмыльнулся Растегаев. – Тогда вам проще простого будет умиловить нашего пристава.

– Раз надо, почитаю.

– Особое внимание, Алексей Николаевич, уделите месту предка при Петре Великом. Это любимый конек Виктора Александровича.

– Близко стоял?

– Не то слово! Государь любил моряков. И Вильбоа стал его шафером, когда тот женился на Марте Скавронской.

– Ого...

– Пират же обвенчался с дочкой пастора, в доме которого Марта воспитывалась. Родилась девчонка, так ее крестил сам государь. Обо всем этом наш пристав очень любит рассказывать. Дайте ему спеть любимую арию, и он станет как воск в ваших руках. Все откроет, что ни спросите.

– Здорово! – воскликнул надворный советник. – Где мне взять записки адмирала?

– В Риге сорок один книжный магазин, – ответил надзиратель. – Больше, чем в Петербурге.

– Ясно. Занятия по силовой защите начнутся у меня лишь завтра. Пойду-ка я погуляю, пройду по букинистам...

Растегаев одобрил намерение питерца. Уже уходя, он спросил:

– А где Яков Францевич? Он не приехал?

– Пока да. Будет позже. Только, Сергей Петрович, учтите: вы с ним не знакомы, если на улице встретите или в ресторации. И не удивляйтесь, если наружность у господина Титуса будет другая, не как прежде.

– Понятно. А что контора по найму? Как ее? «Дюна». Вы ею интересовались.

– А! Ничего важного. Пустышка. Версия не подтвердилась.

Надворный советник отыскал записки адмирала Вильбоа в антикварном книжном магазине Киммеля. Он читал их весь вечер. Вот было время! Грабишь чужие корабли, а тебя за это в чинах повышают.

На следующий день начались занятия с городовыми. Лыков, одетый в атлетический костюм, учил их простейшим приемам самозащиты. Особенно обороне от ножа. Люди в рижской полиции оказались бывалые, схватывали быстро. Кроме нижних чинов, пришли из любопытства и околоточные, и даже помощник пристава. В углу гимнастического зала сложили гири, те, что успели собрать. После уроков самозащиты Алексей обучал людей атлетизму. Больше всего это нравилось недавно пришедшим с армейской службы. Пара человек выказала хорошие способности. Алексей сам не ожидал, что ему будет так интересно возиться с молодежью.

В Риге одиннадцать полицейских участков. Большинство городских служат в две смены; третья, ночная, выпадает раз в неделю. График обучения составили так, что люди с участков приходили на занятия всегда с утра. Начали с первого участка Городской части, следом шел второй. Таким образом, Лыков познакомился с приставом Вильбоа уже через день после начала занятий.

Сыщик довольно хитро вывел Виктора Александровича на разговор о его знаменитом предке. Начал он, естественно, с Петра Первого. Вот, мол, у меня в Нижнем Новгороде царь отмечал свое пятидесятилетие. И там до сих пор живут потомки городского головы Пушникова, в доме которого Петр справлял юбилей. Пристав, казалось, только и ждал этих слов и охотно спел свою арию... Два надворных советника проболтали чуть не час и прониклись друг к другу симпатией. Наконец Вильбоа лукаво усмехнулся и сказал:

– Алексей Николаевич, а теперь спрашивайте, что хотели.

– То есть, Виктор Александрович?

– Ну я не дурак. Все понимаю. Вы же не без умысла доставили мне такое удовольствие. Это вас Растегаев подучил или Никифоров?

Алексей смутился. Ай да бывший сыщик...

– Спрашивайте, не стесняйтесь, – подбодрил его собеседник. – Вас ведь интересует смерть Язепа Титуса?

– Да. Но Кнаут отказался помогать мне.

– А вы знаете, что его люди следят за вами?

– Следят за мной? – опешил Лыков. – Надзиратели сыскного отделения?

– Нет. Их вы видели в лицо и быстро заметили бы слезку. Кнаут приставил к вам секретных осведомителей.

– Вы уверены?

– Один из них болтается сейчас напротив Полицейских казарм. Я, когда шел сюда, заметил его.

Лыков подумал немного, потом спросил:

– Для чего это Кнауту?

– Александр Иванович фон Кнаут – весьма честолюбивый человек.

– Он тоже фон?

– Что поделатъ, – улыбнулся Вильбоа. – Здесь, в Риге, много фонов. Ваш оппонент боится, что вы что-нибудь разыщете в обход него. И потому приставил к вам «хвост». Случись у вас открытие, он постарается перехватить успех перед самым вашим носом. Чтобы приписать его себе. Для этого Кнаут и хочет знать ваши тайны.

– Понятно. Беда в том, что никакого открытия пока не видать. Мы с младшим Титусом выяснили, что его брат утаил дуван от Ярышкина...

– Да, я слышал.

– ...и купил на чужое имя трактир в Задвинье.

– А вот это новость для меня. Почему в Задвинье? Язеп никогда там не жил.

– Виктор Александрович, расскажите мне, пожалуйста, про Язепа. Что он был за человек?

Пристав поморщился:

– Совершенно бессовестный. Я, признаться, не понимаю, почему вы так хотите отыскать его убийцу. Титус получил, что заслужил. Плюньте на это дело!

– Не могу. Яан, его младший брат – мой старый товарищ. Мы вместе служили еще в Нижегородской сыскной полиции. А он не отступит. Мне придется ему помогать, хочу я этого или не хочу.

– Понятно. Значит, Язеп Франц Титус. Он был человек не без способностей. Почти закончил рижский Политехникум. Правда, в те годы тот еще не имел статуса высшего учебного заведения, но все равно образование давал хорошее. Однако темный мир затянул Язепа.

– Чем он занимался?

– Всем, что приносит легкий доход. Трудиться парень не желал.

– Я знаю про подделку абонентских книжек в Центральную столовую и про две квартирные кражи. Потом якобы он перешел в наводчики, но там уже ни разу не попался.

– Да, неудача с квартирным взломом отвадила Язепа от воровства. Полтора года тюрьмы! По моим данным, он стал посредником между ворами и скупщиками краденого. Именно Язеп придумал ту уловку, которая до сих пор в ходу.

– Что за уловка? – насторожился Лыков.

– Вы знаете, конечно, что после кражи сыскные агенты первым делом идут в ломбарды и ссудные кассы – искать похищенное среди заложенных вещей. И воры попадают. Куда девать добычу? Надо же ее в деньги превратить. Так вот, Титус первый стал нанимать для этого курьеров. В Риге четыре конторы, которые оказывают услуги по доставке. И Язеп привлекал их. Сыщики находят в ломбарде украденную вещь, смотрят в квитанции, кто ее сдал. А там курьер из «Экспресса»! Бляха номер тридцать два. Его берут в оборот: кто тебе велел сдать, к примеру, кулон? Неизвестный мужчина, отвечает курьер. И указывает ничего не значащие приметы. Все! Дознание зашло в тупик.

– Но, попавшись так несколько раз, ломбард перестанет брать вещи у курьеров, – возразил Алексей. – Краденое конфискуют, а деньги скупщик уже отдал. Убытки оказываются на нем.

– Да, это так. Но не забывайте, что большинство наших ломбардов наживается на ворованных вещах. Потому как их можно взять за полцены. И они продолжают свою доходную практику. Неразборчивость – вот что это такое. Зато доход – сто процентов! И они согласны иногда терпеть убытки, лишь бы воры и дальше приносили краденое им.

– Понятно. То есть Язеп Титус создал систему, при которой вора труднее поймать.

– Именно так.

– Среди его приятелей значились старьевщик Адо Кадак и владелец ломбарда Карл Рымкус. Что они за люди?

– Кадак на самом деле главарь шайки квартирных воров, – пояснил Вильбоа. – Работают они по всему правому берегу, но платят долю лишь

Цвейбергу. Слышали про такого?

Лыков кивнул:

– Да. Это «иван», который заправляет немецкой преступностью в городе. Так?

– Примерно. Теодор Цвейберг – очень серьезный человек, самый серьезный в Риге. Он, например, взял сейчас под свое крыло торговлю мантропом, причем по всей Лифляндской губернии. Это приличные обороты.

– Что за мантроп?

– В России вы называете его ликвой.

– А! Неочищенный эфир, – догадался сыщик. – У нас его пьют вместо водки. Дешевле, а в голову шибает не хуже.

– У нас то же самое, – кивнул Вильбоа. – Конечно, это продукт для всякого сброда. Но дешевизна привлекает и простых обывателей. Они говорят: эфир ведь лекарство, поэтому мы употребляем его для здоровья. И лопают. В последнее время мантроп появился в фурманских трактирах.

Пристав многозначительно замолчал. Но Алексей его понял. Трактиры для извозчиков – золотое дно. Людям ведь надо ездить постоянно. Основную часть выручки ванька прячет в сапог, а не отдает хозяину. Каждый извозчик посещает трактир четыре раза в день. Два раза он плотно закусывает и два раза пьет чай. В сумме это шестьдесят копеек минимум, если без водки! А часто мужику хочется выпить, да еще сыграть на биллиарде. Помимо легковых извозчиков есть каретные, троечники и ломовики. В те же трактиры заходят поденщики, мелкие торговцы и некоторые мастеровые. Обороты получаются огромные. Посчитано, что в Петербурге извозчицьи трактиры зарабатывают в год пять миллионов рублей! В Риге эта цифра намного меньше, но тоже велика.

– Весь мантроп попадает сюда из Пруссии, его ввозят еврей-контрабандисты, – продолжил пристав. – Именно Титус предложил Цвейбергу захватить этот промысел. И подрядился к нему старшим приказчиком по эфиру.

– Вот, значит, откуда у него деньги на покупку трактира, – сообразил Алексей.

– Именно. На дуван, что Язеп утаил от шайки Ярышкина, купишь только обстановку, но не само заведение.

– С Цвейбергом Титуса свел Адо Кадак?

– Да. Кроме того, Язеп предложил немцу заняться еще одним продуктом – фальшивым коньяком. Ну вы, наверное, слышали –

из энантового эфира.

Лыков слышал. Мошенничество это развилось во Франции до значительных размеров. Одна Англия ввозит коньяка больше, чем его официально фабрикует французы. А что же тогда достается остальным? Разумеется, поддельный. Технология его создания неприглядна. Берут хлебный или даже свекловичный спирт и добавляют в него эссенции. Чаще всего это так называемое коньячное масло, или энантовый эфир. Он содержится в винных осадках после брожения. Эти осадки перегоняют вторично и получают желаемое масло. Если добавить его к простому спирту, то он приобретает вкус и запах коньяка. Остается бросить в полученную бурду ваниль и фиалковый корень, и от коньяка не отличить.

Но коньячное масло тоже кажется мошенникам дорогим. В последнее время они начали подделывать даже его – перегоняют из кокосового. Получается совсем уж дрянной фальсификат, который преимущественно и продают в России под видом коньяка.

– Значит, это Цвейберг травит нас такой гадостью?

– Да, – подтвердил пристав. – Ему сейчас из всех губерний присылают пустые коньячные бутылки. Целая армия людей работает. Даже в Москве и Петербурге имеет своих представителей. Здесь пойло разливают и отправляют обратно. А вы где-нибудь у Донона выпьете его за бешеные деньги.

– Язеп и тут был за старшего приказчика?

– Да.

– Кучу денег огреб... Поди, в своем трактире тоже потчевал народ подделками?

– Конечно. Но меня смущает все-таки его покупка. Мантропом Цвейберг занимается только последние полгода. Что-то рано брат вашего друга купил себе трактир.

– Виктор Александрович, я правильно понимаю ваш намек? Вы хотите сказать, что Язеп мог облапошить «короля» Цвейберга? Украл деньги и у него?

– Да, я это допускаю. Иначе с каких барышей?

Сыщик задумался. Вот и еще одна версия, причем весьма правдоподобная. Придется заняться и Теодором Цвейбергом.

– Понял. А что Карл Рымкус?

– Мелкий барыга, который обслуживает портянщиков и воров Московского форштадта.

– Он секретный осведомитель сысканого отделения?

Пристав откинулся назад и внимательно посмотрел на Лыкова.

– Как вы догадались?

– Это несложно. Человек известен полиции как скупщик заведомо краденого. Держит ломбард, в котором иногда такое краденое находят. Но патент у него не отбирают.

– Все верно. Рымкус – наш негласный осведомитель. Поэтому ему и разрешают барышничать. Человек он злой, жадный и по-своему опасный.

– Опасный?

– Да. Московский форштадт – особое место. Там по улице с цепочкой по жилету лучше вечером не ходить! Отберут вместе с жилетом.

– Это я уже слышал, – кивнул Лыков. – Шесть или семь банд, и никого над ними.

– Борьба за главенство над форштадтом время от времени возникает, но силы примерно равны, «короля» никак не назначат. Ярышкин, Вовка Рейтар, Васька Клёцкин, Савватей Шелудяков... Петька Судомойкин... И Силуян Зверев. Шесть.

– Так почему вы назвали держателя ломбарда опасным?

– Потому, что обслуживает не только воров, но и убийц.

– В Риге есть гайменники? – встрепенулся Алексей.

– Они имеются в каждом городе, где-то больше, где-то меньше...

В прошлом году на Витебской зарезали сыскного надзирателя Говорухина. Мы так и не выяснили, кто это сделал. Несмотря на всю агентуру. Люди боятся говорить.

– Убийство сыскного надзирателя – редкое преступление, – осторожно сказал Лыков. – За такое полиция старается взыскать.

– И я старался, – вздохнул Вильбоа. – Да не смог. Потому и ушел из сыскного отделения. Взял вину на себя.

– Вы ушли, а убийцы остались. Думаете, Кнаут их найдет?

– Не найдет. Он и искать не будет, поскольку не при нем случилось.

Мужчины помолчали, потом Вильбоа многозначительно произнес:

– На вашем месте я поискал бы виновных в смерти Язепа Титуса именно в Московском форштадте.

– Почему?

– Вам наверняка сказали в сыском, что он был наводчик?

– Да.

– Это не совсем верно. Наводчиком квартирных воров Язеп действительно являлся несколько лет. Но потом его перестали приглашать в гости – пришлось переквалифицироваться в барыги. Я вам не все рассказал. Дело не только в курьерах, привлеченных Титусом. Он создал целую сеть по продаже похищенного. В Риге больше тридцати ломбардов,

ссудных касс и кредитных контор. А еще Толкучий и Александровский рынки и Красная горка. Украденная вещь, попав в руки Язепа, или быстро меняла внешний вид, или так же быстро меняла хозяев. Ломбарды перекидывали ее друг дружке либо пересылали в Вильно, Ревель и даже в Варшаву. А те им взамен отдавали свое ворованное барахло. Таким образом сыщиков сбивали со следа. То есть вора и грабителем Язеп стал лучший друг. Незаменимый человек. Ведь мало украсть, надо еще суметь продать. Это и делал для них Титус, что его в конце концов и погубило, на мой взгляд.

– Поясните.

– Он стал слишком влиятелен на Московском форштадте. Без него не продашь. И блатер-каин^[43] начал грубить с ценой, снижать долю вора или грабителя. Думаю, что Язеп заигрался и надоед. В назидание другим барыгам наглеца решили наказать. Кстати, после его смерти доля вора значительно возросла!

– Откуда вы это знаете, Виктор Александрович? – воскликнул Алексей. – Полгода как не сыщик, заведуете самым спокойным участком в городе...

– Стараюсь быть в курсе таких дел, – ответил пристав.

Питерец вздохнул и спросил, понизив голос:

– Надеетесь когда-нибудь отомстить за Говорухина?

Вильбоа дернулся, как от удара током, но взял себя в руки:

– Чего уж теперь... Как у вас, у русских, говорят? После драки кулаками не машут. Но могу дать совет.

– Слушаю.

– Есть человек, который знает все о Московском форштадте. Он простой городской, зовут Андрей Иванов. Служит во втором Московском участке, бляха номер триста три.

– Простой городской?

– Ну, не простой, а первого разряда.

– А-а... Оно, конечно, все меняет...

– Я сейчас объясню. Иванов стоит на плацу Старой горки, где раньше был базар. Там сходятся сразу четыре улицы: Московская, Витебская, Динабургская и Банная. Это самое сердце Московского форштадта. Здесь лучшие кабаки и пивные, а магазинов больше, чем в Гостином дворе. Лучшие на форштадте квартиры тоже в этой округе. И местные ходят сюда, как в столицу. Здесь их Невский проспект. Многие, родившись и выросши в Риге, никогда не видели Замка, Домкирхе^[44] или Пороховой башни.

Это как раз тамошние жители. Они не заглядывают за Буян и Красные спикеры^[45]. Все их интересы сосредоточены в форштадте.

– Понятно, – сказал Лыков. Больше для того, чтобы дать собеседнику перевести дух.

– И вот городской бляха номер триста три для них является главным полицейским начальником. Это царь и бог места. При этом Иванов имеет рост два метра... Сколько это будет по-вашему? Два аршина и примерно тринадцать вершков...

– Ого!

– ...и чисто медвежью силу. Вот не вру, Алексей Николаевич! Дайте Андрею медведя, и он заберет бедное животное!

– Верю. Я встречал одного такого на Сахалине.

– Ну вот видите! И наш геркулес такой же. На Московском форштадте сила является главным достоинством. Слабый тут не выживет, он всеми презираем. Когда в воскресенье полиция в полном составе убегает с Большой Московской улицы, Иванов остается на своем посту и в одиночку вершит суд и расправу.

– Неужели громилы всех шести банд не трогают его?

– Тоже удивляюсь. Побить Андрея нельзя, он сам кого хочешь поколотит. А можно ведь ткнуть ножом или выстрелить. Но его щадят. Более того, даже по-своему любят и уж точно уважают. Был случай, когда помощник пристава второго участка пытался отправить пьяного в часть. Шел по улице, увидел безобразие и велел бедняге следовать за ним. Так тот отказался. Сам иди к черту, говорит. У нас тут Андрей командует, а у тебя и правов таких нет!

– Типаж понятен, – кивнул Лыков. – Есть подобные люди, и не только в Риге. В Москве на Хитровке стоит городской Рудников. Один в один. Теперь я понимаю вас, Виктор Александрович. С Рудниковым я знаком. Он действительно знает все, что творится в его участке, а начальству не докладывает и половины. Поэтому и жив до сих пор.

– Вот-вот! И наш точно такой.

– Но остается вопрос: с какой стати Иванов что-то мне расскажет? Я ему не начальство, приехал и уехал.

– Отвечу. Посмотрел я сейчас, Алексей Николаевич, как вы десятипудовыми снарядами жонглируете. Впечатлен. Со стороны кажется, что и вдвое больше поднимете.

– Так и есть, Виктор Александрович. Но не рвать же мне пуп на уроках для городских.

– Андрей Иванов – знаменитая в Риге личность. В прошлом году

в цирке Саламонского выступал сам Фосс. Слышали о таком?

– Настоящий Фосс, немец? Эмиль?

– Да. А что, есть другие?

– Имеется один дуболом. Тоже называет себя Фоссом, но русак. Огромный, тупой и сильно выпивающий. Силы неимоверной, это правда. Но скандалист. Любит жрать и пить в ресторанах, а потом не платить. Если требуют денег, начинает бить посуду и ломать мебель. Когда же полиция составляет протокол и надо отвечать за свои поступки, вынимает из кармана справку, что психический больной.

– Нет, здешний Фосс приличный. И богатырь, каких свет не видел. Он вызывал на бой желающих из публики, за сто марок. Десяток храбрецов на лопатки уложил. Пока не вышел Андрей. И городской победил! Вся Рига рукоплескала.

– Так. К чему вы мне это рассказываете? Предлагаете пересилить вашего геркулеса на спор?

– Именно!

Вильбоа даже вскочил.

– Иванова никто никогда не побеждал. Да это и невозможно. У вас, Алексей Николаевич, тоже не получится, без обид... Но сама попытка Иванову понравится. Глядишь, поболеет, размякнет. Мы любим тех, кто слабее нас.

– Ясно. Тут-то и надо задать ему правильный вопрос?

– Да. Вы верно меня поняли. И если Андрей захочет, он расскажет вам такое, что никто другой не сообщит. Попробуйте, мой вам совет. Через три дня их участок придет к вам на занятия, вот удобный случай.

– Понял вас, Виктор Александрович. Спасибо.

Беседа с Вильбоа отняла много времени, но Лыков не жалел об этом. Хорошо поговорили. Пристав дал ему очень убедительную версию насчет Цвейберга. Если Язеп обокрал и его – а это в духе мошенника, – то все возможно. В том числе месть немецкого «ивана». Интересно, как оно звучит у германцев? «Ганс»? Или «фриц»? Лыков дважды был по службе в Берлине, в тамошнем Полицайпрезидиуме, а спросить не догадался.

Идея насчет могучего городского вызывала сомнения. Ну, поборет он парня. И что с того? Тайны серьезных банд просто так, на спор, не выдают. А общие сведения Алексей и без того узнает от Растегаева. Надо посмотреть на тринадцативершкового героя. Сыщику удавалось укрощать и не таких. А с Эмилем Фоссом, кстати, он тоже состязался в силе – в Петербурге, в школе Пытлясинского. И тоже победил. Но тут, в Риге, надо ли надрываться?

Закончив занятие, надворный советник направился на улицу Паулуччи. Там в доме номер два располагалось губернское жандармское управление. Титус в первые дни знакомства с Ригой рассказал Алексею про маркиза Паулуччи. Это был достойный человек. В 1812 году столицу Лифляндии осадили французские, а вернее, прусские войска корпуса Макдональда. Безвольный генерал-губернатор Эссен с перепугу приказал сжечь рижские предместья, чтобы враг не смог под их прикрытием подобраться к городу. Сначала спалили Задвинье, но этого показалось мало. В ночь с 11 на 12 июля Московский и Петербургский форштадты также были сожжены русскими войсками. Их жители лишились крова и всего имущества. Убытки превысили семнадцать миллионов рублей, десять тысяч погорельцев ночевали на улицах Риги и в окрестных лесах... А враг так и не пришел. Осада была демонстративной, и войска пруссаков не приблизились к городским стенам.

Всеобщая ненависть к трусливому Эссену охватила рижан. Тот и сам понял, что натворил, и изо всех сил старался загладить свою вину. Но не выдержал и покончил с собой, ровно через год после того, как отдал роковой приказ. К тому времени в раздраженный город вместо него уже был назначен маркиз Паулуччи. Храбрый военный и умелый администратор быстро завоевал уважение жителей и вернул престиж власти на нужную высоту. Паулуччи дал мощный толчок развитию Риги. Личный друг Александра Первого, маркиз смог добиться от него огромных беспроцентных кредитов на восстановление форштадтов. Когда воцарился Николай Первый, остзейские бароны очернили генерала в глазах нового государя. В 1830 году Паулуччи вышел в отставку и навсегда уехал из России. Перед его отъездом рижане очень просили маркиза разрешить им поставить памятник любимому администратору. Тот категорически запретил! И взял с отцов города слово, что такой памятник никогда не появится. Рижане перехитрили скромного и честного итальянца: они все же поставили в Малом Верманском саду монумент. На нем нет фамилии Паулуччи, лишь скромная табличка с надписью: «В память 23 октября 1812 года». Это тот самый день, когда маркиз прибыл в Ригу в качестве Лифляндского и Курляндского генерал-губернатора...

Улица Паулуччи – одна из лучших в Новом городе. Лыков бодро шел по ней в ГЖУ и думал: когда и как ему избавиться от «хвоста»? Предупрежденный Вильбоа, он быстро заметил упитанного господина в драповой тройке. Тот шел по пятам не очень умело. Видно, что не профессиональный филер. Поразмыслив, сыщик решил сначала посетить жандармов. Пусть Кнауту доложат, что Лыков был в ГЖУ –

это предостережет фона. В России мало желающих связываться с этой службой.

В управлении надворный советник попросил встречи с начальником. На вопрос, с какой целью, ответил: согласно шифротелеграммы министра внутренних дел. Это подействовало. Полковник Прозоровский принял его немедленно. Узнав, что речь пойдет о «Дюне», жандарм вызвал также адъютанта управления штабс-ротмистра Кривцова.

Сыщик сразу заговорил о деле:

– Я сообщил господину министру список из восьми лиц, служащих в конторе «Дюна» в качестве, возможно, секретных агентов. Вы собрали данные на этих людей? Один из них уже мертв, это некий Титус. А остальные семь?

– Да, мы их нашли, – ответил Кривцов. – Правда, не всех. Карл Земель не обнаружен, в Риге вообще не проживает такой человек.

– Такое может быть. Я просматривал картотеку в темноте и спешке, записывал имена потом, по памяти. Мог и ошибиться, – согласился сыщик. – Что остальные?

– Служат кто где. Но ваши догадки подтверждаются. Двое устроились на судовой верфь Ланге как раз тогда, когда тот получил заказ от Морского министерства. Остальные шляются по электротехническим и машиностроительным заводам. Подозрительно! Часто меняют места работы, и столь же часто – прописку.

– Кто, по-вашему, хозяин конторы? Чья это сеть?

Полковник Прозоровский ответил уверенно:

– Хозяин «Дюны» – немец, директор тоже. Из восьми предполагаемых агентов двое немцы. Мы считаем, что это германская резидентура.

– Зачем она им? И так обо всех наших военных заказах хозяева заводов сообщают в Германию.

– Да, в Риге немцы чувствуют себя как дома, – согласился Кривцов. – Фактически они всесильны. Посредническая контора для лиц, ищущих занятий, конечно, лишь ширма. Но удобная. Мы считаем, что ее задача – обобщать сведения. Это, так сказать, представительство их Генерального штаба в Риге. Анализируют, благо все под рукой. Домой отсылают уже готовые доклады, а не клочки донесений, которые еще надо складывать в единую картину.

– Почему же тогда с «Феникса» выгнали их человека, когда заподозрили его в коммерческом шпионаже?

– Да потому и выгнали, – усмехнулся штабс-ротмистр. – Деловой шпионаж никому не нравится. А «Дюна» не кричит на всех углах, что она

представитель германского штаба. Вот немцы в «Фениксе» и облапошились. Своему указали на дверь.

– Возможно, – кивнул сыщик. – Но, например, английская версия вами не рассматривается?

– Почему? Рассматривается, – возразил Прозоровский. – Правда, она кажется нам менее вероятной. Мы подвели своих осведомителей к двум важным здешним фигурам. Англичане традиционно сильны в Риге, тому уже сотни лет. Согласно прошлогодней переписи, в городе двести пятьдесят четыре человека имеют британский паспорт. Вот, только что пришло сообщение. Британский подданный рижский купец Жорж Генри Армитстед открыл комиссионерскую контору первого разряда под фирмой «Справочная и посредническая контора “Глобус”». С разрешения министра внутренних дел. Что это? Бизнес, как говорят англичане, или шпионская лавочка?

– Вы сказали, что подвели людей к двум важным фигурам...

– Да. Один из них – это Томас Гаррис, пастор здешней англиканской церкви.

– Пастор? – удивился сыщик.

– Да. Почему он не может заниматься разведкой? Очень даже запросто. Все нити к нему сходятся, многие рижские британцы ходят к нему на исповедь.

– Согласен, бог шпионажу не помеха. И как?

– Подсунули ему своего человека в качестве дворника. Латыш, но служит нам исправно.

– Что может дворник?

– Кое-что, – вмешался Кривцов. – Например, он пастору в дом дрова носит и печку растапливает. Всякими черновиками и брошенными бумажками.

– Ага...

– Вот! – поднял палец штабс-ротмистр. – Уже немало.

– А второй?

– Второй, – пояснил полковник, – английский вице-консул Вильям Бреслау. Этому мы нашли няньку для его малолетних детей. Беда в том, что женщина не говорит по-английски... Но где я тут возьму настоящих осведом, чтобы знали язык? Где?

– То есть нянька дает лишь поверхностные сведения, – продолжил мысль Прозоровского Алексей.

– Увы.

– А сам консул?

– Артур Вудхоуз. Но к этому не подберешься: осторожный...

– А за немцами вы приглядываете?

Опять заговорил адъютант управления:

– Германский консул по делам Лифляндской и Курляндской губерний барон Брюк – очень важная птица. И тоже стреляная, на козе не подъедешь.

– И что, наблюдение невозможно?

– Практически да. Рига! Немцы держатся сплоченно, друг дружку во всем поддерживают. Прислуга, дворник, кучер у Брюка все свои. Латышей он не берет, а русских тем более.

– Разве немцы не любят деньги? Подкупите земляка барона.

– Пытались, – вздохнул штабс-ротмистр. – В дом проникнуть никак нельзя. Мы присматриваем за его служебным кабинетом. Консульство находится на Большой Замковой улице, в здании Биржевого банка. Местный уборщик нами завербован. В биржевые часы, с половины одиннадцатого до двенадцати, консул всегда на торгах. Мы дважды обыскивали в это время помещение, но ничего ценного не нашли.

– Понятно.

Лыков договорился с жандармами о том, чтобы ехать в Усть-Двинск вместе. Послезавтра туда приплывает генерал от инфантерии Троцкий. Состоится секретное совещание о вскрытой Лыковым резидентуре. Жандармы обещали сыщику место в своем купе, и тот ушел.

Выйдя на угол, он схватил толстяка в драповой тройке:

– Попался!

– Что вы делаете? – возмутился тот. – Я просто гуляю тут.

– Ты за мной от Полицейских казарм гуляешь, мошенник.

Алексей вынул свисток и подозвал к себе ближайшего постового. Показал ему свой билет и приказал:

– Доставь этого человека в сыскное и сдай лично приставу Кнауту. И вручи донесение.

Тут же он отобрал у служивого карандаш и написал на обороте своей визитной карточки: «Александр Иванович! Человек весь день следит за мной. Разберитесь, пожалуйста, кто его подослал. Лыков».

Избавившись от «хвоста», сыщик повеселел. Он представил себе, что скажет коллежский ассессор своему филеру с глазу на глаз...

Теперь Лыкову предстояла встреча с бароном Таубе. Тот приехал в город еще ночью. На правах флигель-адъютанта и приятеля губернатора он поселился в резервных свитских комнатах Царских апартаментов.

Свитские помещения находились на четвертом этаже Замка. Надворный советник прошел было туда, но его отправили назад.

Оказалось, что из отпуска возвратился генерал-майор Суровцев. Он как раз принимал Таубе в своей квартире. Пришлось искать личные покои начальства. Надворные постройки, отведенные под жилье губернатора, находились при входе в замковый двор, по правую руку. К счастью Лыкова, барон сам вышел ему навстречу. Он был не один. С ним оказались два офицера: штабс-капитан лейб-гвардии Волынского полка и поручик с незнакомой шифровкой на погонах. Офицеры, завидя незнакомца, быстро простились с полковником и удалились, пряча лица. Сыщик усмехнулся и сказал, понизив голос:

– Это не наши помощники побежали? Ты привлёк их к операции против «Дюны»? Смешные ребята.

Виктор не принял шутивого тона и ответил серьезно:

– Да, это разведчики. Только они не в Риге будут действовать, а в других местах.

– Опять в Индию засылаете? – шепотом поинтересовался Алексей.

Таубе провел гостя к себе, плотно закрыл дверь и лишь тогда пояснил:

– Началась война между Испанией и Америкой. Нам это интересно. То будет новая война! Быстро меняется оружие, а с ним и тактика. Волынца штабс-капитана Потапова мы посылаем на Филиппины, а поручика Ярославского пехотного полка Едрихина – на Кубу. Для этого им придется формально уйти в отставку. Станут нашими глазами и ушами...^[46]

Друзья уселись в кресла. Лыков осмотрел комнату – уютненько.

– Это твой кабинет?

– Да. Есть еще спальня и помещение для денщика.

– Может, Василий нам выпить принесет? В Риге хорошее пиво. Деньги, чур, мои.

Алексей хорошо знал ефрейтора Полудкина, старого денщика барона Таубе. Про деньги он сказал неслучайно. Виктор, хоть и был полковником, укладывался в жалование не без труда. Квартиры в Петербурге уж очень дороги. При всей щепетильности барона он иногда позволял своему богачу приятелю купить что-нибудь эдакое.

– Знаешь, я, наверное, продам оба имения, – заявил Виктор. – И куплю взамен жилье. Надоело скитаться. С апреля домовладелец опять цену повысил, шильник.

– Сколько надеешься выручить?

– Тысяч восемнадцать-двадцать. Хватит устроиться где-нибудь на Выборгской стороне.

Сыщик мотнул головой:

– Не хватит. Тебе же надо пять комнат, а лучше шесть. Вдруг

расплодитесь?

Это был второй большой вопрос барона. Лидия Павловна родила дочку с большим трудом. Сказались перенесенные в молодости переживания: два года в одиночке Петербургского домзака^[47], ссылка, жизнь в горном ауле. Как врач, баронесса понимала, что следующие роды могут ее убить. Она бы, пожалуй, и рискнула, но шансы ребенка выжить тоже были невелики. Поэтому Виктор молча завидовал на троих лыковских отпрысков. Сейчас он не поддержал тему, ответив:

– Сначала надо продать. Знать бы еще, как это делается...

– В случае если тебе не хватит, я добавлю. Отдавать будешь сто лет. Знай мою доброту, голодранец!

– Спасибо.

Покончив со шкурными делами, друзья перешли к служебным вопросам.

– Ты выяснил, куда летали барановичские голуби номер... – Лыков напряг память, – ...семнадцать и девяносто два?

– Да. Один в Данию, на нашу военную станцию. А второй в Вильно, в штаб округа.

Сыщик коротко выругался.

– А ты что выяснил? – спросил разведчик.

– Пока ничего. Только что был у жандармов. Они считают, что «Дюна» – германская лавочка.

– Мы взяли в разработку их директора.

– Карла Наринга?

– Да. По документам он уроженец Касселя. В Ригу приехал шесть лет назад. Беда в том, что никакого Наринга в Касселе сроду не было.

– Резидент?

– Очевидно, да.

– Ну правильно. Ты вон своих офицериков, когда посылаешь шпионить, выводилшь предварительно в отставку. Может, и Наринг – бывший офицер, и фамилия у него на самом деле другая.

Тут раздался стук в дверь.

– Во! Полудкин пришел, сейчас мы ему пиво поручим, – обрадовался Алексей.

Но вместо денщика вошел стройный моложавый генерал-майор с Владимиром на шее. Увидев незнакомца, он извинился и хотел тут же выйти, но Таубе остановил его:

– Знакомьтесь: это Владимир Дмитриевич Суровцев. А это Алексей Николаевич Лыков.

Сыщик пожал руку лифляндскому губернатору. Действительно, одного с ним возраста! А уже штаны с лампасом.

Суровцев заговорил о завтрашнем дне. Губернатор собирался ехать в Усть-Двинск поездом. В одном вагоне с ним были приготовлены места Таубе, Лыкову и его начальнику Зволянскому. Сергей Эрастович ожидался на вокзале через три часа. Алексей должен был встретить его и отвезти в свою гостиницу. Но Суровцев решил иначе: директору Департамента полиции тоже отвели комнаты в свитских помещениях. Это снимало с сыщика лишние хлопоты и делало приезжего гостем начальника губернии. Зволянский имел слабость к жестам такого рода, наверняка ему понравится переночевать в Замке. Ну и Алексею легче...

Затем военные заговорили о важных вопросах. Оба окончили Николаевскую академию Генерального штаба. Все ее выпускники сведущи в вопросах разведки, их учат этому специально. Лыков знал, что его друг занимается реформой секретных служб. Как сыщик готовил создание всероссийского сыска, так Таубе думал над учреждением военной контрразведки. Ее до сих пор не было в империи, а необходимость уже давно назрела. Защитой страны от шпионажа занимался ОКЖ при содействии Департамента полиции. И там и там смотрели на эту задачу как на второстепенную. Политический сыск отнимал все силы и средства. На местах специалистов по контршпионажу вообще не было. Между тем война не за горами.

Генерал, полковник и надворный советник проговорили долго. Алексей объяснил начальнику губернии ситуацию с убийством старшего Титуса. Гибель его как-то связана с открытой резидентурой. Рассказывать об этом сыскной полиции нельзя, а рижане отказываются помогать приезжему найти злодеев. Как бы заставить их сотрудничать?

Суровцев вызвал к телефону Войтова и приказал ему немедленно явиться вместе с Кнаутом. Те прибыли и увидели Лыкова распивающим чай в компании с губернатором. Владимир Дмитриевич был краток:

– До моего сведения дошло, что вы и ваши подчиненные отказываете надворному советнику Лыкову в поиске убийц брата его управляющего – Титуса Язепа Францева. Так?

Полицейские молча ждали продолжения. Удивительно, но они не испугались такого начала.

– Почему не помогаете?

Кнаут смело взял слово:

– Господин Лыков прислан сюда для постановки дела об атлетической подготовке городских. Здесь мы, конечно, окажем ему полное содействие.

Но поиск убийц местного мошенника... Он никак не относится до его командировки. Мы ведем это дело в числе прочих. Пока убийцы не разысканы. Лыков только мешает нам, лезет куда не следует. Вот снова спугнул бандитов Московского форштадта. Теперь вам нажаловался. Непорядочно! Он полицейский, я полицейский... Я знаю Ригу, а он нет. И почему надворный советник решил, что сделает мое дело лучше меня?

– Что скажет полицмейстер? – спросил губернатор.

– Присоединяюсь к словам пристава. У рижской полиции и без того дел хватает. Сыскному отделению скоро исполнится двадцать пять лет! Одно из старейших в империи. Учить нас не следует, сами с усами...

Лыков не удержался и сказал:

– Предлагаю пари. Если я найду убийцу без помощи этих двух профессионалов, они свои усы сбривают. Приказом по полиции. А то «сами с усами». Пусть ходят бритые.

Рижане переглянулись, и Кнаут ответил:

– Согласен! А если господин приезжий специалист сядет в лужу, что тогда?

Однако губернатор прекратил этот бессмысленный разговор:

– Никакого пари я не потерплю, оно вредит делу. А дело у вас всех одно: правопорядок. Приказываю держать надворного советника Лыкова в курсе дознания. Передать ему все сведения, которыми располагаете. Ясно?

– Слушаемся, – ответили рижане.

– Свободны!

Как только дверь за ними закрылась, Алексей проворчал:

– Попробовали бы так ответить подчиненные губернатору Нижнего Новгорода или Воронежа...

– Тут не Воронеж, – оборвал его Суровцев. – Они не понимают, почему должны помогать вам. А сказать правду нельзя, выдадим секретную операцию. Вот и выходит то, что выходит. По закону, содействовать в частном дознании полиции запрещено. И Войтов с Кнаутом правы, что спорят со мной.

– Ладно, – вздохнул сыщик. – От такой беседы, вы уж меня простите, Владимир Дмитриевич, пользы не будет никакой. Тот же саботаж и останется.

Генерал лишь молча развел руками.

– Я сам найду негодяев. Точнее, мы с Яковом Францевичем. И утрем нос вашим здешним путилиным. Ишь, с усами они... Но держать пари против вас я, конечно, не помышляю. Просто беру на себя обязательство

при свидетеле. Виктор, напомни мне потом мои слова!

Но пора было ехать на вокзал. На правом берегу их два: Двинский и Туккумский. Директор Департамента полиции прибывал на первый. Лыков при трех извозчиках (один для багажа) встречал начальство. Чтобы не привлекать лишнего внимания, он решил не пользоваться полицейской книжкой. Купил перронный билет и ждал в буфете первого класса.

Зволянский приехал с женой и детьми. Алексей хорошо знал всех, потому как был вхож в дом Сергея Эрастовича. Ежегодно три недели в мае-июне семья директора отдыхала на рижском взморье. На этот раз они выбрали Больдераа. Переночуют в Риге и завтра с Туккумского вокзала отбудут к побережью.

Как и ожидал Алексей, его начальник был рад поместиться в Замке. Губернатор устроил в честь гостя ужин в своих апартаментах, простой, но вкусный. Зволянский умял три дюжины копченых стрemiжек^[48] и осоловел. Говорить на темы завтрашнего совещания он уже не мог и был отослан спать...

Глава 6. Прибивка знамени и другие развлечения

Утром обычным поездом все отправились к морю. Дети верещали, военные глазели в окно, полицейские тихо обсуждали план дознания. До Больдераа всего семнадцать верст, приехали быстро. Там Зволянские отправились заселяться. В помощь им губернатор выделил своего чиновника особых поручений. Главная задача его была – доставить потом директора в крепость на секретное совещание. Остальные переехали по мосту через Аа Курляндскую и оказались на месте.

Еще пять лет назад Усть-Двинск назывался Дюнамюнде. Старинная крепость повидала многое и многих – от Стефана Батория до Иоанна Шестого Антоновича, сидевшего здесь в заключении со своими родителями. Сейчас в укреплении помещался отдельный батальон с крепостной артиллерией.

Лыков, как человек штатский, сразу пошел в станционный буфет. Тот располагался прямо под стенами крепости. Раньше рavelины цитадели вторгались в море. Но за сотни лет наносы двух рек, омывающих ее, притащили много песка, и теперь укрепление отделяло от воды уже больше версты. На этом пространстве, как на плацу, и выстроился гарнизон. Из окон буфета сыщик наблюдал за торжеством.

Сначала на пароходе «Верный» таможенного ведомства приплыл преосвященный Агафангел, епископ Рижский и Митавский. Затем с вокзала подъехали жандармский полковник Прозоровский и генералы рижского гарнизона. А вскоре появился второй пароход, «Самсон». С него в сопровождении свиты сошел генерал-адъютант, генерал от инфантерии Троцкий. Началась длинная процедура освящения знамени, пожалованного Усть-Двинскому крепостному батальону Высочайшей грамотой. Стучали молотком, пели молитвы, отдавали рапорты. Лыков пил сальватор^[49] и заедал его миногами. Прибыл Зволянский и присоединился к истреблению пива. А знамя все освящали.

Через два часа владыка сел на свой пароход и отбыл. А в кабинете коменданта крепости состоялось долгожданное совещание.

Вел встречу Таубе. Алексей с любопытством наблюдал, как командующий войсками Виленского округа подбежал к барону, обнял его и пророкотал:

– Витя! Ты уже полковник!

– Здравствуйте, Виталий Николаевич. Все равно мне вас не догнать!

Участники секретного совещания сразу разделились на две партии. Зволянский, Лыков и Прозоровский сели по одну сторону стола. По другую расположились многочисленные военные. Помимо Троцкого и Таубе, там присутствовали безымянные адъютанты и два важных щекастых туза. Один оказался начальник 3-го армейского корпуса генерал-лейтенант Дмитровский, а второй – начальник 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Черемисинов. Они-то здесь зачем, недоумевал сыщик. «Дюну» ловить? Так для этого генералы не нужны... Но в Военном министерстве, видать, свои порядки, приходилось терпеть.

Особняком сел Суровцев. Он ни по какой линии не подчинялся Троцкому. Тот был не только командующим округом, но и Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором. Рига в его ответственность не входила. Но храбрый вояка был популярен в армии. Семнадцать лет он прослужил в Туркестане и шесть на Кавказе, маршировал не по паркету, а в поле, под вражеской шрапнелью. И начальник Лифляндской губернии, хоть и служил в МВД, ощущал себя человеком одной с Троцким корпорации.

Лицо командующего при виде полицейских сразу приобрело неприятное высокомерное выражение. Лыков видел такое уже не раз, и всегда это его бесило. Военные в империи относятся к правоохранителям с презрением. Почему – загадка. Лишь бывшие офицеры в рядах полицейского ведомства вызывают у строевиков некоторую симпатию. И то возникают вопросы: а почему человек ушел из полка? Не было ли какой истории? Вообще же, служба в полиции считается у военных позорной: там только взятки умеют брать.

Лыков приготовился к резкому разговору, но вмешался Таубе.

– Ваше высокопревосходительство, – сказал он громко. – Разрешите представить. Начальник Лифляндского ГЖУ полковник Прозоровский. Директор Департамента полиции действительный статский советник Зволянский. Кстати, кавалер Знака отличия Военного ордена за кампанию в Турецкой Болгарии. А второй штатский – надворный советник Лыков, чиновник особых поручений вышеуказанного департамента. Кавалер такого же Знака за службу в Кобулетском отряде.

Генерал от инфантерии одобрительно кашлянул, потер свой белый крест и пошел жать полицейским руки.

– Вот славно! – сказал он. – С такими и дело иметь одно удовольствие.

И тут же обратился к Лыкову:

– Вы при Оклобжио служили?
– Да, ваше высокопревосходительство.
– Что ж вы так! Называйте меня Виталий Николаевич. Георгиевский кавалер мне как брат... Это и до вас относится, господин Зволянский.

На жандарма генерал даже не взглянул.

Обстановка в комнате сразу наладилась. Барон поддержал ее, расписав заслуги сыщика Лыкова в деле обнаружения шпионской сети. Троцкий заявил:

– Нам бы его в военную службу. Виктор Рейнгольдович, ты когда нам контрразведку наладишь?

– Пришел новый министр, я уже имел с ним предварительный разговор.

– И что?

Таубе вздохнул:

– Денег нету в казне...

– Старая песня! – стукнул кулаком по столу командующий. – Их никогда не было и никогда не будет. А у немцев карман рвется!

Когда все вернулись на места, барон зачитал приказ военного министра. Куропаткин создал временную комиссию по контршпионажу в городе Риге, совместно с министром внутренних дел. Состав комиссии: Таубе и подполковник Баранов от военных, полковник Прозоровский и Лыков от МВД.

Тут же Виктор представил всем Баранова. Молодой и «отчетливый», как говорят юнкера, он служил в штабе 3-го корпуса офицером для особых поручений. Аксельбант Генерального штаба украшал мундир подполковника.

Собственно, на этом все и закончилось. Обсуждать было нечего. Комендант крепости позвал командующего со свитой откусать чем бог послал. А шесть человек – члены комиссии и Зволянский с Суровцевым – поехали обратно в Ригу.

Алексей был недоволен. Ему казалось, что напрасно потрачен целый день. Церемониалы с генеральским присутствием – зачем они? Но барон думал иначе.

– Так у нас полагается, – сказал он. – И это правильно. Командующий войсками округа – величина, ведь у него в прямом подчинении военная сила. И пусть он знает, что в округе есть шпионы. Кстати, вы заметили, что за нами следили с самого Туккумского вокзала?

Все, кроме Лыкова, опешили.

– Я видел двоих, – продолжил Виктор. – А ты, Алексей Николаевич?

– Тоже. Один в канотье, второй с тросточкой из камыша, чуть прихрамывает.

– Но кто они? – растерянно спросил жандарм. – Мы теперь и не узнаем...

– Узнаем, – успокоил его Таубе. – За ними следит, в свою очередь, мой человек. Отставной унтер-офицер Арзамасцев. Вечером он мне доложит, а я сообщу результаты его наблюдений вам. Часов в десять где вы будете?

– У меня служебная квартира в здании управления. Алексей Николаевич знает, где это.

– Пусть Кривцов тоже не уходит, – попросил полковника Лыков. И пояснил товарищу: – Это адъютант ГЖУ. Толковый!

Остаток пути сыщик проговорил с Барановым. Тот оказался умным спокойным человеком, хорошо знающим Ригу. Единственное, что смущало Петра Михайловича, это отсутствие опыта в контршпионаже. Но Таубе его успокоил. Такого опыта, сказал он, нет во всей империи, и равняться не на кого. Будете учиться на собственных ошибках.

Еще Алексей спросил у подполковника, не родственник ли он бывшему нижегородскому губернатору генерал-лейтенанту Баранову. Того недавно назначили сенатором, сняв с губернии. Хорошо зная генерала, сыщик не сомневался, что тот закиснет без настоящей службы... Петр Михайлович ответил, что они однофамильцы. Мало ли на Руси Барановых?

Таубе успел рассказать и о Троицком. Он туркестанец, а сейчас это билет наверх. Новый военный министр сам служил в Полуденном краю и потащит своих. Виталий Николаевич получил Георгия третьей степени за штурм Андижана. Очень любит рассказывать об этом. Начинает всегда одной и той же фразой: «Это было так рано, что черти, как говорится, еще не начали биться на кулачки...». При этом грамотный военный, был помощником Драгомирова, а ужиться с сумасбродным гением нелегко.

На вокзале компания разделилась. Лыков и Зволянский отправились в Замок за несессером Сергея Эрастовича. Остальные разъехались по своим делам.

Поезд Зволянского отправлялся с Двинского вокзала в полночь. Два полицейских чиновника не спеша поужинали. Алексей повел начальника на Бастионный бульвар, где в доме номер два располагались знаменитые винные и устричные комнаты Отто Шварца. Директор опять наелся до отвала. Посадив его в вагон, сыщик вернулся в Замок к барону Таубе. Там его уже ждали. Вместе с полковником бодрствовал и губернатор.

– Долго гуляешь, Леша, – упрекнул друга Виктор.
– Не мог же я не проводить Зволянского. Прямо с вокзала – к тебе.
– Ладно. Платон Ануфриевич выследил филеров. Они вели меня до самой квартиры, вдвоем. Значит, объектом их интереса был именно я.
– Куда филеры пошли для доклада?
– В посредническую контору «Кайзергоф» на бульваре Наследника.
– Ага! Там их начальство. Что сказали жандармы?
– Они хорошо знают эту лавочку. Контора лишь прикрытие. Директор – некий барон Экеспарре. Настоящая его должность – помощник германского резидента в Риге.
– Немцы! – оживился Лыков. – Все-таки немцы.
– Почему все-таки? – не согласился Таубе. – Да, следили за мной они. Вполне объяснимо, между прочим. Приехал человек, который у русских занимается разведкой, вот его и пасли. А кто заседает в «Дюне», это совсем другой вопрос. Я вот по сию пору думаю на англичан. Но Владимир Дмитриевич со мной спорит.

Они порассуждали об этом немного, и Лыков ушел в гостиницу. Было темно. Небо затянули облака, а фонари городская дума уже отключила до июля. У здания старой гауптвахты за сыщиком кто-то увязался. Он нащупал в кармане бронзовый кастет, подарок Благово. Но «хвост» держал дистанцию. Интересно, чей это человек, подумал сыщик. Немцев? Выслеживают Таубе и заодно его спутников? Полдня приятели пробыли вдвоем. После этого Алексея взяли в разработку? Неприятно, ежели так. А может, это из-за Зволянского? Директор Департамента полиции, прибыл в Ригу вроде бы с понятной целью: отвез семью на море. Его подчиненный по роду службы сопровождал его целый день, угощал устрицами. На всякий случай Зволянского отследили, тоже усадили в поезд. Тогда завтра «хвоста» за Лыковым быть не должно: его действия объяснимы.

Сыщик благополучно добрался до Александровской, 25. Спать он лег с больной головой. Ох уж эти погребки... Накормил шефа и сам переел. И перепил. Нужно завтра устроить атлетическую разминку в усиленном режиме.

Утром Лыкову пришлось сначала явиться в Христорождественский собор. Он совсем забыл за хлопотами, что 14 мая – высокаторжественный день. А именно день священного коронования Их Императорских Величеств. Три года назад Алексей присутствовал на коронации в качестве охранника и получил медаль... В соборе прошла божественная литургия, а по окончании ее – благодарственный молебен. Отстояв свое, сыщик вернулся в гостиницу снять награды. По дороге тщательно проверялся,

но «хвоста» за собой не обнаружил. Он ввалился в Полицейские казармы пораньше и стал тягать железо. Ну-ка, миноги с устрицами, вон из организма! К приходу первой смены городских сыщик уже разогрелся. Мышцы приятно гудели. Навесив на гриф дополнительные мешки с дробью, питерец осторожно попробовал поднять двадцать пудов. Получилось. Раньше он жал и двадцать пять, и двадцать семь, но после сорока лет начал уменьшать веса. Гляди-ка ты, не совсем еще старичок...

В хорошем расположении духа надворный советник предстал перед городовыми. Андрея Иванова он увидел сразу. Немудрено: тот был на голову выше остальных. Шея как у быка, огромная грудная клетка. Плечи неправдоподобно широкие, руки красные, волосатые. От одного вида кулаков оторопь возьмет обычного человека. Ай да парень... Лыков встречал немало гигантов, этот был далеко не первый. Но впечатление он производил серьезное. Если состязаться с ним на силу, придется нелегко.

Три десятка молодцов стояли во фрунт и пялились на начальство. Алексей был в борцовском трико, шары бицепсов переливались, как ртуть.

– Ребята, я надворный советник Лыков, – сказал он. – Приехал из Петербурга, из Департамента полиции. Буду учить вас атлетическим приемам самозащиты. Все понимают, что это такое?

– Ну, как надо драться... – проговорил белобрысый русак с простоватым лицом.

– Правильно, – одобрил сыщик. – Вы люди опытные, в армии служили, жуликов ловили. Иной думает, что все превзошел, так его и научить уже нечему. А? Кто из вас такого мнения?

Служивые молчали, переминаясь с ноги на ногу.

– Ваше высокоблагородие, я так думаю! – смело выкрикнул плечистый парень на три вершка выше Лыкова.

– Кто?

– Городовой Корчагин.

– А как зовут?

– Мироном.

– Мирон, а по отчеству?

– Мирон Семенович.

– Выходи сюда.

Парень встал напротив чиновника, подобрался.

– Значит, Мирон Семеныч, ты и без меня все умеешь? И нож отбить, и с ног повалить?

– Справлялся до сих пор, ваше высокоблагородие.

– Ну покажи. Вот, к примеру, я на тебя нападаю. Тебе надо арестовать

меня.

– Боюсь, помну! – хмыкнул Корчагин. С юмором человек...

– Не бойся. Я же сам напросился. Представь, что перед тобой мазурик.

– Ну ежели мазурик, тогда я вот так...

Городовой шагнул вперед и попытался схватить Лыкова за ворот. Тот легко отстранился и оттолкнул нападавшего. Вроде бы несильно, но Корчагин пролетел несколько шагов и едва не упал.

Городовые загоготали.

– Еще раз, – скомандовал сыщик. – Резче, быстрее!

Корчагин прыгнул на него и, обняв за пояс, подставил подножку. Но сыщик не упал. Он оторвал парня от пола и перекинул через голову на мат. Аккуратно, чтобы не зашибся.

Городовой вскочил, красный от досады. Его товарищи уже не смеялись, наблюдали во все глаза.

Корчагин снова пошел в атаку. Несколько рывков, обманных движений. Вот он взял надворного советника в обхват и пробовал повалить. Тот стоял как вкопанный.

– Теперь смотрите. Я могу ударить его слева в печень, вот так.

Лыков показал. Городовой стоял, пускал пузыри, но вырваться у него не получалось.

– Или снизу в подбородок – в боксе это называется уперкот. Или подножка, передняя, задняя, без разницы. А можно просто бросить через плечо. Пока очухается, вы его уже свяжете.

Мелькнули в воздухе ноги, и Корчагин оказался на полу. Пристыженный, он поднялся и замер по стойке смирно.

– Ну, Мирон Семенович, понял теперь, что тебе есть чему учиться?

– Так точно, ваше высокоблагородие...

– А представь, что подойдут к тебе двое или трое. И тут есть артикулы, как им противостоять. Тоже покажу. Главное, смотрите в оба, запоминайте. Пригодится!

Вперед выступил бойкий русак:

– Ваше высокоблагородие, это все артикулы, приемы сиречь. А ежели против силы большой, а? Там артикулы не помогут, против силы-то.

– Почему не помогут? – удивился сыщик.

– Да вот сомнения берут. Не меня одного, нас всех. К примеру, как с Андрюхой Ивановым управиться? Медведь же, не человек! Какой против него может быть артикул?

– А если я его сперва приемом поборю, а потом и на силу одолею?

Городовые засмеялись, и громче всех сам Иванов.

– Зря гогочете, сначала посмотрите.

Ребята залились уже истеричным смехом.

Сыщик подошел к гиганту, глянул на него снизу вверх. Ой-ё-ёй... Лишь раз в жизни Алексею встретился человек сильнее его, грузчик-татарин из Нижнего Новгорода. Еще попался равный по силе, которого удалось одолеть в драке – это случилось в Туркестане. Да однажды на Сахалине отыскался богатырь, который поборол медведя. На глазах у каторги! Возможно, по физической силе он и превосходил Лыкова, но тот не успел это выяснить. Просто забил до смерти за убийство друга. И вот теперь городской Иванов. Вряд ли он крепче тех, предыдущих, побитых силачей. Но вдруг? Начнешь с ним состязаться и опозоришься. Зато, если одолеешь, можно спросить насчет Язепы Титуса. Пристав Вильбоа утверждал, что парень – самый сведущий человек в тайнах Московского форштадта.

– Ну что, детинушка, колокольни деверь! Как будем силой меряться?

– Как угодно вашему высокоблагородию, – ответил соперник. – Мне все едино, один черт победу.

– Назовись.

– Андрей Иванов.

– А по отчеству?

– Андрей Андреич.

– Давай только прежде уговоримся, Андрей Андреич. Ежели одолеешь меня, я буду перед всеми петухом петить. Согласны, ребята?

– А то! – закричали городовые. – Охота же посмотреть, как ихнее высокоблагородие птичьим голосом владеет!

– Ну а ежели я тебя одолею, ты мне честно ответишь на один вопрос. Договорились?

– Какой вопрос? – насторожился гигант.

– До службы относится. Надо мне кое-что выяснить насчет того, что в действительности происходит в твоём форштадте.

Иванов задумался. Видно было, что он опасается вопросов от начальства. Понятно: мало ли что знает человек? Не все из этого следует докладывать по команде.

– Ну? Чем ты рискуешь?

– А! – тряхнул головой парень. – Согласный.

– Только ответ должен быть честным. Дай в том при всех обещание.

Стоявшие рядом люди не поняли, о чем речь, и начали друг друга переспрашивать. Иванов сказал, перекрывая их голоса:

– Обещаю, что отвечу честно. Что бы вы ни спросили.

– По рукам! Начнем, что ли.

Однажды в ранней молодости Лыков победил уголовного по кличке Тунгус, придавив его за шею. Вот способ показать силу...

Соперники встали друг напротив друга, присмотрелись. Через секунду сыщик напал. Он положил руки на затылок городовому и сцепил пальцы в замок. Тот понял его маневр и сделал то же самое. Для этого ему пришлось пригнуться. Борцы потоптались немного, приладились и налегли.

Шея у Лыкова сразу затрещала. Он зашатался, но уперся правильно и не упал, удержался. Обычно у силачей из народа слабые ноги, они хуже развиты, чем плечевой пояс. На это и сделал расчет сыщик. Почувствовав, что стоит прочно, он перестал сдерживать себя и вложил в жим всю мощь, на которую был способен.

Это длилось тридцать секунд, может быть, чуть дольше. У Алексея перед глазами пошли красные круги, шея готова была оторваться вместе с головой... Потом во рту появился соленый привкус крови. Потом зазвенело в ушах. Противник все стоял, сыщик все давил. Наконец городской вскрикнул и всей тушей рухнул на пол. В зале повисла необычайная тишина. Публика оторопела, не веря своим глазам.

Кое-как придя в себя, Алексей испугался за соперника. Он нагнулся над ним и перевернул вверх лицом.

– Андрей Андреич, ты как? Все в порядке?

Тот захлебывался кровью, что хлестала у него из носа.

– Быстро в умывальню!

Другие городовые подхватили товарища с пола и потащили к раковине. Лыков шел следом на ватных ногах, его мотало, как пьяного. Из носа надворного советника тоже капало. Ай да Иванов! Дал начальству скипидару.

– Ребята, десять минут перекур, – объявил он. – Нам с Андрей Андреичем передохнуть надо...

Когда Иванов умылся и отдышался, то подошел к сыщику. Видно было, что он спёк рака^[50].

– Ай да ваше высокоблагородие. Наказали дурака за бахвальство. Никогда прежде такого не было, вот я и того, зазнался, стало быть. Спасибо за науку.

– Ладно, не переживай. Помнишь наш уговор?

Гигант потер шею, поморщился и ответил:

– Так точно. Спрашивайте.

– Я дознаю убийство одного человека. С ведома господина рижского

полицмейстера. Зовут Язеп Титус. Знал ты его?

– Знал.

– Что о нем скажешь?

– Мазурик, каких мало. Мать-отца объегорит за-ради денег, вот что это был за человек.

– Тем не менее я хочу знать, кто его зарезал. Ты слышал, кстати, что с ним случилось?

– Говорили, в Задвинье его нашли.

– Да. Но до того он часто бывал в твоём околотке и вообще в Московском форштадте. Так ведь?

– Бывал, – кивнул городской и охнул: – Ой! Льду бы надо приложить... После вашего захвату...

– Чем он занимался?

– Наводчик он был, ваше высокоблагородие. И ещё барыжничал. Кто что сопрет, сразу к нему шел. Язеп ловкий был, надо признать. Вещь сразу в Митаву сплавлял или даже в Варшаву. Там ее другие барыги продадут, выгоду разделят. Воры потому очень в Титусе нуждались.

– С кем он был связан?

– Да со всеми крупными. Мелочь не признавал, важничал.

– Понятно. Теперь сам вопрос: кто его убил?

Гигант пожал плечами:

– Не могу знать. Не в моем околотке случилось.

– Но разговоры-то ходят, кто-то что-то мог сказать...

Иванов молчал, глядел в сторону.

– Андрей Андреич, ты же обещание давал!

– Ну был один разговор. Передали мне третьего дня.

– Не тяни кота за хвост, рассказывай.

– В пивной Лямиса на Столбовой улице случилось. Зашел парень. Да не парень даже, а малец, лет семнадцати всего. В шинельке был железнодорожной.

Лыков насторожился. У Язепа в кулаке нашли пуговицу от такой шинели!

– Заказал он пива и подсел к тамошним мужикам, – продолжил служивый.

– Не бывал он там прежде? – уточнил сыщик.

– Никогда. Ну, подсел. Слово за слово, и вдруг сказал тот малец, что Язепа Титуса зарезал Вовка Рейтар! Вот так и объявил, ни с того ни с сего. Будто кто его за язык тянул.

– Странно. В пивной незнакомым людям такие вещи рассказывать.

Зачем?

– Вот и я не пойму зачем, – насупился Иванов. – Люди у нас сами знаете какие. В чужие дела нос не суй! Вот такие люди. А этот...

– Дальше что было?

– А дальше он ушел.

– Так. Но за что Рейтар казнил Язепа, мальчишка пояснил?

– Да. Будто бы барыга взял у маза вещицы две-три, но хорошие. И обещал, стало быть, в деньги обернуть. А потом пропал. Убег с ними в Задвинье. Ну, Вовка подождал-подождал, да и кончилось у него терпение. Наказал вора.

– Сам ты что об этом думаешь?

– Да некогда мне о всякой ерунде думать. Меня это не касается, и чего башку ломать?

– А все-таки. Похоже это на Титуса и на Рейтарова?

– Ну, похоже.

– Стало быть, так могло случиться?

– Могло.

Сыщик задумался. Потом спросил:

– Скажи еще, как парнишка выглядел?

– А я знаю? Меня там не было.

– Ты же спрашивал у тех, кто был.

– Спросил, конечно. Ничего приметного. Росту среднего, чернявый, одет бедно. Шинелька вот железнодорожная и фуражка. Молоденький уж больно. Только это и бросилось в глаза, что молокосос, а такие вещи говорит.

Сыщик и городской помолчали. Вдруг Иванов оживился:

– Да, вот еще что, ваше высокоблагородие. Тот, кто мне рассказывал, отметил. Парень-то сказал: Язеп сбежал от Вовки Рейтара в Пардаугаву. О как!

Лыков недоуменно спросил:

– И что? Пардаугава где находится?

– Так латыши называют Задвинье.

– А почему ты это выделяешь? Поясни, я же не местный.

– Мало кто в Риге так скажет. Даже сами латыши скорее назовут или Митавским форштадтом, или Митавской частью. Немцы скажут Митав тейле, русские – Задвинье. А так, чтоб Пардаугава... Только тот латыш, который это... ну, думает, что их нация принижена.

– То есть?

– Ну, знаете, есть такие. Нарочно на своем языке говорят, газеты

только латышские читают, всех прочих называют завоевателями.

– А! Националисты?

– Так точно. Даугава – это по-ихнему Двина. А Пардаугава – то, что за речкой. И парень тот нарочно сказал на своей тарабарщине, чтобы нас, русских, уколоть.

– Понял. Молодец, Андрей Андреевич! Соображает твоя голова. Спасибо, это может быть важно.

– Рад стараться.

– Чем все кончилось? Спор возник или начали его о деталях расспрашивать?

– Нет, ничего такого. Выпил пива да пошел.

– И все?

– И все. Больше не имею ничего добавить. Не в моем околотке было, а то бы конечно...

– Скажи, Андрей, а кто сыщика Говорухина зарезал? – неожиданно для самого себя спросил Лыков.

Лицо городского сразу окаменело.

– Это, ваше высокоблагородие, уже другой вопрос. А мы только на один боролись.

Надворный советник уходил с занятия задумчивый. Мальчишка в железнодорожной шинели. Националист. Ни с того ни с сего в пивной начал с незнакомыми людьми рискованный разговор. Так не бывает. Что-то тут есть подозрительное, даже неправдоподобное. Но подсказку надо проверить.

Вот только как это сделать? Дать задание Растегаеву с Никифоровым? Долгий путь. Быстрее будет самому.

Лыков поймал извозчика и приказал ему:

– На Тургеневскую, в пивную Мунге.

Возница посмотрел на седока с недоумением. Чисто одетый господин, замашки барские. Что ему нужно в такой дыре? Но спорить не стал и хлестнул лошаадь.

Тургеневская улица находится между Амбарной и Смоленской, близко от Гостиного двора. Нужная Лыкову пивная располагалась на берегу Двины. Он велел ваньке обождать и смело вошел в заведение.

Дорогу ему преградил рослый детина в армяке.

– Это кто еще? Мы фараонов не пускаем.

– К Вовке Рейтару.

– Не знаю такого.

Сыщик взял парня за ворот, пригнул к земле и повел за собой.

Как собаку на коротком поводке. Тот пыхтел и безуспешно вырывался.

Внутри пивная оказалась обычным заведением такого рода. Их тысячи в России, грязных, неуютных. В центре зала за большим столом восседал мужчина лет тридцати пяти, одетый чище других. Лицо властное, взгляд совсем даже неглупый. Вокруг расположились четверо подручных. Все пили водку и закусывали, разговаривая вполголоса.

Появление незнакомца с охранником «на привязи» заставило их замолчать. Несколько человек вскочили, кто-то полез в карман с недобрый видом. Но главарь и бровью не шевельнул. Он ковырялся в еде и косился на Лыкова со спокойным любопытством.

Сыщик отпустил пленного и сел напротив маза. Они встретились взглядами. Рейтар спросил:

– Ну и кто ты такой?

Алексей вынул билет и протянул мазу. Тот почитал, посерьезнел.

– Чиновник особых поручений Департамента полиции? А здесь-то вы для какой надобности? Петербург далеко. С каких пор наши мелкие грешки интересуют столицу?

Бандит говорил правильно, держался спокойно. Наверняка он удивлен и взволнован, но виду не подает. Сильный характер. Такой выйдет в «иваны»...

– Я дознаю одно преступление. Убийство.

– Кого сложили?^[51]

– Язепа Титуса.

– Эвона! – воскликнул маз. – Такая дрянь и вдруг. Что Питеру за интерес до этой сволочи? Зарезали и правильно сделали.

– Говорят, это ты его казнил.

Рейтер сразу насупился:

– Кто говорит?

– Парнишка один рассказывал, в пивной Лямиса.

– Это на Столбовой которая?

– Она самая. Зашел пивка пропустить, да и завел речь с другими. Мол, так и так, Язепа кончили по приказу Вовки Рейтара. За то, что барыга взял товар на реализацию да и сбежал с ним.

– Ну?

– Что ну?

Главарь раздраженно спросил:

– Так и было? Взаправду?

– Люди говорят.

– А что за парнишка?

– Неизвестный, – ответил сыщик. – Никогда его прежде там не видели.
– И он вот так вот пришел и начал свою басню излагать? Первым попавшимся людям?

– И я удивился. Дай, думаю, сам у Вовки спрошу, прежде чем его к ногтю взять.

При этих словах люди Рейтара начали заходить Лыкову за спину. Он не обратил на них ни малейшего внимания. Наоборот, сыщик пристально вглядывался в главаря. Реакция последнего была вполне естественной. Кажется, он не играл, а действительно был растерян.

– Что за черт? Еще мне чужих хомутов на шею не хватало...

– Скажи, что у вас с Титусом было на самом деле?

– Что и у всех мазов. Полезный человек был, оборотистый. Связи у него чуть не со всем миром. Вот только брал, сволочь, дорого.

– Имел ты к нему счеты? Обман, о котором парень говорил, – правда?

– Да там товару на двести рублей! – повысил голос бандит. – За такое не убивают.

– То есть Титус тебя все же обвешал?

– Он всех норовил надуть, такой был человек. Разок я ему за это морду начистил. Но чтобы сложить, тут уже перебор.

Лыков и Рейтар помолчали, каждый обдумывал то, что услышал.

– Ваше высокоблагородие, дозволейте спросить.

– Спрашивай.

– А почему вы из Петербурга за этим делом приехали? Титус – мелкий же человек.

– Секрет.

– А-а... Но ведь не я, не я его казнил! Зачем мне его смерть?

– Вот я и пытаюсь узнать.

– Вы меня сейчас арестуете?

– Улик пока нет, – вздохнул сыщик. – А слова, сказанные в пивной неизвестно кем, к делу не пришьешь.

– Я и говорю: что-то здесь не то. Темная сказка. Видать, кому-то меня оговорить понадобилось. И понятно, кому.

– Ну-ка, скажи.

– Ярышкину, черту дремучему, кому же еще. Видит, я его обхожу на вороных, решил руками полиции избавиться. Анчибал! Налью я ему сала за шкуру!

– Ты вот что, Рейтар. Открой-ка свое дознание. Я ведь просто так из Риги не уеду. Кого-нибудь должен в каторгу услатить, и ты один из подозреваемых. Не хочешь на Сахалин прокатиться?

– Не хочу, тем более за чужую похмель.

– Вот и подсуетись. Разошли людей по форштадту. Пусть того разговорчивого сыщут. Он одет в железнодорожную шинель. Лет семнадцать, не больше. Волосы черные.

– Вот как на духу, ваше высокоблагородие, – маз вскочил и чуть не порвал на груди рубаху. – Для чего мне с Департаментом полиции связываться? Нам своих фараонов некуда девать. Не я это, не я, честное слово, не я!

– Ищи, кто.

– Весь форштадт переверну, а эту гадюку найду. И спрошу, кто подучил такую ложь разводить. В железнодорожной шинели? Семнадцать годов?

– Да. Ты сходи на Столбовую, очевидцы там сидят. И учти, они уже повсюду рассказывают, что это ты Титуса приговорил. Как узнаешь интересное, сообщи мне. Я остановился во «Франкфурте-на-Майне».

Лыков кивнул бандиту и ушел. Скомандовал извозчику отвезти его в гостиницу. Сидя в пролетке, он думал: соврал Вовка или нет? Никто из убийц не признается, всякий свалит на другого. Но тут похоже на правду. Молодой парнишка – откуда у него доступ к таким сведениям? Все в недоумении, а он один знает. А главное, железнодорожник. Не с его ли шинели Язеп оторвал пуговицу? Эх, Титус... Всю жизнь людей обманывал. А сейчас черт разберет, кто из них тебя убил. В пору недругам в очередь становиться. Дал Бог Яше такого брата...

Вспомнив о товарище, сыщик улыбнулся. Как он там? Должен уже приехать.

Глава 7. «Дюна»

В Риге появился новый человек. Сошел он с псковского поезда и поселился в номерах Мишке на Антонинской улице. Так себе номера, ни плохие, ни хорошие. Но по-немецки чистые и с буфетом.

Мужчине на вид было сорок с небольшим. Рыжеватые волосы с залысиной, косые бачки, взгляд неприятный, бегающий. Эдакая смесь угодливости с нахальством, как бывает у нечистоплотных людей. В паспорте, который постоялец сдал на прописку, значилось: Юрис Гулбис. Лютеранского вероисповедания, мещанин города Санкт-Петербурга.

Первые несколько дней гость гулял по улицам, словно присматривался. Ригу он, видимо, знал хорошо и обходился без провожатых. В средствах господин Гулбис был стеснен и питался в основном в ресторане номер десять купца Краузе, что на Известковой улице. Рестораном заведение было лишь по названию, а больше походило на столовую с дежурными блюдами. И там не требовалось оставлять на чай, что привлекало людей со скромным достатком.

Однажды Гулбис зашел в магазин табачной фабрики Саатчи и Мангуби близ Дома Шварцгауптеров^[52]. И предложил распорядителю купить у него задешево немецких папирос. Хорошие папиросы, только не франкированы...^[53] Распорядитель указал гостю на дверь. Тот вышел задумчивый, долго пересчитывал в бумажнике купюры и совсем расстроился.

На третий день петербургский мещанин отправился на Большую Соборную. Отыскал неброскую вывеску посреднической конторы «Дюна» для лиц, ищущих занятий. И с нахальным видом зашел туда.

Его встретил молодой человек с идеальным пробором, вежливый и внимательный.

- По какой причине изволили пожаловать? – спросил он по-русски.
- Да вот, ищу места.
- Вы рижанин?
- Бывший. Последние двадцать лет жил в Петербурге. А теперь заскучал по родным местам и решил вернуться.

Конторщик перешел на немецкий:

- А каким ремеслом владеете? Есть ли дипломы, патенты или иные документы, подтверждающие вашу профессиональную принадлежность?

Посетитель ответил на том же языке без малейшего акцента:

– Вообще-то я химик, но недоучившийся. Почти закончил наш Политехникум, однако семейные обстоятельства... Знаете, как это бывает...

– Позвольте паспорт. И кто вы по национальности? Латыш?

– Да.

Клерк перешел на латышский:

– В городе много химических предприятий, и получить там место относительно легко. Каким именно видом химии вы занимались?

Гулбис так же без запинки ответил на предложенном языке:

– В последнее время я служил на Охтинских казенных пороховых заводах.

– Какими еще наречиями владеете? – опять перешел на русский его собеседник.

– Эстонским хорошо, а польским чуть похуже.

– Четыре с половиной языка... Уже кое-что! Ну а теперь расскажите мне про Охту. Какую должность вы там занимали? Взяли ли оттуда рекомендательные письма?

Гулбис смутился:

– Насчет писем вышла у меня промашка. Нету писем.

– Так запросите. Без них трудно будет отыскать вам хорошее место.

– М-м... Даже не знаю, как сказать...

– Что такое? – удивился конторщик.

– Видите ли, я ушел с Охты не по своей воле. Был рассчитан...

Все моя слабость.

– Какая слабость?

– Я люблю помогать людям. От этого происходят иногда недоразумения.

– Поясните, что вы имеете в виду?

– Там, в Петербурге, у меня были приятели, – начал Гулбис, тщательно выбирая слова. – Они люди веселые, любят карты... И охоту еще любят. Вот. А славные такие ребята, только не очень денежные. И попросили меня вынести им с завода пороху. Дорог он в магазинах, сами понимаете. А тут на заводе его тысячи пудов. Ну, взял я немного... для товарищей.

– И попались?

– И попался, – сокрушенно завершил Гулбис.

– Да... Некрасивая история, – констатировал его собеседник.

– Все моя доброта. Уж не раз она меня подводила. А попросят хорошие люди, опять захочешь им угодить, ну и...

– Значит, рекомендательных писем с Охтинских заводов не будет?

– Увы.

Конторщик встал, прошелся по комнате в задумчивости. Соискатель места огляделся.

– Мало как у вас посетителей-то... – пробормотал он.

Действительно, кроме них двоих в конторе никого в этот час не было. Стол директора пустовал, и даже артельщика не наблюдалось.

– А от кого, кстати, вы узнали о нашей конторе? – спохватился клерк. – Мы рекламы не даем. И потом, в городе имеются покрупнее нас посредники.

– Я, если помните, в молодости учился в Политехникуме. И там был у меня товарищ, тоже добрый и славный человек. Вот ему по совсем низкой цене я и продал партию бездымного пороха новой марки, секретной еще. Для охотничьих нужд.

– И что?

– Звали его Язеп Титус.

– Титус?

– Точно так.

– Когда это было? – оживился конторщик.

– Да в январе. И вот от него узнал про вашу «Дюну». Очень Язеп ее хвалил. А когда узнал, что собираюсь в Ригу возвращаться, то сказал: приходи туда. Я-де слово замолвлю. Там, в «Дюне» то есть, служат добрые и славные люди. Они войдут в твое положение.

– Ага... Титус... Был у нас такой клиент. Вы знаете, что с ним стало?

– Да. Зашел я к нему домой. А мне и говорят: убили Язепа и ограбили. В земле уж лежит. Эх... А я, признаться, на него надеялся. Какой опасный город стала Рига! Когда уезжал отсюда двадцать лет назад, такого не было.

В поведении конторщика что-то изменилось. Он сел напротив гостя и внимательно в него всмотрелся. Будто только что увидел. Тот был невозмутим и чуть-чуть лукав. Словно хотел сказать: мы оба недоговариваем, и оба это знаем...

– Значит, вы химик и имели дело с производством пороха?

– Да.

– И добрый знакомый господина Титуса?

– Да.

– Тогда позвольте представиться: Фриц Янович Клауэ, помощник директора.

– Очень приятно!

– То, что вы рассказали, Юрис Рейнович, довольно интересно. В Митавской части открылся патронно-капсюльный завод. Вы ведь

сведущи и в этом?

Соискатель развел руками:

– Кто делал порох, сделает и патроны.

– Я так и думал. На этом заводе иногда появляются вакансии. Неплохие вакансии. Заполните покамест анкету и оставьте у меня. Зайдите через неделю. Вы где остановились?

– В меблированных комнатах Мишке, Антонинская улица, дом четыре.

– Это возле номеров фон Радекки?

– Соседнее с ними здание.

– Тогда я его знаю. Ну, не буду вас больше задерживать.

– Спасибо огромное, герр Клауэ. Так я смею надеяться на благополучный исход?

– Сделаем что сможем, герр Гулбис. Времена сейчас трудные, в промышленности кризис. Но хорошему человеку почему бы не помочь?

Гулбис вышел из конторы и сразу отправился в ресторан номер десять. Заказал там кружку темного пива, хотя раньше всегда брал светлое. Сидевший за соседним столом мужчина расплатился и медленно побрел в сторону Двины. Вдруг он поднял руку, приманил извозчика и скомандовал:

– На Первую Выгонную дамбу.

Возле дома номер семь ходил часовой с винтовкой. Человек негромко сказал:

– Вызови подполковника Баранова.

Через десять минут из штаба 3-го корпуса ушла в Военное министерство зашифрованная телеграмма. Там было всего несколько слов: «Титус навестил Дюну тчк Арзамасцев тчк».

Утром Гулбис обнаружил за собой профессиональную слежку. Он не подал виду и продолжил фланировать по бульварам. Вечером оказалось, что вещи постояльца кто-то тщательно обыскал.

В Петербурге день спустя развивались свои события. На углу Конторской улицы и Среднего проспекта, что в Большой Охте, появился человек. Он шел с бумажкой в руке и смотрел на номера домов. Увидев нужный, обрадовался и подозвал дворника. Мрачный детина нехотя приблизился:

– Чаво?

– На-кошь гривенник.

Монетка исчезла в лапе дворника, и тот сменил гнев на милость:

– Чаво?

Слово было то же самое, но интонация другая, добродушно-

заинтересованная.

– Тут у вас мой приятель жил, латышского роду-племени.

– Гулькин, что ли?

– Не Гулькин, а Гулбис!

– Один черт...

– Да не один, а совсем даже другая фамилия.

– Ну, жил.

– Где он сейчас?

– Съехал твой Гулькин. Недели три как нет.

– А куда съехал, знаешь?

– Ага.

Дворник многозначительно замолчал.

– Не томи душу, сарданапал. Получил ведь гривенник. А ничего умного еще не сказал!

Поняв, что больше ему не обломится, детина продолжил:

– Приятель твой порох делал. Тут, считай, все этим занимаются.

– И что?

– Ты слушай, слушай. Вот. О чем я? Об порохе. Казенный завод вон там, аж на пять верст вдоль Охты растянулся.

– Ты бы мне про Гулькина... Тьфу! Про Гулбиса.

– Будет тебе што хошь. Вот. О чем я? Об порохе. Уехал твой приятель в Шлиссельбург, на частный пороховой завод.

– Да ну!

– Вот тебе и да ну. Там, стало быть, нужны те, кто порох делать умеют.

– Ах ты, чуть-чуть не застал. Надо, значит, мне в Шлиссельбург ехать...

– Не надо, – веско сказал дворник и опять замолчал.

Незнакомец ругнулся и полез в карман. Положил на грязную ладонь парня пятиалтынный и приказал:

– Говори!

– Завод-те там частный, хозяин имеется.

– И что?

– Ты слушай, слушай. Хозяин про твоего товарища справку навел. А ево, штоб ты знал, отставили с казенного места со скандалом.

– Вот те на!

– Ага. Об чем я? Об порохе. Воровал он ево с завода, твой Гулькин. И попался. Как прознали об том в Шлиссельбурге, сразу от ворот поворот.

Незнакомец от безысходности даже снял картуз.

– Елки зеленые, где же мне его теперь искать?

– Того не знаю. Приходил сюда Гулькин. Расстроенный – страшно смотреть. Неделю назад приходил. Надо, говорит, куда подальше отсюда уезжать, иначе мне службы не найти. Или, значит, в Польшу. Или в... как ее?

– Может, Ригу?

– Не, по-другому как-то... Финляндию, что ли.

– Лифляндию?

– Во! Он оттуда родом, черт чухонский.

Мужчины постояли, помолчали. Потом дворник сказал сочувственно:

– Ты поосторожней с ним, с Гулькиным. Жулик он.

– Жулик?

– Ага. Так мне на Пасху двоегривенный и не дал. Ладно, хоть ты за него заплатил.

Незнакомец с бумажкой выругался и пошел к пристани.

В полночь подполковник Артлебен, помощник делопроизводителя Военно-ученого комитета, слушал доклад. Унтер-офицер служительской команды Военного министерства Грошевой рапортовал:

– Переплыв на другой берег, субъект отправился в Таврический сад пешком. Погулял с полчаса, а затем двинулся на Преображенский плац. Встал посередке.

– Хотел убедиться, что нет слежки, – усмехнулся подполковник.

– Так точно. Он и в саду все время оглядывался, шнурки завязывал и все такое.

– Ну? Состоялась встреча?

– Ровно в час пополудни. Мимо прошел фланер с газетой, и оба зашагали назад в Таврический. Там сели на одну скамейку, только с разных концов. Посидели пять минут. Видать, перекинулись.

– Словами или бумажкой?

– Словами.

– Дальше что было?

– Дальше, ваше высокоблагородие, мой субъект отправился на Фурштадскую. Сел там в немецкой пивной, отобедал, пива прорву выдул...

– В немецкой? Так-так. А Виктор Рейнгольдович упрямо думает на англичан.

– Вы погодите, будут скоро и англичане, – ухмыльнулся Грошевой.

– Серьезно?

– Вполне. После того как натрескался, он меня до вечера таскал. Где только ни побывали мы с ним... По Литейному гуляли, потом

по Обводному, до Коломны дошли. К вечеру, признаться, я еле ноги волочил. А ночевать субъект пришел на Васильевский остров, в Девятую линию. Вот, здесь адрес и выписка из домовой книги. Зовут Леонид Павлович Алеев. Титулярный советник в отставке, служил по почтовому ведомству.

– Не заметил тебя Леонид Павлович?

– Никак нет.

– Грошейвой! Ты мне англичан обещал.

– Сейчас, ваше высокоблагородие. Англичане появились не у меня, а у Сохраничева.

– Он пошел за фланером из Таврического сада?

– Так точно. И прибыли они друг за дружкой на Левашовский проспект в дом одиннадцатый.

– Ух ты! – обрадовался подполковник. – Прямым ходом?

– Прямее некуда.

– Как-то странно. Неосторожно с их стороны.

На Левашовском помещался петербургский филиал англо-датской фирмы «Абент и Столыгво». Фирма официально поставляла на текстильные предприятия России станки и инструмент. На самом деле, как уже знала русская военная разведка, это служило лишь прикрытием. «Абент и Столыгво» была явочной квартирой британской секретной службы.

Артлебен помолчал, потом нехотя признал:

– Ловко они нас одурачили. Хозяин «Дюны» – немец, директор будто бы тоже. Правда, в Касселе такого никто не знает. А Карл Наринг там родился... по бумагам. А? Что скажешь, Сергей Самойлович?

– Легендированный агент, Владимир Павлович. Англичане – мастаки на подобные дела.

– Похоже. Значит, «Дюна» – британская резидентура в Риге. И Таубе был прав. Во дает наш барон... Надо срочно сообщить ему, пока он там все поместья не распродал.

Через три дня после визита на Большую Соборную в номера Мишке позвонили и попросили позвать к аппарату господина Гулбиса.

Тот взял отводную трубку и услышал:

– Юрис Рейнович, доброе утро. Это Клауэ. Помните меня?

– А как же! Доброго вам здоровья, Фриц Янович. Неужели хорошие новости подоспели?

– Не то чтобы новости, но вам надо прийти к нам.

– А для чего?

– С вами хочет познакомиться директор, господин Наринг.
– Вот как? Разумеется, я буду. Когда удобно господину директору?
– Сегодня в три часа. Сумеете?
– Обязательно приду, герр Клауэ. И спасибо, что не забыли мою скромную персону!

Без пяти минут три Гулбис сидел на стуле и неотрывно смотрел на циферблат напольных часов. В «Дюне» опять был только Клауэ. Он возился с бумагами, искоса поглядывая на соискателя места. Потом вдруг спросил:

– А что у вас вышло в Шлиссельбурге?
– Вы откуда знаете? – удивился латыш. Потом хлопнул себя по лбу: – А, понимаю. Справки собрали?

– Мы с кем попало не работаем, – уклончиво ответил помощник директора. Тут распахнулась дверь, и вошел стройный седовласый красавец в дорожной визитке.

– Страфстфуйте!

– Здравствуйте.

Дальнейший разговор проходил на немецком языке.

– Я Наринг, директор «Дюны».

– Очень-очень приятно!

– Так что у вас случилось в Шлиссельбурге?

Соискатель с досадой махнул рукой:

– То же, что и на станции Саблино.

– То есть?

– В Саблино, изволите ли знать, находится самый большой частный пороховой завод в России. Хозяин его – отставной генерал-майор Винер. Пытался я устроиться к нему, рассказал про службу свою на Охте. А он тоже писем потребовал. Какие письма я ему мог дать? После того, что вышло. А без писем ни в какую. Взрывоопасное производство, то да се... Так и уехал ни с чем. Вот, в Риге хочу попытать счастья.

– Садитесь.

Гулбис сел. Директор «Дюны» буквально прожег его взглядом.

– Давайте напрямую, хорошо?

– Давайте.

– Что именно рассказали вам о нашей конторе Титус?

Латыш сощурился, и вдруг стало ясно, что он очень умный человек и лишь прикидывается простаком. Взгляд его по проницательности ничем не уступал хозяйскому.

– Язеп сообщил мне, что «Дюна» на самом деле занимается

выведыванием коммерческих тайн.

– Вот как? А для чего он это сказал? – холодно поинтересовался Наринг.

– Надо узнать у него. Но у Язепа больше ничего не спросишь...

– Хорошо, я задам вопрос иначе. Почему он сказал именно вам?

– Я говорил вашему помощнику, что передал Язепу порох. Тот самый, бездымный, сделанный по секретной рецептуре.

– И что?

– Язеп пояснил, что товар – для «Дюны».

– Впервые слышу! – воскликнул директор. – Титус ничего мне не давал, никакого пороха. Ни бездымного, ни дымного.

Гулбис задумался. Потом сказал сквозь зубы:

– Вот скотина. Впрочем, он всегда был такой...

– Какой?

– Сами знаете, какой! – чуть не в истерике крикнул соискатель. – Жулик, ворюга, вот какой!

Все долго молчали, потом Гулбис спросил:

– Это конец? Я могу идти? После того, что случилось...

– Да ничего особенного не случилось, Юрис Рейнович, – неожиданно добродушно ответил директор. – Ну обманул вас Язеп, и нас заодно. Очень на него похоже. Вы правы в оценке этого человека. Видимо, полученный от вас порох он всучил кому-то другому и хорошо на том заработал.

– Мне же дал всего двадцать рублей, – глухо сообщил латыш. – Двадцать! Пообещал еще сто восемьдесят, когда вы с ним расплатитесь. А вы ни сном ни духом... В итоге меня выкинули с позором, и все за смешные деньги.

– Однако вы попались, Юрис Рейнович, – вышел из-за плеча шефа Клауз. – Допустили где-то оплошность, и вас вычислили. Нам такие люди не нужны. Коммерческий шпионаж – назовем вещи своими именами – требует большой ловкости.

– Это из-за жадности Язепа, – вздохнул Гулбис. – Я должен был дать пятьдесят рублей мастеру, который вынес мне порох. А откуда им взяться? Дорога из Петербурга в Ригу и обратно принесла мне убытки. И за все про все два червонца. Ну, мастеру я ничего не заплатил, конечно, и он меня выдал с обиды. Сам остался без службы и меня подвел, дурак. А все из-за него, из-за друга детства!

Мужчины опять помолчали. Потом соискатель спросил, уже с надеждой:

– Может быть, я смогу быть чем-то полезен? Признаться, средства мои

на исходе...

– Не исключено, – обнадежил его директор. – А что еще рассказал про нас Титус?

– Еще? Ну, обмолвился, что хозяева ваши в Берлине...

Руководители «Дюны» переглянулись. Клауэ небрежно сказал:

– Ишь какой наблюдательный...

– Да это и так понятно, господа. Коммерческие секреты – золотая жила. Только русские иваны никак не дорастут до понимания, а вся Европа давно жмет из них масло. И немцы в первых рядах. Умная нация!

Наринг встал:

– Выпьете кофе, Юрис Рейнович?

– Большая честь для меня, – серьезно ответил тот, тоже поднявшись. – Это значит, я принят на службу?

– Да. Начните с патронного завода. Мне пора идти, а господин Клауэ даст вам сейчас полные инструкции. Дело будете иметь преимущественно с ним. Дело серьезное.

– Тогда позвольте один вопрос, господин директор...

– Знаю я ваш вопрос. Жалования вам положим сто рублей в месяц. Это сверх того, что будете получать по официальной должности.

– М-м...

– После того как убедимся в вашей пригодности, поднимем жалование вдвое.

– Ого!

– Плюс за особо важные сведения – доплата. Всякий раз она будет считаться отдельно. Довольны теперь?

– Благодарю за доверие, господин директор! Уж я в лепешку расшибусь, а оправдаю.

Клауэ проводил начальство до дверей. На пороге Наринг стал шептаться со своим помощником:

– Надо бы выяснить, кому наш бывший агент толкнул бездымный порох. Не дай бог, если... Вдруг он догадывался?

– Да, в Риге полно людей, которым этот порох интересен. Боюсь, однако, что мы ничего не узнаем. Хотя...

– Что, Фриц?

– Из сыскной сообщили: какой-то Лыков, чиновник Департамента полиции, ведет собственное дознание по факту смерти Язепа Титуса.

– Из Петербурга?

– Да.

– Необычно. Здесь какой-то секрет, и он мне не нравится.

Клауэ тихо рассмеялся:

– Не беспокойтесь, шеф. Секрет объясняется просто: младший брат Язепа служит у этого Лыкова в имении управляющим. Где-то далеко-далеко, в Костроме. И вот он, брат, попросил своего хозяина отыскать убийцу, поскольку тот хороший сыщик.

– Правда?

– Мои информаторы всегда точны.

– Ну, тогда ладно. Нам тут только Департамента полиции не хватало.

– Лыков ничего не найдет. Даже мы с вами запутались, а чужой человек, приезжий... Нет шансов. Покрутится и вернется в столицу.

– Вы, возможно, правы. Но на всякий случай проверьте гостя еще раз. Был ли он в Саблине и Шлиссельбурге на самом деле? И вообще, откуда взялся, чем занимался до Охты? Вам удалось отыскать его следы в Риге?

– Почти нет. Двадцать лет прошло. Но в списках студентов Политехникума Гулбис значится, и в старых адресных книгах тоже.

– Хорошо. Пусть наш человек в сыскной наблюдает за Лыковым. Чуть что – сразу сообщать сюда. А то мне уже самому стало интересно, кто казнил негодяя Язепа Титуса.

Глава 8. Количество подозреваемых растет

Лыков обдумал беседу с Вовкой Рейтаром и остался доволен. Маз напуган, в каторгу идти не хочет. Тем более чиновника особых поручений Департамента полиции в Риге не было сроду. Приезд сыщика – загадка, а загадки пугают уголовных. Значит, бандит откроет собственное дознание. Парнишку в железнодорожной шинели начнут искать сердитые мужики, которые в Московском форштадте как у себя дома. А когда найдут, глядишь, и надворному советнику обломится.

Что дальше? Надо увидаться с Ярышкиным. Учитель атлетизма уже побил пятерых людей из его шайки. Чем не повод для знакомства?

По словам сыщиков, атаманский штаб был на Ярославской, в пивной Петерсона. Место более глухое, чем ставка Рейтара. Даже по этой детали становилось ясно, что Вовка теснит Ивана Ивановича. Растегаев с Никифоровым так и говорили: если сейчас столкнуть их лбами, искры полетят. Лыкову надоело уже бродить по чужому враждебному городу наощупь. Он решил устроить заваруху и воспользоваться ее результатами.

Алексей появился на Ярославской в обеденное время. Длинная заурадная улица соединяла Динабургскую и Малую Горную. Самое сердце Московского форштадта. Три кладбища полукругом: Всесвятское, Ивановское и Старообрядческое. Одноэтажные домики, в каждом втором пивная или портерная. Если попадется двухэтажный, значит, в нем трактир. По всему выходило, что основное занятие местных обывателей – это пьянство.

Трактир Петерсона был почище других, но тоже какой-то облезлый. Сыщик поставил еще один минус Ярышкину. Его главный конкурент был не лишен эстетских потребностей и сидел в заведении с видом на реку. А этот...

В отличие от пивной Мунге, тут Лыкова на входе никто не остановил. Странно. Может, атаман отсутствует? Но, войдя, надворный советник сразу его увидел. Сомнений быть не могло. Мужчина одного с сыщиком возраста – немного за сорок – развалился у окна. Одет щегольски, но по-народному. У него у единственного на столе была чистая скатерть. И три бугая примостились по соседству.

Увидев новое лицо, маз насторожился. Быстро сунул руку за полу поддевки. Свита тоже смешалась. Пока они приходили в себя, Лыков уже стоял рядом с главарем и протягивал ему полицейский билет.

– Я вот кто. А ты Ярышкин?

Маз, не отвечая, изучил весь билет, даже поглядел обложку, будто сомневался в подлинности документа. Охранники сгрудились за его спиной. Один, видно грамотный, прочитал вслух:

– Чиновник особых поручений Департамента полиции надворный советник Лыков Алексей Николаевич. Лыков! Робя, уж не тот ли, что наших мутузил?

Ярышкин хмуро вернул сыщику билет и спросил:

– Ну?

Видимо, не решил еще, как себя со мной вести, понял тот и ответил:

– В каком смысле?

– С чем пожаловали, господин особых поручений? По мою душу или так, водки выпить?

Бугаи пришипелись. В отличие от людей Рейтара, здесь никто не стал заходить сыщику за спину. Документ возымел действие. С полицейским такого ранга они тягаться не смели.

– Я ищу убийцу Язепа Титуса. И ты занят тем же. Правильно?

– Ну.

– Не запряг! Еще раз нукнешь, в холодной продолжишь это занятие.

– Ваше высокоблагородие, вы бы хоть объяснились. Я ж не скотина какая, а тоже человек. Сижу, кушаю. Никого не обижаю. Налетели, толком не сказали ничего, а теперь угрожаете.

– Хорошо, давай начнем сначала. Я приехал из Петербурга дознавать убийство Титуса. Хожу, разнюхиваю. И везде сталкиваюсь с твоими людьми, которые заняты тем же самым. Подозрительно мне стало, решил разобраться, что да как. Понятно говорю?

– Теперь понятно. Кроме одного: какое дело Петербургу до смерти этого гаденыша мелкого?

– Тут молчок. Это секретные сведения. Но найти убийцу я должен. Поэтому выбирай: или я тебя веду в часть и мы разговариваем там. Или ты удовлетворяешь мое любопытство здесь.

– Лучше давайте здесь.

Маз уже успокоился. Смерть Язепа его, видимо, мало волновала. И это явилось для Лыкова неприятным открытием. Бандит вдруг перестал бояться. С чего это?

– Так кого и для чего ты ищешь?

– Должок остался за Титусом, хороший такой должок. Тыщ на шесть или семь!

– Дуван с подломанной квартиры?

– А хоть бы и так.

– Поясни: ты хочешь отыскать деньги или убийцу Язепа?

Ярышкин состроил гримасу:

– Пошто мне тот человек? Зарезал и правильно сделал. Собаке и смерть должна быть собачья. Я ищу дуван.

– А трактир в Задвинье тебе для чего?

– Как для чего? Туда и вложил ворюга мою соргу!^[54]

– Пусть так. Но твои ребята хотели побить брата Язепа, еще когда тот на похороны приезжал.

– Хотели, – признал атаман. – По моему приказу. А для чего – сами догадайтесь. Мертвяк в городе, сыщики землю роют. А этот ходит-бродит, внимание к себе привлекает. Вот и велели ему катиться. А тут вон чего... Департамент полиции откуда-то выскочил. Не пойму я, что вам за дело?

– Допустим, ты не врешь, – задумчиво произнес Лыков. – Но есть одно обстоятельство. Вчера я встречался с твоим главным соперником Вовкой Рейтаром...

– Главным? Да я его в упор не вижу!

– Дело в том, что в смерти Титуса обвинили его.

– Кто? – опешил маз.

– В пивную на Столбовой пришел какой-то мальчишка и стал отливать пулю...

– Малец тот был в черной шинели? – вдруг перебил сыщика грамотей из охраны.

– Да.

– Он и на Казачьей то же самое говорил, и на Палисадной.

Ярышкин вскочил и схватил мужика за грудки:

– Фролка, ты чего ж молчал? Почему я от фараона это слышу, а не от своего товарища?

– Так не успел я, Иван Иванович, – стал оправдываться тот. – Утром только мне сообщили.

– Время обедать, а ты не успел? Эх, раззява...

– Виноват.

Атаман снова сел и потребовал:

– Расскажите мне все как есть. Чиновник особых поручений в кутузку тянет, а за что – не пойму. Вовка барыгу зарезал. Я-то тут при чем?

– Я поясню, – сказал за Фролку Лыков. – Рейтар наотрез отказывается от такой чести. Говорит, что к гибели барыги непричастен. И высказывает догадку, что это ты распускаешь слухи о нем. Железнодорожника подослал, чтобы тот по всем пивным трезвонил.

– Я подослал? Да на кой пес мне это?
– Чтобы Рейтара под сыщиков подставить.
– Глупость... – пробормотал Ярышкин.
– Глупость не глупость, а сала тебе за шкуру налить Вовка обещал.
– Я ему самому покажу теткину мать! – ответил маз, но голос его дрогнул. Да и ребята побледнели.

Надворный советник поднялся, уперся кулаками в стол.

– Слушай меня внимательно. Я свои дела довожу до конца. Убийца Язепа Титуса будет наказан. Мне все равно, кто это будет: ты, Рейтар или, к примеру, Дохлый Август. Ясно, что это один из вас, атаманов.

Ярышкин хотел что-то возразить, но сыщик не дал:

– Ты в подозрении, как и другие мазы. Если не хочешь пойти в каторгу, ищи настоящего убийцу.

– Где я вам его возьму?

– Мне наплевать где. Не отыщешь – останешься подозреваемым номер один. Дуван твой Язеп украл? Украл. Вот и мотив.

– Да он весь город обмишурил!

– Делай, что говорю. Ребятишек своих настропали. Сыщите этого мальчугана в черной шинельке. Пусть объяснит, кто его надоумил ходить по пивным с интересным рассказом. Если узнаешь что важное, не забудь сообщить мне. Я живу во «Франкфурте-на-Майне».

Закончив разговор, Алексей поехал в управление полиции. По пути ему встретился городской бляха номер триста три, стоявший на посту.

– Здорово, Андрей Андреич, – поприветствовал его сыщик, сходя с пролетки.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

– Хочешь новость? Твой парнишка в железнодорожной форме еще в двух пивных ту же пулю отлил. Люди слышали.

– Да ну!

– Рейтар божится, что это ложь и он Язепа не резал. Думает на Ярышкина. Тот, мол, слухи распускает, чтобы соперника под сыщиков подставить. Ты как думаешь?

– Да все может быть, ваше высокоблагородие. Как собаки они за форштадт дерутся.

– Вовка грозился Ивану Иванычу отомстить, – рассуждал вслух Лыков. – Хотя ни тот, ни другой не имели особых причин убивать барыгу. Понимаешь? Тот, конечно, обоих обманул. Но на такие суммы, что за это морду чистят, и даже сильно. Однако кончить... Сыщики мокрые дела плохо спускают. Для чего из-за мелкого ничтожества мазам так

подставляться?

Городовой слушал молча. Алексей видел по его лицу, что тот все понимает и согласен с рассуждениями питерца.

– И вот я думаю... Вдруг кто-то нарочно сталкивает лбами двух атаманов?

– Кто-то третий? – сразу сообразил Иванов.

– Может, третий. А может, и четвертый.

– А вот это не понял, ваше высокоблагородие...

– «Король» Задвинья Дохлый Август тоже, говорят, обозлен.

– Он-то тут при чем?

– Язеп купил у него защиту – и был зарезан под самыми окнами Августа.

Гигант, подумав, произнес:

– Путано все как-то с этой смертью...

– Ты вот что, Андрей. Держи ушки на макушке. В Московском форштадте война может начаться. Из-за жадного барыги, а на самом деле из-за власти. Решается, кому тут править. Знаешь разницу между мазом и «иваном»?

– Так точно. У нас, ваше высокоблагородие, «иванов» нету. Атаманы всякие есть, пятеро или шестеро даже. Бойкие ребята, слова худого не скажу. Но от набольшего бог пока уберег.

– Возможно, он скоро появится.

Лыков кивнул, сел в пролетку и уехал. А постовой остался на перекрестке в глубокой задумчивости.

Прибыв на Театральный бульвар, Лыков сразу прошел в сыскную часть. Он хотел рассказать Кнауту о своих открытиях последних дней и наладить с главным городским сыщиком отношения. Однако в комнате в одиночестве сидел Растегаев, больше никого на месте не оказалось.

– Вы как будто чувствуете, Алексей Николаевич, – произнес он уважительно.

– Расскажите, что уже известно, – вывернулся питерец с деловым видом.

– Труп обнаружили в пруду между Царским садом и Промышленной улицей. Голова отрезана, и кисть правой руки тоже. Понимаете, для чего?

– Чтобы затруднить опознание.

– Именно! Однако на нем парчовые подштанники, и это однозначно указывает нам имя жертвы.

– Стойте, стойте. Что значит парчовые? Он что, кальсоны себе из парчи шил? Дурь какая...

– Дурь, конечно, – согласился Растегаев. – Весь город это знал и смеялся. А маз считал, что шик. Будто цыган, право слово.

– Так кто же это?

– Вовка Рейтар, вот кто.

Надворный советник помолчал, обдумывая новость. Потом кивнул:

– Точно. Когда я вчера с ним встречался, заметил вытравку^[55] на правой руке: женская голова и якорь. Значит, эту руку и отрубили.

– Вы встречались с Рейтаром? – поразился Растегаев.

– Да. За тем и приехал сюда, чтобы рассказать Кнауту.

– Он сейчас на месте преступления. Всех свободных с собой забрал, меня одного оставил на дежурстве.

– Так... Значит, Вовку Рейтара убили. Вот новость! Загорелось сине море...

– Какое море? – не понял надзиратель.

– Это я хотел сине море зажечь и посмотреть, что получится. За вчерашний и сегодняшний день пообщался с двумя мазами, Рейтаром и Ярышкиным. Дай, думаю, пугану их. Что из этого выйдет? И на тебе...

Надворный советник рассказал Сергею Петровичу о своих открытиях. Начал с сообщения городского, а закончил беседой с Ярышкиным. Надзиратель был ошарашен.

– В голове не убирается, Алексей Николаевич. Столько вы нового разузнали. А последнее событие! Какую-то вы струну дернули, важную. Вот Рейтара и прикончили.

– Да, знать бы только какую. Пока не ясно ни черта.

– Что дальше намерены делать, Алексей Николаевич?

– Знакомиться с остальными вашими атаманами: с Дохлым Августом и Цвейбергом. Вон как эти знакомства выстреливают. Может, еще что пальнет...

– Осторожнее с обоими, – предостерег надзиратель. – Опасные, опаснее русских бандитов.

– Что так?

– Дохлый Август – самый решительный из всех темных людей Риги. Замечали, чем кончаются драки на Московском форштадте? Царапинами. Сойдутся шильники, вроде все страшные, громилы из громил. Друг дружку чуть-чуть порежут да и разойдутся водку пить. Детские забавы, а не бой.

– Да, – согласился Лыков. – Это меня удивляет с самого приезда. У нас в Петербурге если портяночник вынул нож, то надо драпать. Он шутить не станет. А у вас в Риге ежедневно кого-то отвозят в больницу с легкими ранениями. Каждый щенок носит в кармане лезвие, а пользоваться им

не умеет. Это что, здешняя особенность?

– Так и есть. На Московском форштадте.

– А на Митавском, стало быть, иначе?

– У Августа не забалуешь, – серьезно сказал Сергей Петрович. – Латыши его – народ злой и решительный. Потому и боятся его больше, чем правобережных атаманов. Вы к нему так, с улицы, лучше не подъезжайте. Можете не успеть вынуть свой билет.

– Неужели?

– Уж поверьте. Надо о встрече с ним заранее договариваться, посредника искать.

– Хорошо. А Цвейберг чем опасен?

– Он самый страшный человек в городе.

– Поподробнее, Сергей Петрович. Чем я рискую, встречаясь с ним?

– Если есть у нас «иван», то это Цвейберг. Потому что умный. И уже капитал немалый нажил, может нужных людей покупать. Дохлый Август против него мелкая фигура. Он действует ножом, а немец – рублем. Так много больше зла можно учинить. А если понадобится Цвейбергу нож, то он и его купит.

Слова сысского надзирателя звучали убедительно. В самом деле, умные негодяи при деньгах опаснее простых гайменников, даже с задатками вождей.

– Спасибо, Сергей Петрович, учту. Подскажите, как мне с «королем» Задвинья встретиться?

– Ох, не вовремя вы затеяли. После смерти Вовки Рейтара... Надо немного обождать. Сейчас все мазы настороже, друг на друга думают. Август ни с кем не станет разговаривать, пока не разберется, что к чему. А уж какая буча поднимется на Московском форштадте!

– Хорошо. А с Цвейбергом?

Растегаев развел руками:

– Не моего масштаба вопрос. Я для Теодора Оттоновича никто. Просто никто.

– Что же мне теперь, отдохнуть с недельку? – раздраженно спросил Алексей. – Туда нельзя, с этим бесполезно...

– Надо железнодорожника искать, – убеждено ответил надзиратель. – Он тут главная личность, он воду замутил. Чей-то приказ, сволочь, выполняет.

– И как же вы его найдете? В лицо парня никто не видел, приметы самые общие. И сколько в Риге железнодорожных рабочих? А вместе со служащими?

Растегаев сник:

– Да, вы правы. Дорожников у нас необычно много, как нигде. А тут еще на двух вагоностроительных заводах есть приемщики, они тоже относятся к Министерству путей сообщения. Испытательные машинисты ихние опять же в черных шинелях... А сам узел! В нем четыре дороги: Риго-Псковская, Риго-Орловская и еще на Больдераа и на Мюльграбен. При каждой собственные мастерские, склады, паровозные депо. Кроме того, есть внутренняя линия, к портовому элеватору. Черт ногу сломит...

– Ладно, – вздохнул питерец. – Давайте, правда, подождем дня три. Пусть море уляжется.

Лыков перестал шляться по форштадтам. Он рассказал все Кнауту и заручился его одобрением. Коллежский ассессор убедился, что его оппонент действительно опытный сыщик и может сделать то, что не по силам рижанам. Но при этом питерец сообщает свои открытия и готов сотрудничать. Александр Иванович не то чтобы подобрел, однако начал кое-что открывать взамен и перестал смотреть букой.

Но трех дней отдыха не получилось. Уже через день надворного советника опять озадачили. Ярышкин исчез! Узнав о смерти своего заклятого врага, он почему-то не обрадовался, а наоборот, перепугался. Иван Иваныч срочно лег в городскую больницу на Александровской высоте, в отдельную палату. И ко входу приставил охранника. Пролежал так он лишь сутки, а потом пропал. Охранник отлучился по малой нужде, а когда вернулся, палата была уже пуста. Вещи на месте, следы борьбы отсутствуют. Но больного нет.

Обнаружился он к вечеру следующего дня. Из Мюльграбена сообщили: Двина выбросила на берег тело. Покойник одет в белое коломянковое платье, на плечах куртки черные буквы «АВ»^[56]. В груди напротив сердца ножевая рана.

Рига в третий раз содрогнулась, когда появился еще один труп. Его нашли на Кандауском переезде Больдерааской ветки. По виду – обычный «утюг», рядовой бандит. Грудь прострелена навылет. Сыскные быстро опознали убитого: Иван Смиренноумов. Вот ведь фамилия! Не иначе, из духовных лиц. Смиренноумов состоял в шайке Вовки Рейтара и был среди тех, кому маз перед смертью поручил искать железнодорожника. И тело лежало на путях. Видать, выполнил парень задание на свою голову...

У полицмейстера от таких событий сдали нервы. Он вызвал к себе Лыкова и не нашел ничего умнее, как сказать ему:

– До вашего приезда у нас тут было тихо!

– Может, и гайменников в Ригу я привез? – ядовито осведомился сыщик.

– Что? – не понял Войтов.

– Поясню. У вас началась война банд: делят Московский форштадт. Допускаю, что смерть Титуса и проводимое мной дознание как-то ускорили процесс. Но лишь ускорили. А предпосылки все были налицо и созданы они вами. Так что не валите с больной головы на здоровую...

– Я буду писать в министерство!

– Напрямую не имеете права, а губернатор не завизирует ваше отношение^[57]. И вообще, не мешайте мне. Пока я вас с должности не выгнал. Нет сил помочь, так хотя бы не лезьте. Скоро все кончится, и город станет чище.

Лыков забрал в наблюдательной камере пулю и отвез ее в штаб корпуса. Подполковник Баранов вызвал оружейного мастера 115-го пехотного Вяземского полка. Явился сухой дядька в очках, похожий на профессора философии. Он рассмотрел в лупу кусок свинца и сказал:

– Нерусская.

– Да, калибр меньше нашего трехлинейного, – согласился надворный советник.

– Держал я однажды в руках такую. Точь-в-точь!

– Где и при каких обстоятельствах?

Дядька задумался.

– Зимой дело было, – вспомнил он. – В полковом тире поручик Бако-Абаковский пристреливал бельгийский револьвер фабрики Нагана. Последнюю модель, семизарядную.

– Калибр две и девять десятых линии?^[58] – оживился сыщик.

– Точно так. Редкий у нас револьвер, мало где его встретишь. А хороший! Очень хороший. Вот у него такие пули.

– Револьвер у поручика случаем не пропал?

– Пропал, – сокрушенно подтвердил оружейник.

Баранов провел расследование и выяснил, что револьвер системы Нагана модель 1895 года был украден у Бако-Абаковского из квартиры его вестачом^[59]. Кража произошла два месяца назад, в марте. Сам вестач сбежал, был пойман и сейчас отбывает наказание в Бобруйском дисциплинарном батальоне. Лыков потребовал протокол допроса. Дезертир сообщил на дознании, что продал наган неизвестному латышу. Приметы: восемнадцать-двадцать лет, белобрысый, корпусный, одет в суконную на вате куртку. Сделка совершилась в корчме на берегу реки. Там еще

железная дорога близко... Негусто. И покупатель револьвера совсем не похож на чернявого юношу в железнодорожной шинели.

Лыкова встревожило последнее убийство. Лиза Эглит проживала неподалеку от злосчастного переезда. Он решил переселить женщину в Старый город, подальше от криминальных окраин. Поехал на Кандаускую и обнаружил ее комнату пустой. Хозяин квартиры на вопросы, куда девалась его жиличка, не ответил. Вдруг совершенно забыл русский язык! Алексей взволновался еще сильнее. Он взял хозяина за ворот и повел в ближайший участок. Приговаривал при этом:

– Вспоминай, сукин сын, или сядешь в тюрьму за... Ну, придумаю, за что.

Латыш упорно молчал. В канцелярии сыщику опять встретился помощник пристава с забавной фамилией Кошко.

– Аркадий Францевич! – обрадовался Алексей. – Помогите, пожалуйста, разобраться.

– Охотно. Обещайте только никого в нашем участке не бить.

Помощник пристава допросил квартирного хозяина по-немецки и озабоченно перевел его слова Лыкову:

– Он утверждает, что вашу знакомую увезли. Вчера вечером. Насильно.

– Кто и куда?

– Он не знает.

– А если я ему кулак покажу?

– Алексей Николаевич, у нас в Риге так не делается!

Сыщик думал недолго. Он отвел Кошко в угол и попросил не упоминать этого случая ни в рапорте, ни в журнале происшествий. По крайней мере в течение ближайших суток. Отставной подпоручик смутился. Ему не нравилось, что в его участке похитили человека, а он должен молчать об этом. Поняв опасения Кошко, Алексей сказал:

– Тут не обошлось без Кристлиба.

– С чего вы взяли?

– А больше некому. Рейтар с Ярышкиным мертвы, русским бандитам сейчас не до купеческих вдов. Это Дохлый Август. И что вы сделаете? Отыщете, где прячут Лизу, и пойдете на штурм? Останется ли она живой после вашей атаки?

– Но ведь совершено преступление! Украли женщину. Как же мне смолчать? Потом ее найдут мертвой, и с меня спросят. Не с вас, господин надворный советник, вы-то уедете в свой Петербург, а с меня.

– За сутки ее не убьют.

– Да откуда вы можете это знать? – воскликнул Кошко.
– Рассудите с точки зрения здравого смысла. Видимо, ее похищение как-то связано с трактиром, который купил в Митавской части Язеп Титус.
– Это его нашли зарезанным в Кобронских флешах?
– Да. Титус был сожителем Лизы Эглит. А заведение приобрел на деньги, украденные у атаманов Московского форштадта. Взял на чужое имя, поскольку не мог рассчитывать на промысловое свидетельство – со своим-то прошлым.

Помощник пристава понял сыщика с полуслова.
– Хорошо, пусть так, – сказал он. – Но зачем Эглит Дохлomu Августу?
– Только затем, чтобы узнать имя фиктивного владельца заведения, – убежденно ответил Лыков.
– А если она его не знает?
– Тогда Лизу отпустят. Августу не нужна лишняя кровь.
– А если знает?
– И в этом случае тоже отпустят. А вот если вы сейчас подадите рапорт и дело о похищении примет официальный оборот...
– Но что изменится за сутки? – упорствовал Кошко.
– Август отыщет трактирного владельца. Пока лучше ему в этом не мешать – целее будет госпожа Эглит.

Кошко протянул сыщику руку и вздохнул:
– Ох, вводите меня в служебный проступок. Но ваши предположения убедительны. Хорошо, я молчу ровно сутки. Дальше составляю рапорт, и меня увольняют...

– Никто вас не уволит, Аркадий Францевич. Поверьте старому сыщику. И вообще, переходили бы из общей полиции в сыскную! У вас логический ум, вас можно убедить разумными доводами. И вы быстро все схватываете.

– Я подумаю, – усмехнулся отставной подпоручик.
Выйдя из участка, Лыков сразу отправился на квартиру к Никифорову. В душе он вовсе не был уверен, что Лизе Эглит ничего не угрожает и что завтра ее отпустят.

Сыщику повезло: Александр Лукич оказался дома.
– Вы почему не на заводе?
– Место освободится только через неделю. Но что случилось, Алексей Николаевич? На вас лица нет!
– Лизу Эглит похитили. Мне нужна ваша помощь. Называйте любую цену.

Лыков описал события последних дней и повторил свою догадку о причинах похищения женщины. Никифоров задумался.

– Что-то не то, Алексей Николаевич, – наконец произнес он. – Зачем Дохлому Августу тратить время, искать злосчастный трактир? Чтобы себе его забрать? Опасно: деньги там не его, придут обокраденные и попросят вернуть.

– Двое мазов уже ни о чем не попросят.

– Ну и что? Их наследники вот-вот объявятся. Подерутся на Московском форштадте да и перестанут. Выберут наконец себе «короля». И тот начнет ревизию владений. Где деньги от разгромленной квартиры? Титус спер. Почему не нашли? А он их в трактир вложил. Где тот трактир, почему не у нас? Вернуть! Ну и...

– Ваши предположения, Александр Лукич?

– Все встает на места, Алексей Николаевич, если Дохлый Август выполняет чей-то подряд. Например, Цвейберга, будь он неладен.

– А ведь вы правы. Я сам должен был догадаться. С одной стороны, старший Титус объегорил множество людей, но все по мелочам, за которые не убивают. С другой, на ворованные им средства трактир не купить. Где он взял основной капитал? Украл у Цвейберга. Так?

– Полагаю, так.

– И немец подрядил «короля» Митавского форштадта разыскать имущество. Тогда дела Лизы плохи.

– Почему, Алексей Николаевич? Опознает она дельца, да и гуляй на все четыре стороны.

– Не нужна она им живая. Обоим. На кону десятки тысяч рублей. А тут свидетель, баба. Кому-нибудь разболтает. Безопаснее приткнуть, и дело с концом. Август – убийца по натуре, Цвейберг тоже никого за людей не считает. Надо Лизу спасти.

Мужчины помолчали. Лыков косился на собеседника, ждал, что тот скажет. Но Никифоров никак не решался.

– Александр Лукич, помогите мне. Найдите, где держат Эглит.

– Попытаюсь, – ответил Зверогон. – Есть у меня одна догадка. Ждите здесь, никуда не уходите.

Бывшего сыщика не было три часа. За это время надворный советник извелся. Прав ли он, что не дал делу о похищении законный ход? Вдруг Лизу сейчас убивают из-за его промашки?

Наконец Никифоров вернулся.

– Нашел, – с порога сообщил он.

– Где?

– У Дохлого Августа есть особнячок для всяких развлечений. Иначе говоря, девок ему туда возят. Не в дом же их звать? Он человек женатый.

– И что?

– Особняк отсюда неподалеку. Угол Фрауенбургской и Саукенской улиц.

– А почему вы уверены, что Лиза Эглит там?

– Когда я проходил по улице, то нарочно задержался в табачной лавке напротив. Наблюдал оттуда за домом. Подъехала пролетка, из нее вышел Томаш Шунас, содержатель трактира возле станции Зассенгоф. Под конвоем двух мрачных таких ребят. Завели его в особняк, а через пять минут выпустили. Радостный, тот сел в экипаж и дай бог ноги! Так что ваша догадка верна. Лиза там, и ей возят на опознание всех окрестных трактирщиков.

– Надо спешить, – деловито констатировал Лыков. Вынул из кармана револьвер, откинул барабан, внимательно осмотрел патроны и остался доволен.

– Я не смогу, Алексей Николаевич! – взмолился Никифоров. – Вы из Департамента полиции, а я кто? И потом, вы уедете, а мне тут жить. Что если ранят? Или убьют? Кто мать мою станет содержать?

– Успокойтесь, Александр Лукич. В дом я пойду один.

– Как один? Их там несколько человек!

– Я пойду один, – повторил сыщик. – От вас мне надо, чтобы вы отвлекли их, когда я полезу внутрь.

– Как же я их отвлеку? И ведь запомнят ребята мое лицо. Даже если у вас все получится, меня отыщут и накажут. С Кристлибом шутки плохи.

– Мы вас загрядим.

– Кем?! – возмутился Зверогон. – Старьевщиком нарядите? Или курьером?

– Вон на стене висит гитара. Вы играете, Александр Лукич?

– Ну бренчу немного... – озадаченно ответил бывший сыщик.

– Есть одна идея.

Мысль эту Лыков почерпнул из рижских газет. В городе стали появляться уличные певцы. Они ходили по улицам в самых фантастичных костюмах, пели дурными голосами самодельные серенады и вымогали за них деньги у обывателей. Мода эта пришла из Европы и подверглась осуждению газетчиков.

– Мы оденем вас таким певцом, бороду наклеим. Родная мать не узнает. Встанете у калитки и затынете что попало. Один выйдет, чтобы вас прогнать. Постарайтесь отвлечь его хоть на минуту, и сто рублей ваши.

Последняя фраза окончательно подкупила Никифорова. Он успокоился и даже стал рассуждать:

– Что ж, ежели как следует загримироваться... Я видал тут одного такого. Петух! Шляпа с пером, плащ из фальшивого горноста, а голос противный-противный...

– Вот и вы так же пойте. Чем хуже, тем лучше! Никто ничего не заподозрит.

Заговорщики поехали в Старый город, в магазин театрального реквизита. Одели бывшего надзирателя подобающе, потом в номере Лыкова загримировали и разучили пару дурацких песенок. С бородой и в зеленых очках Зверогон был неузнаваем, в чем сам убедился, взглянув в зеркало.

– Ну, пора!

Экипаж высадил «трубадура» за квартал до разбойничьего логова. Алексей соскочил чуть позже и вдоль забора двинулся к цели. Вот и нужный особняк. Надворный советник прошел мимо калитки, незаметно осматриваясь. Только вдалеке маячил прохожий, рядом было пусто. Одним прыжком сыщик перемахнул через невысокий забор. Конечно, он здорово рисковал. Вот так, наобум, без разведки... А как тут разведать? Пока нянькаешься, Лизу уже удавят. В любой момент могут привезти того самого трактирщика. Женщина его опознает, и после этого будет не нужна.

Не думая об опасности, Лыков пробрался к двери. Сердце учащенно билось, как всегда бывало перед схваткой. С двумя-тремя он справится, благо фактор внезапности. А если их там больше? Стрелять первому нельзя, ведь он тут, по большому счету, незаконно. И как тогда отбиваться?

Но в это время из-за калитки послышались гитарные аккорды, а затем хриплый голос. Бояться стало некогда. Сейчас начнется...

Зверогон пел целых пять минут, прежде чем его услышали в особняке. Голосил он на редкость противно. Так, что надоел обитателям притона. Стукнул открываемый засов, и во двор вышел крепкий детина в жилетке и рубаше с засученными рукавами. Что они там, пытаются ее, что ли?

Детина закричал что-то по-немецки и двинулся к калитке. Мгновенно Лыков прошмыгнул за его спиной в дом.

На первом этаже было тихо и на вид безлюдно. Со второго доносился чей-то сердитый голос. Не вынимая оружия, Алексей бесшумно поднялся по лестнице. В большой комнате у окна стоял здоровяк и бранился на незнакомом языке. В два прыжка сыщик приблизился и нанес сильный удар сзади по шее. Бугай без звука повалился на пол.

Лыков осмотрелся. Вон дверь, в ней торчит ключ. Он повернул его, вошел в комнату и увидел Лизу. Та сидела в кресле с усталым

перепуганным лицом и глядела на входящего. Увидав вместо мучителей Лыкова, женщина ахнула.

– Тихо! Сколько их в доме?

Лиза, закусив губу, молча мотала головой. Какие у нее красивые волосы, в очередной раз подумал сыщик...

– Сколько их в доме? – повторил он вопрос.

– Двое.

– Быстро за мной.

Он взял Лизу за руку и повел наружу. Вскоре они оказались на улице. Там продолжалась перебранка между «менестрелем» и вторым охранником. Увидев парочку, Зверогон со всей дури заорал новую песню. Тут Лыков подкрался сзади и тем же приемом свалил бандита.

В поджидавшем за углом экипаже все трое помчались прочь. В гостинице Никифоров переоделся, смыл грим и был с благодарностью отпущен. Алексей сунул ему в ладонь сотенный билет и с чувством пожал руку.

После этого он занялся Лизой. Эглит была очень измучена пленом. Поняв, что опасность миновала, женщина, вместо того чтобы радоваться, ударилась в слезы. С ней началась истерика. Как быть? Сыщик не знал способов унять плачущую женщину. Вот разве что один... Побегав по номеру со стаканом воды, он сам уже стал близок к нервному срыву. Наконец Лыков решился. Чего не сделаешь из человеколюбия? Он взял Лизу на руки, легкую, как пушинку, и отнес на кровать. Та сразу замолчала.

– Какие у тебя дивные волосы...

Женщина сначала отстранилась в удивлении, но потом обняла сыщика за шею. Прижалась к нему мокрым от слез лицом и стала жадно целовать. Словно хотела этого целую вечность.

Сыщик поселил Эглит в доме номер 1 «А» на Парковой улице, прямо над полицмейстером. Квартира была очень дорогая, и Алексей снял ее всего на месяц. За это время он надеялся завершить свое дознание. У подъезда дежурил городской, охранял начальство, и заодно Лизу. Она не выходила на улицу, все нужное ей приносила коридорная прислуга. Лыков под предлогом занятости навещал женщину редко и только днем. Алексею было неловко за то, как он ее успокаивал, и он не хотел повторения...

Еще сыщик известил Кошко, что пленница на свободе. И не забыл поблагодарить помощника пристава за содействие.

Уличные беспорядки на Московском форштадте разгорались. За один

день произошло восемь нападений на прохожих. И не только грабежи! В трактире Баллода на Большой Лубанской понес смерть на месте громила из шайки Клёцкина. На углу Мельничной и Суворовской ранили ножом женщину и шедшего мимо военного писаря. Ткнули и ушли, даже не обобрали... Близ городской водокачки у Крюденеровской дамбы напали с удавкой на мещанина, приписанного по спискам евреев^[60]. Повалили, чуть не задушили и раздели буквально догола. А на городском торфяно-пудретном^[61] заводе в нечистотах, вывозимых из отхожих мест, нашли разрубленный на части труп неизвестного. Как назло в ту же ночь вспыхнул лесопильный завод купца Гиндина на Пиленгофской улице. Дотла сгорело громадное количество лесного материала, убыток превысил полмиллиона рублей!

Полицмейстер Войтов, захватив для поддержки городского голову Керковиуса, явился к губернатору и обвинил в беспорядках Лыкова. Этот командированный безответственно вмешивается в дела полицейского управления и побуждает уголовных к активизации. Суровцев при подчиненных вызвал Лыкова и попросил объясниться. Тот детально рассказал, что творится на Московском форштадте, когда все это началось и при чем попустительстве. Ничтожность Войтова, впервые узнавшего многие вещи из доклада приезжего, стала очевидной. Еще сыщик рекомендовал принять две меры: вызвать на помощь войска гарнизона и запретить в Московской части продажу крепких напитков.

Суровцев согласился с этим. На ночное патрулирование вышли военные караулы Рижского учебного унтер-офицерского батальона. А все сто семь ренсковых погребов для продажи навынос, что есть на форштадте, были запечатаны. Уже через день жизнь в городе вошла в обычное русло.

Сотрудничество с Кнаутом дало наконец результаты. Коллежский ассессор вызвал Лыкова и протянул ему серебряный папиросник:

– Узнаете?

На крышке была изображена охотничья сцена. Неужели это вещь Язепа Титуса? Она пропала из его кармана в ночь убийства.

– Тот самый?

– Весьма вероятно, – ответил начальник сыскной части. – Вы откройте, посмотрите, что внутри.

Лыков раскрыл порт-папирос. Пусто.

– Там есть секретное отделение, – подсказал Кнаут.

Питерец нашел его и обнаружил внутри картонные фигурки мужчины и женщины. Скрепленные особым образом, они могли двигаться, совершая

неприличные телодвижения.

– Немецкий, – брезгливо поморщился Алексей. – Я видел такие в Берлине. Но как доказать, что он принадлежал Язепу Тиусу? Надо предъявить госпоже Эглит.

– Как раз об этом я и хотел вас попросить, – ехидно ответил коллежский асессор. – Вы ее... Как бы выразиться? Опекаете, вот. Ну и опекайте!

– Не по-русски сказали, но в точку, – смиренно вздохнул Лыков. – Схожу.

Он отправился на Парковую. Лиза уже пришла в себя и теперь испытывала неловкость. Квартира дорогая, кто за нее платит? Лыков – женатый человек и скоро уедет домой. Он ничего за свои деньги не требует. Тот случай был единственным и, видимо, не повторится. А в содержанки в тридцать лет идти как-то не хочется, да и поздно.

Надворный советник в очередной раз сказал ей, что скоро закончит дознание. Вернется Яан Францевич, они сядут вдвоем и обсудят Лизино будущее. Что-нибудь да придумают. А пока надо взглянуть на одну вещь.

Эглит открыла порт-папирос и покраснела:

– Да, это Язепа. Он любил показывать секретное отделение приятелям. Вульгарно, но ему нравилось.

Сыщик попросил женщину подписать протокол опознания и вернулся в сыскную часть. Кнаут ждал его.

– Ну как?

– Госпожа Эглит подтвердила: это вещь Язепа Титуса. Где вы ее нашли?

– Делали обычный обход и навестили ювелира Криша Крамса. Про него известно, что он скупает заведомо ворованные вещи. А тут еще история с империялами, ну вы слышали...

Лыков догадался, о чем речь. В различных городах России стали появляться фальшивые империялы пятнадцатирублевого достоинства, с годом чеканки 1895-м или 1896-м. А настоящие чеканятся с 1897-го!

– Мы получили из вашего департамента циркулярное письмо, пошли по адресам. И у Крамса обнаружили эту штуку. Я сразу подумал о Титусе. Нажал на барыгу, и тот сломался. Сообщил, что папиросницу ему принес распорядитель гостиницы «Чикаго» Вильгельм Вибе.

– Гостиница? При чем здесь гостиница?

– Надо знать местные особенности, – назидательно пояснил Кнаут. – «Чикаго» находится на Малой Монетной улице, дом семь. Хозяин – купец Люткевич. Но это лишь прикрытие. А вообще же это бордель, причем

низкопробный.

– Ага! Кто-то расплатился за девочек?

– Именно. И мы теперь знаем, кто.

– Не томите душу, Александр Иванович!

– На Московском форштадте есть вор Феонент Лакомкин по кличке Вельзевул. Он парень самостоятельный, ни к одному из больших хороводов не причислен. Живет в четвертом участке, на Калужской.

– Поехали!

– Мы там уже были. Скрылся Лакомкин.

– Нужно дворника расспросить!

– Алексей Николаевич, – укоризненно остановил питерца рижанин. – Говорю же вам: надо знать особенности.

– Что я опять сказал не так?

– Рижские дворники не имеют ничего общего с вашими. Во-первых, их в городе очень мало. Они все без исключения латыши, по-русски почти не говорят. Но проблема даже не в этом. Наши дворники не занимаются пропиской жильцов. Не ходят с их паспортами в участок и вообще мало имеют дело с полицией. И на воротах не стоят.

– Черт-те что! – возмутился надворный советник. – Чем же они тогда занимаются?

– Только уборкой тротуаров. Еще могут дрова поднять на верхний этаж, за отдельную плату.

– Ну и ну. Значит, про жильцов рижских дворников спрашивать бесполезно?

– Именно.

– М-да. И как тогда искать Лакомкина?

– Как обычно: облавой на все притоны. Сегодня ночью и начнем. Пойдете с нами? Посмотрите, как мы тут кувыркаемся...

– Охотно, Александр Иванович. Спасибо за приглашение.

Так Лыков оказался на облаве. Здешняя сыскная делала их один-два раза в месяц. Обычно задерживали до полусотни темных людей, живущих с неявленными видами^[62]. Попадались также воры, высланные из Риги в уезды под надзор полиции, с воспреещением возвращаться.

В этот раз сыщикам досталась добыча покрупнее. И все там же на Калужской, где притон на притоне. Растегаев задержал беглого арестанта Филиппова, сосланного на Сахалин. С ним вместе играли в карты два известных вора. Никто из задержанных не оказал сопротивления – это не принято на Московском форштадте. Взяли еще шестьдесят восемь человек всякого сброда. По разбирательству часть была

освобождена, часть передана за преступления в надлежащие суды. Больше половины доставили сразу в работный дом. Остальных выслали из Риги к местам приписки.

Кнаут был очень доволен поимкой беглого каторжника: такие люди – редкость в Прибалтийских губерниях. Но Алексею нужен был Феонент Лакомкин, а он не попался.

Кнаут прикрепил к питерцу своего лучшего надзирателя Ганса Шлангенберга. Два сыскаря целый день ходили по форштадту. И нашли вора! Тот скрывался в столовой и чайной номер один.

Дешевые народные столовые и чайные в Риге устроены благотворителями. Днем и ночью в них выдают горячую пищу. Порция супа стоит шесть копеек, каши – восемь, кружка чая с одним куском сахара – копейку, чашка кофе с двумя кусками сахара – две. Чайная и столовая номер два расположена на берегу Двины напротив Замка и открыта круглый год. В летнее время открываются еще две столовые: номер один (между Железным мостом и Красными амбарами) и номер четыре (на острове Кенгерагге, специально для плотовщиков). Куда делась столовая номер три, Лыкову никто не мог объяснить.

Лакомкин, одетый в отрепья, сидел в чайной и изображал из себя неимущего бродягу. Но Шлангенберг со смехом выволок его за руку на улицу:

– Эй, нищеврод липовый! Пошли в сыскную. Мы тебя третий день ищем.

– А на кой я вам сдался?

– Господин пристав все объяснит.

На поверку вор оказался крепким орешком. Бывалый, много повидавший, он не испугался угроз Кнаута. Порт-папирос признал, но спокойно соврал, что купил его в той же чайной у незнакомца. Пристав побился-побился и отправил его в следственную тюрьму.

Глава 9. Появляются товарищи

Через день Лыков с Кнаутом снова вызвали Лакомкина на допрос. Алексей нажимал так сильно, как только мог. Показал свой страшный билет, пояснив, что дознание по делу Титуса ведется из Петербурга. И все замешанные в нем пойдут на каторгу без разбора вины... Опытный вор лишь посмеялся. Сыщик отослал его в коридор и обратился к рижскому коллеге:

- Что-то здесь не так. Уж очень он спокойный.
 - Рецидивист, вот и спокойный, – возразил Кнаут.
 - Нет, тут другое. Есть одна мысль. Однажды в Петербургском домзаке мне попался такой же безмятежный подследственный. Ничего, стервец, не боялся! И что оказалось?
 - Что? – заинтригованно спросил пристав.
 - А он купил в камере заговор от суда. И решил, что теперь ему все сойдет с рук.
 - Заговор от суда? Впервые слышу.
 - Это старая проделка опытных тюремных сидельцев. Они находят тех, кто верит в эту чушь. И продают им бумажку с набором ахинеи, – пояснил Алексей.
 - Феонент Лакомкин не похож на дурака, – заметил рижанин.
 - Не похож. Но даже у опытных воров в голове странная смесь из суеверий. Слышали, например, истории про отрубленные руки?
 - Да. Воры иногда разрывают свежие могилы и берут у покойника кисть правой руки. Якобы благодаря этому кражи остаются безнаказанными.
 - Вот-вот. Так же и с заговорами от суда. Верят!
 - Как мы убедимся, что вы правы?
 - Поехали в следственную тюрьму.
 - Да она тут рядом. Угол Полицейско-Казарменной и Большой Кузнечной. Пешком дойдем. А Лакомкин пусть пока посидит в съезжей.
- Два чиновника прибыли в корпус Рижской следственной тюрьмы. Как и все пенитенциарные заведения империи, она оказалась переполненной. Смотритель отвел гостей в камеру. Лыков вошел первым, он был уверен в своей догадке.
- Двенадцать человек вскочили при появлении начальства.
- Где здесь место Вельзевула?

– У окошка, где же еще, – ответили сокамерники.

– А ну брысь все в коридор!

Надворный советник обыскал вещи подследственного и ничего в них не нашел. Кнаут стоял рядом и смотрел.

– Вот видите, – сказал он не без злорадства. – Тут другое.

– Обождите смеяться, Александр Иванович. Сейчас будет вам фокус.

Лыков вернул из коридора того арестанта, который был одет беднее других.

– Кто таков?

– Иван Лузгин, ваше высокоблагородие!

– За что сидишь?

– Оговорили злые люди.

– Бывает... Хочешь рубль заработать?

– А как, ваше высокоблагородие?

– Скажи, где Вельзевул прячет заговор от суда.

– Эта... Некрасиво так-то...

Надворный советник вынул желтую бумажку и показал ее арестанту.

– Ну? Никто и не узнает. А то сейчас вызову надзирателей, они за бесплатно найдут. И ты, дурак, останешься без целкового.

Лузгин протянул руку, сунул билет за пазуху и сказал:

– В трубе он.

– Вынь, а то пачкаться неохота.

Арестант послушно залез в вентиляционную трубу и достал оттуда бумажку:

– А вот.

Лыков развернул ее и прочитал вслух:

– Как будешь входить в первые двери, то скажи: «Помяни Господи царя Давида и кротость его». Как войдешь в комнату, где суд, толкнись о притолоку и скажи: «Фрол и Лавр, стены и лавы, говорите все за нами». Потом читай: «Иду я, раб Божий Феонент, на суд к рабу Божию (тут скажешь имя кто на тебя подал). Железным тыном заграждаюсь и синим морем заливаюсь. Когда тот раб Божий (имя) железный тын проломает и сине море поразбивает, тогда он меня достанет. Как под потолком матица онемела, так бы и раб Божий (имя) онемел бы перед рабом Божиим Феонентом».

– Что за чушь? – возмутился коллежский ассессор. – Это же набор глупостей. Как можно в это верить?

– Ничего не чушь! – обиделся Лузгин. – Завсегда действует, кажинный арестант вам подтвердит. Были бы у меня деньги, купил бы и я такой. А тут

оговорили, и сиди...

Сыщики вернулись в управление и вызвали Лакомкина. Тот вошел спокойный, даже чуть насмешливый.

– Ну, будешь признаваться или как? – спросил Алексей.

– Да в чем?

– Кто тебе на самом деле продал порт-папирос?

– Говорил уже вашей милости, да вы все не верите. Босяк какой-то в чайной. Глаза больные, слезятся. Имени не знаю.

– На заговор надеешься?

– Какой заговор? – побледнел арестант.

– А вот на этот, – сыщик вынул свой трофей. – Ты его, надеюсь, наизусть выучить не успел?

Лакомкин переменялся в лице:

– Ваше высокоблагородие! Имейте же совесть!

– Что? Это ты мне про совесть? А если я тебя в муку изотру?

Вор сидел раздавленный. Заучить абракадабру он явно не успел и теперь мысленно рвал на себе волосы...

– Повторяю вопрос: кто продал тебе папиросник?

– Латыш один...

– Как зовут?

– Не знаю, ей-богу, не знаю.

– А как выглядел?

– Лет двадцати, белобрысый... Крепкий такой. Есть силенка у ребенка!

– Одет был в куртку на вате? – мгновенно сообразил Алексей.

– Точно. А вы откуда знаете?

– Давай подробнее. Все, что вспомнишь. Где встречались, какие есть особые приметы, речь, волосы, руки-ноги, все мне опиши. Может, он обмолвился, где живет? И не было ли с ним мальчишки-железнодорожника?

– Был, – ответил Лакомкин. – Черненький такой, лет семнадцати, не больше.

Лыков с Кнаутом переглянулись.

– Ну вот и пошло дело, – констатировал надворный советник. – Кутили на реке, в корчме?

– Все-то вам известно...

– Где именно?

– На Малом Фегезаксгольме.

– У Папе? – оживился коллежский ассессор.

– Так точно.

– Известный притон, – сообщил тот питерцу. – Ну, Папе я разговорю. И вообще, Лакомкин, если ты поможешь нам поймать этих негодяев, то мы тебя отпустим. До следующего раза, правда, но отпустим. Однако сначала заслужи.

– Да я всей душой...

– Они ведь не ваши, не уголовные? – спросил Лыков, как о чем-то само собой разумеющемся.

– Угу. Политические.

Кнаут аж подпрыгнул:

– Кто-кто?

– Политические. Называют друг друга так смешно. Этот, белобрысый – товарищ Аксель. Черненький – товарищ Эмиль. А главный у них – товарищ Мартин, но его я никогда не видел.

Начальник сыскного отделения возмущенно сказал:

– Нет у нас в Риге никаких политических!

– Теперь есть, – возразил Лыков.

– Это мальчишки! Одному двадцати нет, а второму только семнадцать.

– Так всегда и бывает.

– Как бывает? Поясните, Алексей Николаевич.

– За мальчишками стоит кто-то взрослый, умный и циничный. Я столкнулся с этим в Варшаве. Юношей просто увлечь красивой идеей наподобие всеобщего равенства и братства. И тогда они легко пойдут убивать тех, кто против. Враги равенства? Казнить их! Молодые, без мозгов еще. Никого не жалеют, ни себя, ни других.

– Что это значит, Алексей Николаевич? – серьезно спросил Кнаут.

– Это значит, Александр Иванович, что у вас в городе беда.

Вор с любопытством слушал разговор двух сыщиков, которые совсем забыли о нем.

– Беда?

– Именно так. Язепа Титуса почти наверняка убили они. За что, мы пока не знаем. Помните пуговицу с железнодорожной шинели, что нашли в кулаке у барыги? Это его пуговица, товарища Эмиля.

Кнаут помолчал, потом заговорил с усилием:

– Прощу меня простить. Я... вы... – Поискал слова и продолжил: – Вы многому меня научили буквально за последние несколько часов. Думал, я тут один сыщик, а вы приехали умничать. И вдруг такие открытия.

– Какие?

– Ну, про заговор от суда я впервые узнал. А без этого Лакомкин никогда бы не раскололся.

– Точно! – обрадовался вор.

– И насчет мальчишек вы скорее всего правы. Если бы я с самого начала помогал вам, а не ставил палки в колеса, вы уже нашли бы убийц. С вашим-то опытом.

– Может быть, – безжалостно подтвердил Лыков. И добавил: – Жаль, мы с вами все-таки на усы не поспорили.

– Да, – понуро согласился Кнаут. – Ходил бы я бритый...

– Как немец! – хором сказали оба сыщика и рассмеялись.

Обстановка разрядилась. Лыков продолжил:

– Теперь надо действовать быстро, ведь эти товарищи не просто так столкнули лбами атаманов Московского форштадта.

– Что же им нужно?

– Тем, в Варшаве, нужны были потрясения.

– О боже... Но все равно не пойму. Взрослые опытные мужчины, преступники-рецидивисты – как они попались на удочку юнцов?

– Говорю же: за ними стоит взрослый. Парни – только марионетки.

Сыщики продолжили допрос Лакомкина, но тот не добавил ничего важного. Аксель бывает в корчме Папе изредка. Где живет, никто не знает. Эмиль заходил всего один раз. Оба латыши, какие-то странные, будто начетчики-староверы. Талдычат про угнетенных, которых надо освобождать. Где их найти? Анчутка^[63] знает...

Вора вернули в тюрьму. Может, посидит да еще что вспомнит. Сыщики разделились: Лыков отправился в ГЖУ за справками на товарищей, а Кнаут поехал на Малый Фегезаксгольм.

Прозоровского на месте не оказалось. Штабс-ротмистр Кривцов выслушал сыщика, как всегда, внимательно. И сообщил:

– Мелькал у нас в сводках некий товарищ Мартин. Правда, год как пропал. Мы решили, что уехал.

– Расскажите мне все, что о нем известно.

– На вид ему двадцать шесть – двадцать восемь лет. Ходил в студенческой тужурке с арматурой Горного института. Но это ничего не говорит.

– Согласен. Он что, на нелегальном положении?

– Вроде того.

– Настоящую фамилию, выходит, вы не знаете?

– Нет. Умеет убеждать. Словотер изрядный! Вокруг него всегда вилась молодежь, причем обоего пола. С кем-то товарищ Мартин сожительствовал, в их среде так принято.

– Какую партию или идею он пропагандировал?

– Социалистическую. Цитировал Маркса, если вы знаете, кто это.
– Знаю. А Прудона? Или Кропоткина?
– Наши агенты дали лишь самые общие сведения.
– Но как хоть выглядит товарищ Мартин?
– Высокий, громкоголосый. Народный трибун, в общем.
– Волосы, цвет глаз, особые приметы?
– Подождите немного. – Штабс-ротмистр ушел и вернулся с папкой: – Вот. Все, чем богаты.

Лыков изучил бумаги. Это были рапорты двух осведомителей, внедренных жандармами в кружок учащейся молодежи. Из них выяснилось, что волосы товарищ Мартин регулярно перекрашивает. И может быть как блондином, так и брюнетом. Владеет искусством грима, ловко цепляет бороду или усы, использует очки с простыми стеклами. Откуда-то достает деньги, так что в средствах особо не нуждается. И любит красивую жизнь. Запонки у него золотые, булавка в галстук с хорошим камнем. Белье всегда крахмальное, дорогое. Одно время проживал в поместье Клейстенхоф на левом берегу Двины, где пользовал хозяйку. И, видимо, получал от нее содержание. Вот альфонс... Но потом съехал оттуда, и нынешнее его местоположение неизвестно.

Мелькнули в донесениях и два телохранителя товарища Мартина. Один с рижской окраины, блондин, решительный и сильный физически. Второй деревенский, черноволосый, совсем юный. Несмотря на свой возраст, оба товарища уже отличились на ниве революционной борьбы: убили какого-то предателя. Или человека, кого Мартин объявил таковым. Юноши невеликого ума, смотрят своему командиру в рот и беспрекословно выполняют все его указания. Склонны к упрощенному миропониманию. Пара цитат из Маркса объясняет им все случаи жизни...

Никаких адресов, имен или особых примет в деле не оказалось.

Кнаут тоже вернулся ни с чем. Корчмарь повторил слова вора. Ходили два паренька. Давно уж их не было. Ни новых фактов, ни важных мелочей Папе не дал.

Дело опять зашло в тупик. Кнаут с Лыковым были люди опытные, знали, что такое в дознании происходит сплошь и рядом. Надо расширить поиски. Вдруг забыли поднять какой камень? А под ним подсказка.

Алексей решил познакомиться с Цвейбергом. Пора уже увидеть единственного в Риге «ивана». Но как? Можно подойти к дому и постучать в дверь. То ли впустят, то ли нет... Есть способ надежнее. Язепа свел с немцем его давнишний приятель Адо Кадак, хозяин артели старьевщиков и по совместительству воровской маз. До сих пор руки у Лыкова

не доходили до этого персонажа. Теперь пора взять его за пищик.

Адрес старьевщика Алексей достал в паспортной конторе. Кадак проживал во втором участке Петербургской части, на Ревельской улице. Вор занимал хорошую квартиру, под которой находилось артельное помещение.

Сыщик сразу прошел туда. Начал он вежливо. Спросил хозяина, ему указали на рыхлого мужчину очень самодовольного вида. Тот встал, подошел вразвалочку. Двигался Кадак смешно, будто отставной провинциальный актер. Видимо, он искренне полагал, что все окружающие им любят.

– Я надворный советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции. Веду дознание убийства вашего приятеля Язеп Титуса.

– Никакой он мне не приятель, – испуганно открестился старьевщик. Вся спесь мгновенно слетела с него. – Так, были немножко знакомы.

– А госпожа Эглит говорит, что вы часто бывали в их доме. Вы и Карл Рымкус.

– Рымкус действительно был Язепу приятель, – радостно подхватил Адо. – Вам, господин, к нему следует обратиться за справками.

– Я воспользуюсь вашим советом. После того, как вы изложите мне все, что знаете о Титусе.

Кадак сделал вид, что задумался.

– Э-э... Даже не знаю, что сказать...

– Скажите правду. Он помогал вам продавать краденое?

– Какое еще краденое? – возмутился старьевщик. Он повернулся к своим людям и воздел руки: – Вы слышали, что сказал этот человек? Будто бы у нас торгуют краденым! Да я в суд подам.

Лыков без раздумий отвесил хозяину крепкую оплеуху. Тот согнулся в три погибели и едва не упал.

– Ой!

Надворный советник приказал подручным Кадака:

– Пошли вон! Или хотите сесть с ним в одну камеру?

Те мигом выбежали на улицу.

– Теперь, дрянь, поговорим, – зловеще произнес Алексей. И врезал хозяину еще раз.

– Вот, в довесок. Это лишь начало. Буду лупить тебя до тех пор, пока не скажешь все, что спрошу. Знай свое место!

Ему давно хотелось почесать кулаки об рижских жуликов. Средство испытанное и, как правило, дает результат. Но здесь сыщика постоянно

удерживали от расправы. Как же, почти Европа! Будто в Европе полиция не бьет мазуриков...

Вид у старьевщика стал жалкий: левая щека распухла, на глазах слезы.

– Вопрос первый: что связывало Титуса с тремя латышами? Они называют себя товарищами. Мартин, Эмиль и Аксель.

– Это страшные люди... Они убьют меня, если узнают.

– Дурак! Чем быстрее я их арестую, тем лучше для тебя. Не понимаешь разве, что ты следующий?

Лыков бросил это наобум, но попал в точку. Адо сразу размяк. Он сел и начал говорить. Рассказал маз следующее.

Трое так называемых товарищей появились возле Язепа в конце прошлого года. Он тогда вошел в ревизионную комиссию Четвертой общей похоронной кассы. Это как касса взаимопомощи: люди делают взносы на свои будущие похороны. Раз в полгода участники приносят определенную сумму, и эти деньги копятся на их счете. Похоронные кассы очень распространены в Германии, чуть меньше во Франции и Англии. От тевтонов мода перешла и к русским. В Петербурге восемь общих похоронных касс. Почти все они объединяют столичных немцев, но есть и исключения. К примеру, успешно работает касса для служащих городского общественного управления. Имеются они и в ряде северных городов, таких как Псков и Порхов. Но наибольшее распространение похоронные кассы получили в Прибалтийском крае. В Либаве их шестнадцать, а в Риге одиннадцать. Это если считать общие. А еще существуют профессиональные и даже сословные, куда постороннему попасть трудно.

Язеп Титус подошел к делу со свойственной ему нечистоплотностью. Хитрый жулик использовал кассу, чтобы воровать оттуда деньги. Он придумал отдавать членские взносы участников на вохенгельд^[64]. Когда еще человек помрет и его родственники затребуют средства. А пока деньги должны делать деньги! Но, чтобы получать лихвенные проценты сверх разрешенных законом^[65], он уговорил членов правления не оформлять договоров займа. Проще говоря, Титус стал подпольным ростовщиком при кассе. Некоторые из руководителей были против этого. Особенно возражали двое: нотариус Миерлаук и извозопромышленник Озолин. Тут-то и появился товарищ Мартин со своими подручными. Миерлаука утопили в Пихлаусской канаве, подстроив несчастный случай. А Озолин «угорел» в собственном доме.

– За что Мартин мог убить Язепа? – спросил Лыков. – О чем они

не договорились?

– Не знаю, ваше высокоблагородие, честное слово, не знаю.

– Как мне найти товарищей?

– Мартин жил где-то возле Киш-озера. Он вообще патриот, Двину называет Даугавой. Считает, что латышская земля захвачена пришлыми: сначала немцами, а потом русскими. И тех, и других надо прогнать и установить здесь латышское государство!

– Ого, вот это размах. Он воевать собирается с Российской империей, что ли?

Кадак затараторил:

– Мартин – фанатик, ему все равно, сколько убить людей, лишь бы Латвия состоялась. Он сыплет цитатами и называет себя марксистом-националистом. Говорит, что в Риге особые условия.

– Какие еще особые условия? – возмутился сыщик.

– Это он так считает, а не я, – испугался Адо. – А особые условия в том, что здесь много заводов. И стало быть, этого... Как его?

– Пролетариата?

– Да, его. Пролетариат – класс угнетенных, он только и ждет, как бы восстать и свергнуть иго капитала. Рига может стать первым городом в России, где вспыхнет пролетарская революция. Ее-то Мартин и готовит. Он куда-то уезжал, встречался с другими товарищами. Кажется, создает партию, тайную конечно. Ищет связи с петербургскими революционерами. Там тоже много пролетариев...

– Но для чего Мартину понадобилось мутить воду в Московском форштадте? Допустим, он зарезал Титуса, а обвинил в этом Вовку Рейтара. С какой целью?

Старьевщик задумался уже всерьез.

– Ну... Мазы начнут между собой воевать... – предположил он. – Рост преступности и все такое...

– В чем тут польза для его революции?

– Только догадки, ваше высокоблагородие.

– Давай свои догадки.

– Может быть, это нечто вроде репетиции? Волнения начнутся. Вон, лесопильный завод сожгли. Армия даже стала патрулировать.

– С трудом понимаю такую логику, – признался сыщик. – Наподобие того, что чем хуже, тем лучше?

– Да. Шум пойдет по империи, что в Риге неладно. Народ недоволен, преступность захлестнула город. Власть нужно поменять, и вообще... Ну и фонды товарища Мартина вырастут на ихней революционной бирже.

– Возможно, – согласился Алексей. – Ладно, не буду тебя арестовывать. Живи, пока я добрый. Но сделай одну вещь.

– Какую?

– Сведи меня с Цвейбергом. Это ведь ты познакомил его с Язепом?

– Я.

– Вот и нас теперь познакомь.

– А ежели Теодор Оттонович не захочет?

– Передай: если не захочет, то пожалеет. Я сделаю так, что он бегом побежит со мной знакомиться, но будет уже поздно.

– Попробую, ваше высокоблагородие.

Кадак был очень рад, что страшный чиновник особых поручений не станет сажать его в тюрьму. И взамен готов был исполнить его просьбу.

– Где вас можно найти?

– Днем я веду дознание, часто бываю у Кнаута.

– А вечером?

– В гостинице «Франкфурт-на-Майне».

– Завтра, ваше высокоблагородие, я передам вам ответ Теодора Оттоновича. Сегодня уж не успею: он уехал в Венден с ночевкой.

– Видишь, в каких вы близких отношениях. Знаешь, где он и когда будет. Что, общие дела?

– Как Язепа не стало, так он начал мне кое-что поручать.

– Фальшивые коньяки разливать?

Адо смутился.

– Ну-ну, не велик грех... – похлопал его по плечу сыщик. – И хозяину передай: я мелочами не занимаюсь, пусть травит и дальше дураков мантропом и липовыми коньяками. Я ищу убийцу. И в связи с этим к Цвейбергу имеются вопросы.

Лыков вернулся в сыскную часть. Кнаута на месте не оказалось, зато был Растегаев. Он теперь помогал Алексею совершенно открыто. Сергей Петрович сообщил последнюю новость: на Московском форштадте выбрали «короля»! Им стал Савватей Шелудяков. Человек подвизался на третьих ролях и не помышлял о таком возвышении. Но двух первых похоронили, и он неожиданно вышел в вожди. У Шелудякова был соперник, Васька Клёцкин. Но тут в расклад вмешался Андрей Иванов. Могучий постовой вчера вечером схватил Ваську с поличным. Тот чистил прохожего на Кишиневской улице, а Андрей Андреич шли мимо... Ну и сидит теперь маз в следственной тюрьме, потирая отбитые бока.

– Там же еще были Зверев и Судомойкин, – проявил осведомленность питерец.

– Были и есть, – ответил надзиратель. – Но Зверев – приятель Савватею. Они вместе в армию призывались и с тех пор друг дружке помогают. Силуян с удовольствием признал верховенство товарища. А Петька Судомойкин не решился идти один против двух. И теперь в Московской части мир.

– Что за человек Шелудяков?

– Да хороший парень! Служил в гвардейском полку в Петербурге. Любит дисциплину и уважает начальство. С ним можно иметь дело.

– Хочу с ним познакомиться. Тут, Сергей Петрович, три латыша объявились, которые и зажгли весь сыр-бор на форштадте...

Алексей рассказал надзирателю все, что узнал о товарищах. Закончил он так:

– Ежели на форштадте теперь есть «король», пусть он нам поможет. Мы убьем кучу времени на поиски сопливых революционеров. А у атамана свои возможности.

– Для чего Савватею нам помогать?

– Сами же сказали: любит дисциплину. А тут бузотеры. Его положение непрочное, только-только короновали. А товарищ Мартин, похоже, специализируется на убийстве атаманов. Может и его ненароком прикончить. Интересы Шелудякова и наши здесь совпадают.

– Дело говорите, – согласился Растегаев. – Савватей по натуре жизнелюб. На тот свет не торопится.

– Где его ставка?

– Малая Лубанская, тринадцать. Трактир «Малороссия».

Новоиспеченный «король» понравился сыщику. Савватей Шелудяков оказался красивым и веселым мужчиной лет тридцати, с располагающим лицом. Одетый в армейскую гимнастическую рубаху, он сидел в кругу таких же молодцов. Увидев гостя, атаман вежливо попросил документик. Прочитал, что там написано, и стал во фрунт.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

– Садись. Разговор есть.

Шелудяков сел, но как-то особо почтительно. Чувствовалась хорошая школа гвардейского полка.

– Ты знал Язепа Титуса?

– Так точно.

– Чем с ним занимался?

– Да лошадей мы травили.

– Лошадей? – удивился сыщик. – Для чего?

– Нас нанимали извозопромышленники. Чтобы это, соперникам

подгадить.

Лыков понял. Речь шла о новом поветрии в российской преступности. Началось оно в Кременчуге и потихоньку расползлось по всей империи. Владельцы крупных извозных артелей нанимали бандитов, чтобы те портили конкурентам живой инвентарь.

– Титус тебе заказы добывал?

– Ага. Он же еще химик был. Хоть и недоучка, но соображал! И это, зелье мне вручал. Такое, знаете.

– Чтобы лошади пали?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – возмутился атаман. – Я сам в лейб-гвардии Кавалергардском полку служил. Лошадь в обиду не дам!

– Как же тогда ты заказы выполнял?

– А мы это, с ума их сводили. Ненадолго.

– То есть? Савватей, времени жалко, говори яснее.

– Так что, лошади – они ведь как люди, – терпеливо стал объяснять Шелудяков. – И тоже с ума сходят. Есть два вида помешательства...

– Знаю. Аглум и колер.

– Так точно. Аглум – это тихое. Лошадка бедная ходит по кругу с печальным видом, не обращая внимания на препятствия. А колер много хуже. Животное впадает в ярость, оно и для людей опасно, и для других лошадей. Ну мы, понятное дело, аглум разводили, жалели скотину.

– Как вы это делали?

– Язеп склянку давал, и мои ребята подмешивали ее содержимое в поилки.

– И что происходило?

– Аглум и происходил.

– Ты говорил, временно. Зачем же тому, кто вас нанимал, короткие болезни у лошадей соперников? Ему длинную подавай.

– На длинную я не соглашался, – пояснил Савватей.

– Так другого бы нашли.

– А как они найдут, если я запретил?

– Но ведь ты лишь вчера стал «королем». А до этого был обычный маз, пожиже других. И как ты мог запретить?

– Людишки слышали про мою слабость к лошадям и не перечили. Знали, что за кобылу я могу и башку оторвать. Так-то человек не злой, но за кобылу могу...

Алексей только диву давался. А Савватей продолжил:

– Там главное – выбить их на праздники. На Пасху, или когда масленичные катания. Чтобы сливки снять. Пока один стоит, второй возит.

Не зевай на брасах! Составляй капитал.

– Понятно теперь. Много денег заработали? Не обманул тебя Титус при расчете?

– Он, известное дело, мошенник был, – согласился атаман. – И меня бы обжулил, да не успел.

– Что так?

– Да неприятность у нас вышла. Траванули мы скотинку одному, Атис его фамилия. Ну ходят лошадки по кругу, грустят. Пройдет же через три дня! А он, сволочь, взял и отдал их всех на колбасу. Я, верите нет, две ночи не спал! Переживал. Из-за меня ведь животина невинная погибла. Из-за моей жадности. И перестал я этими делами заниматься. Титуса послал к такой-то матери, а гаду Атису мордарий начистил.

«Король» держал себя почтительно, рассказывал охотно. И вообще производил хорошее впечатление.

– Ладно. Скажи мне, кто Язепа зарезал?

Шелудяков пожал гвардейской ширины плечами.

– Не могу знать, ваше высокоблагородие. Баяли, что Вовка Рейтар приказал. Да только я не верю. Зачем ему?

– Правильно не веришь, Савватей. Это латыши слухи распускают, чтобы вас, мазов, лбами столкнуть.

И сыщик рассказал Шелудякову о товарищах. Заключение так:

– Они тебе враги, и мне тоже. Помоги их сыскать.

Молодец задумался.

– Так что, ваше высокоблагородие, подсобить я, конечно, могу, – решил он. – Но только на своем форштадте. Ведь ежели они латыши, то за реку побежали, и Дохлый Август своих не отдаст. А моей силы там нет.

– Разумно говоришь. Но все может случиться. И к тебе эти товарищи иногда заглядывают.

– Ухи наострю, – пообещал атаман. – В случае чего, куда вам донесение слать?

– Во «Франкфурт».

Шелудяков приказал подать чаю, и сыщик с бандитом долго дружески беседовали. Веселый малый оказался новый «король» Московского форштадта. И при этом подтянутый и ловкий. Армейские замашки так и лезли из него. Лыков предостерег Шелудякова:

– Ты осторожнее будь. Товарищ Мартин уже двух атаманов убил.

– Они сами виноваты. Не спи на посту! Пусть-ка попробует меня внезапно взять.

– А другие налетчики? Ты не опасешься подначки?

– Ежели с умом поступать, можно со всеми договориться, – благоразумно ответил Савватей. – Ты на полшага отступил – он на шаг отошел. Вот и разобрались по-хорошему. Ну а если кто захочет по-плохому, так у меня теперь «муды»^[66] много: люди Ярышкина и Рейтара ко мне перешли. Вчера от них присягу принял. Случись заварушка, по второй повестке^[67] явятся тридцать штыков!

– Ну, успехов тебе, Савватей. В случае чего не забудь уведомить.

Глава 10. Горячий след

Ночью в кабинете начальника ГЖУ полковника Прозоровского состоялось совещание. Помимо самого Прозоровского и штабс-ротмистра Кривцова, присутствовали Лыков и Таубе. Виктор подписал купчие на продажу обоих имений и мог теперь возвращаться в Петербург. Но прежде он решил ликвидировать английскую резидентуру. Терпеть ее далее не имело смысла. Подсунуть «Дюне» ложные сведения (или, как говорят британцы, дезинформацию) вряд ли получится: агенты конторы проникли на заводы и получают материалы напрямую. Спускать же такую наглость – зачем?

Жандармы пытались спорить. Им хотелось оставить «Дюну» для своих игр. Вскрытая разведывательная сеть – плохо ли? Искать никого не надо, вот они, на виду. Уедут, а на их место явятся новые, которых замучаешься разоблачать. Понаблюдаем полгода, а там решим... Но барон был неумолим. Дай вам эту сеть, сказал он, и потом не заставишь землю рыть. Начнете тянуть волынку, придумывать оперативные комбинации и приписывать их себе в заслугу. Из отчета в отчет до морковкина заговенья... Военный министр сегодня телеграфом приказал «Дюну» закрыть. Финита ля комедия!

Затем Лыков рассказал о своих открытиях. Новость, что товарищ Мартин никуда не уехал, а готовит в Риге восстание, переволновала жандармов. Они признались, что мальчишки действительно казнили одного их осведомителя. Про самого младшего, Эмиля, известно, что он и самый опасный. Чуть что – сразу стреляет. Ловкий и отчаянный. Второй, Аксель, тоже не подарок: скручивает спиралью толстую арматурную проволоку.

Договорились, что внутреннее осведомление ГЖУ будет активизировано. Товарищ Мартин создает свою партию, видимо с упором на латышей. Значит, начнется возня, собрания, конференции, доклады. Кто-то да проколется.

Совещание закрылось в полночь. А в одиннадцать утра полковник Таубе входил в помещение посреднической конторы. Навстречу ему поднялся сам директор.

– Здравствуйте, мистер Элиот, – по-английски приветствовал его барон.

Не моргнув глазом, тот ответил по-немецки:

– Ошибаетесь, любезный. Я Карл Наринг. А вы кто?

Таубе повернулся к Фрицу Клауэ и произнес:

– И мистер Мак-Мэй здесь. Чудесно!

Британцы замерли, ошарашенные. Полковник продолжил:

– Господа, шутки кончились. Я Таубе. Надеюсь, вы обо мне слышали.

Предлагаю не душить, а честно объясниться.

Наринг-Элиот упрямо тряхнул седой головой:

– Мы по-прежнему вас не понимаем.

– Хорошо. Сейчас мы вас отвезем на пристань гамбургских пароходов и посадим на один из них. В Гамбурге вас будут ждать представители германской полиции. У них непременно окажутся к вам вопросы. Но есть второй вариант. Желаете его узнать или сразу поедем?

– Ну давайте ваш второй, – осторожно произнес директор. Его помощник по-прежнему молчал, только зачем-то полез в стол.

– Вы за манлихером, что ли? – вяло поинтересовался барон. – Не глупите. На улице мои люди. Итак, на чем мы остановились?

– Что есть второй вариант, – напомнил директор.

– Да. Вы едете на пристань, только на другую, откуда пароходы уходят в Швецию. Это лучше, не правда ли?

– Мы согласны на Швецию, – быстро сообщил Наринг-Элиот. – Что для этого надо сделать?

– Сдать все тайники. Все равно мы их отыщем, только потратим некоторое время. Личные вещи заберете с собой. Как вы понимаете, мы их внимательно осмотрим, но без излишней жестокости. Вот на вас, Элиот, дорогой сюртук, он очень вам идет. Обещаю, что по шву мы его распарывать не станем, только прощупаем.

– Вы позволите один вопрос, барон?

– На чем вы попались?

– Да.

– На убийстве Язепа Титуса.

– То есть? – изумился директор. – Мы тут при чем? Не думаете ли вы, что это мы его прикончили?

– Если бы я так думал, то предложил бы вам проследовать в тюрьму за убийство российского подданного. А я отвезу вас на Гагенсбергскую пристань.

– Тогда прошу пояснить...

– Хорошо, Александр. Я уважаю вас как профессионала и понимаю ваш интерес. У Титуса есть брат. Он живет в глухой провинции и занимается лесом. Насильственная смерть Язепа возмутила его, и он начал собственное дознание.

- Допустим. Но «Дюна»? Как вы ее раскрыли?
- Убитый был одним из ваших агентов.
- Ну и что? Ведь человек, как вы сказали, вел частное дознание. Значит, ему никто не помогал, никакие ваши специальные службы.
- Первое время да. Но он сумел ночью проникнуть в помещение конторы. Увидел манлихер со светящейся мушкой... Кстати, Мак-Мэй, я заберу его у вас на память. Еще кольца с военно-почтовых голубей. Для чего вы их оставили, господа? Это было неосторожно. Короче говоря, младший Титус догадался, что имеет дело со шпионами и обратился ко мне. Да вы его знаете! Тот милый рыжеволосый воришка с порохового завода. Которого вы отправили в фирму «Селлие и Белло» красть капсули.
- Понятно... Благодарю вас, Виктор, за разъяснение.
- Ну вот и имя мое вспомнили! Давайте, выкладывайте все на столы, будем принимать дела.

Примерно в это же время у Лыкова тоже состоялась важная встреча. Она прошла в ресторане Сороко на Елизаветинской улице, напротив Верманского парка. Время было удобное: завтрак уже закончился, а обед еще не начался, поэтому в зале никого не было.

Цвейберг оказался похож на покойного государя Александра Третьего: такая же лысина, и апостольская борода в придачу. Но взгляд совсем другой. Взгляд очень умного и уверенного в себе человека.

Начал немец холодно:

– Я сделал исключение из правил и назначил вам встречу, которую не планировал. Кадак сказал, что вы позволили себе угрозы в мой адрес, если не приду. Так?

– Мне нужно было переговорить с вами, – спокойно ответил сыщик. – И я добился бы этого любой ценой.

– Даже так? Какой, к примеру?

– Ну, вас привели бы в полицейское управление на допрос.

– По какому поводу?

– Ха! Повод так легко придумать, Теодор Оттонович.

– Вы наглец. Видимо, вам плохо объяснили, кто я в этом городе.

– Почему плохо? Хорошо объяснили. Вы в Риге преступник номер один.

Цвейберг от возмущения потерял дар речи. Потом сделал вид, что встает и хочет уйти. Лыков смотрел на него и усмехался.

– Вы намерены-таки беседовать в полиции? Здесь же удобнее.

– Я... мы...

– Повторю то, что я сказал Кадаку. Меня не интересуют ваши проделки с мантропом, скупкой краденого и фальшивым коньяком. Я ищу убийцу Язепа Титуса. А когда я ищу убийцу, со мной лучше сотрудничать, а не бороться.

– А то что?

– Да плохо будет тому, кто мешает дознанию.

– Опять угрожаете?

– Даже не начинал. Учтите, если я рассержусь на вас всерьез, то могу раздавить. Как червяка. По правде сказать, вы давно это заслужили. Так что лучше не злите меня, а помогите.

– Да чем, черт вас дерит?!

– Я ищу так называемых товарищей, которые нанизали Титуса на нож. Знаете их?

– Понятия не имею, о ком вы говорите.

– Поехали дальше. Что вас связывало с Язепом?

– Почему я должен вам отвечать?

– Это в ваших же интересах, Теодор Оттонович. Иначе вы можете понести невосполнимые потери.

– Что вы называете невосполнимыми потерями?

– Ну, когда поплывете на Сахалин, поймете.

– Так. Мне это надоело.

– Давно бы ответили на мои вопросы и вернулись к своим грязным делишкам.

Цвейберг внезапно успокоился. Он откинулся на спинку стула, раскурил дорогую сигару и благодушно сказал:

– Знали бы вы, надворный советник, с кем в паре я, к примеру, разбавляю коньяки.

– Так скажите.

– Учтите, что в случае чего я всегда откажусь от своих слов.

– Даже не сомневаюсь в этом!

– Так вот, Лыков. Моим партнером по коньякам является сам барон Мейендорф.

– Я путаюсь в ваших баронах, их тут как собак нерезаных. Кто такой этот Мейендорф?

– Предводитель лифляндского дворянства и камергер. Очень влиятельный человек при дворе.

– Ну и что?

– А то, что я сообщу ему о ваших угрозах. Вылетите со службы в два счета!

Лыков начал размышлять вслух:

– Ну нажалуется ваш партнер директору департамента. Зволянский мне приятель, он зла не причинит. Участь мою станет решать министр. Так... Иван Логгинович – опытный царедворец. Умнейший человек! Не исключаю, что при сильном нажиме он не захочет ссориться из-за меня с крупными фигурами. Тогда возможно все, даже моя отставка.

– Вот видите!

Сыщик развел руками.

– Я, знаете, взял за женой имение. Очень большое имение, самое богатое в Костромской губернии. Нефедьевка – не слышали?

– Нет.

– Хорошее имение... Лесу там много. Буду им управлять, умножать капиталы.

Цвейберг был озадачен. Чем же напугать наглого сыщика?

– Хорошо. Чего вы от меня хотите?

– Честных ответов на свои вопросы. Они касаются не вас, а лишь покойного Титуса. Повторяю, что вы меня в настоящее время не интересуете.

– Давайте попробуем, – скептически предложил «иван».

– Вопрос первый: на какую сумму Язеп вас обокрал?

– Следующий вопрос.

– Хм. Так мы далеко не продвинемся. Второй вопрос: это он познакомил вас с боевиками? Мартин выполнял ваши поручения? Какие?

– Вы, Лыков, не в то место пальцем тыкаете. Кто же говорит полицейскому чиновнику такие вещи? Потом сами и потянете за эту веревочку. Нашли дурака!

Сыщик понял, что разговор не получился. Уже без надежды на ответ он задал последний вопрос:

– Это вы наняли Кристлиба отыскать трактир, который купил на чужое имя Титус?

Цвейберг встал, махнул рукой. Откуда-то появился мужчина в черной двойке, с необъятной ширины плечами.

– Проводи меня до коляски.

Ткнул пальцем в Лыкова:

– Этого ко мне не впускать. Никогда.

Охранник внимательно поглядел на сыщика, молча кивнул и вывел шефа на улицу. Лыков остался расплатиться за кофе.

– Вот скотина, – сказал он вслух, вполголоса. – Даже полтинник пожалел. Что, сыщик вора должен угощать? Ну я тебе это припомню...

Прямо из ресторана Алексей отправился в сыскную часть. Там Кнаут проводил очередное опознание вещей, отобранных у барыг. На этот раз оказалось много столового серебра. Рядом лежали кольца с камнями, золотая брошь и пара янтарных мундштуков. Были и дешевые предметы. Потертое порт-монэ из целлулоида с красной полуатласной подкладкой странно смотрелось в этой компании...

– Александр Иванович, я встречался сейчас с Цвейбергом, и тот отказался отвечать на мои вопросы.

Коллежский ассессор насторожился и молча ждал продолжения. Лыков тоже ждал, что скажет главный городской сыщик. Не услышав ответной реплики, он продолжил:

– Помогите мне взять его за выю.

– Выю? Что это?

– Ну за шею.

– Каким образом?

– Вы местный, вам виднее. Где Цвейберг держит мантроп? Давайте разорим этот завод. Где он коньяки фальшивые разливает? У полиции есть множество способов сделать Теодора Оттоновича сговорчивым.

– Тут я вам не помощник, – отрезал Кнаут. – Прусского подданного арестовать! Больше скажу: никто в городе шагу не ступит в эту сторону. А один вы ничего не сумеете.

– Почему?

– Цвейберг давно уже неприкасаемый. И потом, с его-то паспортом... Вы что, не поняли еще? В Риге так!

Лыков молча повернулся и вышел. Ишь, неприкасаемый. Что с того, что он немец? Кнаут тоже немец. Неужели в этом дело? Безобразие...

Надворный советник пытался добиться нужных ему сведений от Растегаева. Но тот, узнав, что задумал питерец, лишь замахал руками:

– Да вы что? Меня потом живьем съедят! Увольте, Алексей Николаевич. Бодаться с самим Цвейбергом я не стану и вам не советую.

– Но тогда мы не сможем найти революционеров, – попробовал объяснить Алексей. – Петербургским форштадтом правит Теодор Оттонович. А Митавским – Дохлый Август. Половина Риги нам недоступна. Если латыши прячутся там, они в безопасности.

– Пусть. Но шкуру жалко, она у меня одна.

Плюнув, сыщик пошел искать Никифорова. Вот кто ему поможет: у Александра Лукича свои счета с немцем. Но отставной надзиратель тоже отказал в советах:

– Вы уедете, а мне здесь жить. Цвейберг неподвластен закону. Как вы

его прижмете? Сам он чист, как альпийский снег. Адвокаты его – лучшие в городе. Полицейское начальство боится Теодора Оттоновича. А может, и ест с его ладони.

Лыков вернулся в номер и стал думать. Как вести дознание дальше? Трое убийц где-то в Риге. Лишь на Московском форштадте их возьмут в оборот. А в других частях города укроют. В чем его, Лыкова, ошибка? Почему Цвейберг отказался выдать латышей? Видимо, он повязан с ними кровью. Испугался, что сдаст их полиции, а те в отместку расскажут такое, что пруссаку крышка.

Значит, Цвейберг ему не союзник ни при каком раскладе. Более того, он же скорее всего и прячет боевиков. Мало ли у него возможностей? Потайные убежища, притоны, подпольные заводы. Сидят сейчас три негодяя где-нибудь на отдаленной мызе, где их никогда не найти. Цвейберг ездил вчера в Венден. Что там? Склад эфира или мастерская по перешиву краденого платья? Неизвестно. Можно было бы приставить филера к Адо Кадаку. Тот близкий человек к «ивану», и за неделю слежки, вероятно, Лыков узнал бы много интересного. Но кто станет следить? Кнаут не даст человека.

Тут дверь отлетела, и в комнату ворвался радостный Титус.

– Воды! – крикнул он. – Скорее горячей воды.

– Яша, что случилось?

– Виктор Рейнгольдович отпустил меня.

– А «Дюна»?

– Закрылась. Ребята отплыли в Швецию, их решили не арестовывать.

Ну дай же быстрее воды! Надоело ходить в рыжих.

– Отставить! – рявкнул сыщик. – Ты свободен? Так это очень кстати. Оставайся-ка мошенником Гулбисом. У тебя, кстати, так здорово получается эта роль, что я в сомнении... Куда утекает мой лес из Нефедьевки, а? Почему выручка маленькая?

Титус в отчаянии сел:

– Что, я опять Гулбис?

– Яша, так надо. Смотри, что происходит. Мы совсем не наблюдаем Митавский форштадт. А если эти товарищи там? Они латыши, Дохлый Август латыш. И ты по случаю тоже. Надо как-то приблизиться к мазу и разузнать.

– Товарищи? Ты о ком? Леша, я ведь отстал от дознания. Давай, рассказывай.

Алексей изложил другу свои открытия. Ясно, что Язепа убили боевики товарища Мартина. За что – пока не установлено, но это их рук дело.

Убийцы – латыши и как-то связаны с «освободительным» движением. Хоть Язеп и одной с ними национальности, его не пощадили. А потом использовали смерть жулика для того, чтобы столкнуть лбами атаманов. И теперь трех боевиков надо найти. Приметы их известны только в самых общих чертах. Ни Цвейберг, ни Дохлый Август не выдадут латышей. Как быть?

Титус задумался.

– Леш, ты зря посылаешь меня в Задвинье. Что мне там делать? – спросил он наконец.

– Подобраться к Кристлибу.

– Да у меня недели на это уйдут. Недели! Только чтобы встретиться и поговорить. Ты решил, что нас теперь двое и мы горы своротим? Ошибаешься. Без местных сил никуда.

– Вот еще! Мы с тобой столько дознали, сколько Кнаут и мечтать не мог. Он давеча каялся, прощения у меня просил.

– Ну и что? Часть дознали, а конца не видно.

– Хорошо. Твои предложения?

– Напасть на Митавский форштадт заодно с полицией. Август не Цвейберг, его они не боятся. Так?

– Вроде так.

– Вот и будем бить врагов по одиночке. Про немца на время забудем: наблюдение к нему приставить не удастся. Лучше думай про Дохлого Августа. Как подобраться к нему? Тут действительно я могу пригодиться, именно в роли Гулбиса. Но надо замыслить ход. Сильный ход. Чтобы маз сам стал искать встречи со мной. Без Кнаута и Растегаева мы его не придумаем. И еще.

– Что еще? – наострил уши Лыков.

– Этот товарищ Эмиль. Он железнодорожник, и ему семнадцать-восемнадцать лет. Больше ничего о нем не известно?

– Нет. Разве что волосы черные...

– Надо найти парня.

– Как, Яша? Мы с Кнаутом уже голову сломали. Тут в Риге из железнодорожников можно дивизию формировать. Десять тысяч человек носят такие шинели.

– Эмиль по возрасту должен быть учеником.

– Да... – согласился надворный советник. – Это сужает круг поисков, но он все равно остается огромным. Те же недели уйдут. Мы в лицо его не знаем. Черненький. Мало ли там черненьких? Да и как их всех просмотреть?

– В день выдачи жалования.

– Поясни.

– Раз в месяц все служащие приходят в кассу и встают в очередь, – стал рассуждать Яан. – Очень удобно – бегать за ними не надо. Подсадим в кассу агента.

– Но сколько в Риге будет таких очередей? Двадцать? Тридцать?

– Сколько больших отделений, столько и очередей.

Лыков начал загибать пальцы:

– Четыре железные дороги. При каждой депо. Еще станции и вокзалы. Два вагоностроительных завода. Много получается.

– У Кнаута восемь надзирателей, вот пусть они этим и займутся. Агент сидит возле кассира, например, в роли его помощника. И наблюдает за подходящими лицами. Фамилию сразу можно установить по платежной ведомости. Там наберется двадцать-тридцать подозреваемых, вряд ли больше. С этим уже можно работать.

Идея Титуса звучала убедительно. Сыщик и лесопромышленник поехали в управление полиции. Кнаута долго убеждать не пришлось. Он понимал, что трое опасных убийц ходят по городу. И на его совести лежит поймать их. Лучше заниматься боевиками, чем Цвейбергом. И коллежский асессор согласился взять кассы в разработку.

Вторым вопросом стало, как использовать Титуса. Убедительный типаж. Живет в Риге уже несколько недель, легенда прошла проверку. Вот только для чего хозяину Митавского форштадта может понадобиться Юрис Гулбис?

Здесь и пригодились местные сыщики и их знание обстановки. Растегаев предложил:

– Пусть Яан Францевич прикинется мошенником по финансовой части. Кристлиб как раз ищет такого.

И пояснил, для чего. Оказывается, в остзейских губерниях очень популярна Прусская королевская лотерея. В России она запрещена, но это не мешает прибалтийским жителям участвовать в ежеквартальных розыгрышах. Для лотерей нужен местный распорядитель. Устроители платят ему до двадцати процентов от сборов за организацию продаж. Обычно в Риге таким распорядителем был немец, кто-то из подручных Цвейберга. Но сейчас Дохлый Август заинтересовался лотереей и хочет подгрести ее под себя. А место для лотерейной конторы он выбрал козырное, возле Красных амбаров. То есть дерзкий латыш решил залезть сразу на две чужих делянки! Отобрать куш у немцев, используя для этого плацдарм на русском форштадте.

Заведя речь о лотерее, Сергей Петрович кстати рассказал свежий анекдот. Восьмого мая состоялся розыгрыш призов семнадцатого тиража пятипроцентных закладных листов Государственного Дворянского земельного банка. И кухарка одного из семейств, живущего в доме Геккера на Известковой улице, выиграла 75 000 рублей. Почтенная женщина очень обрадовалась. Немка по паспорту, она решила после такого счастья вернуться на родину и зажить там обеспеченным человеком. Но вчера к ней явились громилы от Цвейберга и предложили отдать 5 000 добрым людям «на содержание приюта для бедных». Перепуганная кухарка обратилась за защитой в полицию. А пристав первого участка Россман посоветовал ей снять деньги и ночью тайно бежать из Риги! Пока не поздно...

У Кнаута задергалось лицо, и он заявил, что сыскное отделение не даст женщину в обиду. В Риге есть еще закон, и даже Цвейбергу не все дозволено. Лыков выразил готовность переговорить с губернатором. Но главный сыщик замахал руками:

– Нет-нет, я сам справлюсь! А то все подобные беседы отзываются потом на моей шее.

Мысль Растегаева подвести Яана к латышам под видом жуликоватого финансиста понравилась начальству. Но как это сделать? Кнаут вызвал надзирателя Жведриса, отвечающего за Митавскую часть. Тот долго морщил лоб, потом предложил следующее. Дохлый Август действительно арендовал помещение в Красных амбарах. Там спрячут контору, распространяющую прусские лотерейные билеты. Околоточному Федоту Воронько уже обещали барашка в бумажке, и он закроет на это глаза. Но самый нужный для успеха человек на днях попал в больницу. Некто Йонатс, определенный мазом к лотерее, получил сильный ушиб головы. Перепрыгивал выпимши через ломовика да и шваркнулся о мостовую. Вот такие у Августа финансисты! И теперь он спешно ищет замену прыгуну, кляня его скверноматерными словами. Через неделю начнется продажа билетов следующего розыгрыша, а деловика нет.

– Очень хорошо, – прервал надзирателя начальник. – Но как подвести-то? С улицы Яану Францевичу прийти? Без рекомендаций даже не примет.

– У Дохлого Августа есть правая рука – некто Франц Тулейко, – добросовестно подсказал Жведрис.

– Это которого мы в том году отпустили за недоказанностью? – зло поинтересовался коллежский асессор.

– Тот самый. Верткий, собака! Что немец... Ой! Александр Иваныч! Я другое имел в виду...

– Продолжай, чего там.

– Этому Тулейко и поручено сыскать нужного человека. Он вчера пытался сманить кассира из Кредитного общества домовладельцев. Тот побоялся, не пошел.

– Ясно. Что ты предлагаешь?

– Тулейко по утрам заседает в ресторации Церпина на Митавском шоссе, двадцать три. Официант там есть, Петер. Он мой освед. Петер и подведет господина Титуса как своего знакомого. Рожа у него... Ой! лицо, то есть, подходящее. Так и хочется при нем... при вас, значит, Ян Францевич, карман проверить.

На том и порешили. Сыскные начали готовить Титуса к новой роли. А Лыков пошел в Замок. Он собирался заручиться поддержкой Суровцева в предстоящей борьбе с Цвейбергом. Но оказалось, что Владимир Дмитриевич спешно уехал на Кавказ, догуливать прерванный отпуск. Так Алексей остался без прикрытия.

А вечером того же дня его чуть не убили. Причем в центре Старого города, на виду у прохожих. Сыщик шел по Большой Конной улице. Навстречу ему двигался молодой человек, крепкий, румяный, со светлыми волосами, торчавшими из-под картуза. Одетый в куртку на вате. На кого он смахивает по приметам, задумался Алексей. И вдруг заметил, что левую руку парень сложил в горсть и что-то в ней прячет. Знакомый номер! Так гайменники держат наготове табак, чтобы бросить его в глаза жертве. Он успел зажмуриться и отшатнуться одновременно. Развернулся, и вовремя: белобрысый уже бил его ножом, целя в живот. Лыков сделал шаг назад и сильно ударил кулаком сверху по руке, держащей нож. Клинок упал на мостовую. Нападавший растерялся.

– Сдавайся, Аксель, сукин сын! – крикнул Лыков.

Тут боковым зрением сыщик увидел справа фигуру в черной шинели. Инстинктивно он отпрянул назад. Раздался выстрел, и пуля пролетела между ним и Акселем.

Не мешкая ни секунды, Лыков кинулся в ближайшую дверь. Это оказалась мелочная лавка. С сильно бьющимся сердцем сыщик вынул револьвер и взвел курок. Руки противно дрожали. Два щенка так напугали его? Да он их сейчас! Но выходить на улицу не хотелось. Лишь через минуту питерец усилием воли заставил себя высунуться наружу. Там было уже пусто.

Покушение на чиновника особых поручений Департамента полиции стало чрезвычайным происшествием. О нем ничего не написали в «Ведомостях Рижской городской полиции», но власти отреагировали мгновенно. Ночью была проведена облава, самая масштабная с минувшего

Рождества. Наряды городских, возглавляемые сыскными надзирателями, разошлись по окраинам. Обшарили все известные притоны, заезжие и ночлежные дома, сады, чайные бараки, кладбища и прилегающие леса. Снова отличился Растегаев. Он схватил двух дезертиров 178-го резервного пехотного Изборского полка. Парни сбежали с казенными вещами и прятались в лесу Кайзервальд. Сдались они лишь после того, как Сергей Петрович прострелил одному из них ляжку. Но латышей отыскать не удалось.

Утром Лыков и Кнаут сидели друг напротив друга с одинаково красными глазами.

– Как же вы спаслись? – не выдержал пристав.

– Вовремя заметил сжатую руку.

– Какую руку?

Алексей объяснил.

– А Эмиль, значит, в это время заходил вам за спину?

– Да.

– Это же... никаких шансов!

– Да, ребята шустрые не по годам. Зато сейчас я знаю товарища Акселя в лицо. Товарища Эмиля, каюсь, не успел разглядеть.

Надворный советник ерничал, но ему было не до смеха. Боевики первыми нанесли удар. Лишь везение и опыт помогли сыщику спастись.

– Что намерены делать? – спросил Кнаут.

– Черт его знает, – честно ответил Алексей. – Все мои возможности исчерпаны. Буду ждать. Или Титус проникнет в Митавский форштадт и обнаружит там боевиков. Или, что вернее, жандармы разузнают.

– Насчет жандармов я не понял.

– Это не моя тайна, Александр Иванович, а секретной полиции, – вынужден был оправдываться сыщик. – Товарищ Мартин создает какую-то партию. Значит, будут собрания, сходки и прочая возня. Авось что-то и откроется.

Кнаут обиделся, что ему не рассказали о деятельности жандармского управления. Но промолчал. А Лыков отправился на Московский форштадт. Он решил еще раз обшарить его с помощью отставного гвардейца Шелудякова. Уж очень интересные дела там творились.

Московский форштадт – особенное место. Он только с виду русский. В действительности здесь сильные позиции и у латышей, и у евреев. Вон Дохлый Август залез чуть не в Гостиный двор, и никто с него за это скальп не снимает. На форштадте сходятся многие нити, пересекаются деловые интересы. Глядишь, и у Цвейберга тут отыщется уголок.

Лыков встретился с Савватеем по-дружески. Тот уже знал, что надворного советника чуть не убили, и пригласил его... в баню. Смыть страх. Питерец согласился. В номере, конечно, была ванна, но по русской парной он соскучился.

Сыщик с уголовным приехали в баню Бондау на Витебской и засели в дворянском номере. Шелудяков пил пиво с квасом, Алексей налегал на водочку. Мужчины разговорились. Бывший кавалергард рассказал о службе, о том, как после нее попал в налетчики. Чего только не вытворяет с людьми жизнь... Из приличного, в общем-то, человека мог выйти конюх или фурман. Или даже извозопромышленник. Но на улицах вокруг него каждый день шла война. Людей резали, грабили, обворовывали, спаивали. Выбирай срочно, кем ты станешь: палачом или жертвой? И сильный характер направил образцового гвардейца в палачи.

Лыков расспросил «короля» о Цвейберге. Тот не сказал ничего важного. Да, есть такой немец. Хочешь не хочешь, с ним придется уживаться. Даже в сердце русского посада Цвейбергу принадлежат лучший магазин готового платья и самая большая касса ссуд. Трудно сбывать краденое, не вступая в сделку с Теодором Оттоновичем. А извозчицьи трактиры? Золотое дно, но и здесь приходится делиться. Здесь-то зачем, удивился сыщик. Бандит объяснил.

Согласно Положению о трактирном промысле, раздробительная торговля крепкими напитками разрешена с семи часов утра. Нетерпеливые люди приходят уже к пяти. А фурманы вообще никогда не спят! Они или возят пассажиров, или пьянствуют, причем всю ночь, к удовольствию целовальника. По тому же Положению, в одиннадцать часов вечера трактиры должны закрываться. Полицмейстер разрешил ночным извозчикам пользоваться лишь чайными заведениями Общества для устройства дешевых чайных и столовых. Но там не подают водку! Поэтому фурманы набиваются в трактир и в одиннадцать часов запираются изнутри. А лошадей и пролетки прячут в соседних дворах, платя их хозяевам две копейки в час. Если за это время кобылу надо напоить, цена повышается. А в запертых трактирах идет повальное пьянство и дикая игра на биллиарде. Тут владельцы заведений и наваривают основной доход.

Обо всех этих проделках, конечно, знают околоточные. Без их согласия ничего подобного быть не может. И тут-то приходит на выручку всемогущий Цвейберг. У него действительно лапа в полицейском управлении. Если надзиратель попался начальству, его полагается уволить. Но Теодор может договориться, что бедолагу поставят на стойку вместо городского на четыре дежурства. После чего прощают и оставляют

на службе. В итоге все довольны, включая вороватых околоточных.

Алексей внимательно выслушал уголовного и понял, что с Цвейбергом ему в самом деле не совладать. Расклад сил такой, что «иван» нужен всем. Сдвинешь эту конструкцию, и станет только хуже.

Кроме того, отъезд губернатора лишил Лыкова козырей. Полицмейстер Войтов – пустое место. Кнаут боится. Департамент полиции далеко и в рижские дела соваться не станет. Может, и к лучшему, что Теодор Оттонович неуязвим? Ведь его угрозы были сделаны всерьез, а немцы традиционно сильны при дворе. Неохота вылететь в отставку. Конечно, сыщик понимал, что ответственный человек не должен грозить впустую. Уж если обещал, то обязан сделать. А он? Сказал, что раздавит, как червяка, отправит на Сахалин. Трепач. Глупо получилось...

Затем питерец перешел мыслями к Риге. Товарищ Мартин выбрал подходящий город для своих кровавых экспериментов. Только здесь, наверное, так остро сошлись национальные противоречия. Русские не любят латышей и евреев. Латыши – евреев и русских. Евреи не любят никого. Все вместе они ненавидят немцев. А немцы их поголовно презирают. Когда-нибудь это грохнет так, что мало не покажется...

Лыков размышлял над этим, возвращаясь к себе. Ему вдруг захотелось пройтись пешком. Возможно, из-за выпитой водки. Со всех сторон полицейского охраняли солдаты Шелудякова. Четверо битюгов встали в каре и сопровождали сыщика до гостиницы. Говорят, так ходил Наполеон... В вестибюле Алексей выдал им трешницу и поблагодарил. Ребята гурьбой отправились в буфет, а он поднялся в номер. У самой двери достал из кармана сыскной смит-вессон, взвел курок и осторожно просунул голову внутрь.

В номере никого не оказалось.

Глава 11. Конец истории

Несколько дней ничего не происходило. Латыши как сквозь землю провалились. Полиция ослабила нажим. Сколько можно нестись рысью? Рано или поздно перейдешь на шаг. Титус сообщил через официанта, что встретился с Дохлым Августом. Тот думает, а скорее всего, проверяет.

Вдруг утром, как однажды уже было, в номер влетел Ян и опять потребовал горячей воды. Алексей смотрел на него с изумлением, ожидая пояснений.

– Все, – сказал лифляндец. – Я больше не рыжий! На этот раз окончательно.

– Что так?

– Сыщики взяли Августа с поличным.

– Маза – с поличным? – изумился Лыков. – Он сам на грабеж пошел?

– Нет, все вышло гораздо смешнее.

И Титус рассказал историю падения хозяина Задвинья.

После договора с Францией в русской армии началось странное поветрие. Наши полки стали дружить с однономерными французскими полками. Стоящий в Риге 115-й Вяземский полк сделался побратимом 115-го полка французской пехоты. На прошлой неделе все местные газеты написали о том, что галлы прислали сюда большой и красивый альбом. В нем были фотокарточки командира и офицеров полка. Французский консул барон де Белиссен-Бенак торжественно вручил его вяземцам. И вот этот альбом украли.

Военные обиделись и нажаловались вице-губернатору Булыгину. Тот, человек резкий, поставил на уши полицию. И люди Кнаута быстро разыскали ловкача, стащившего французский подарок. А тот привел их к Августу. Оказалось, что мазу приглянулся сам альбом: в дорогой коже, с серебряными застежками. И он забрал добычу себе.

Когда сыскные ворвались в дом, бювар лежал на видном месте. А рядом валялись порванные карточки французов. После этого отпираться было уже невозможно. Купил, мол, пустой альбом у неизвестного... В итоге вяземцы страдают: не просить же побратимов снова сфотографироваться, поскольку в Риге столько воров. Сыщики тоже злые: не успели предотвратить кощунство. А хозяин Задвинья сидит в съезжем доме Митавской части. Ему светит три месяца тюрьмы. На левом берегу Двины намечается временная анархия.

Алексей сначала расстроился. Цвейберга не ухватить, а теперь еще и за рекой нету начальника. И боевикам сплошная лафа. Титус даже предложил уехать домой. Что они могут сделать? Все, что было в их силах, уже предприняли. Шпионов турнули, родина когда-нибудь скажет им за это спасибо. А свое шкурное дело не осилили.

Но Лыков лишь посмеялся:

– Спокойно, Яша. Уже июнь. Рукавицын без тебя или вытянул сплав, или провалил. В любом случае, это уже свершилось, пока ты в рыжих ходил. Теперь сиди и жди.

– Чего ждать?

– Забыл закон сыщика? Жди удачи! Случая.

И случай действительно произошел. Через день после легализации Титуса в номер к Лыкову постучали. Коридорный принес карточку: некий граф Альвенлебен просил принять его. Заинтригованный сыщик велел звать.

Вошел незнакомый человек, плешивый и робкий. Он сказал:

– Господин Лыков, прошу меня простить. Я только парламентар.

– От Теодора Оттоновича, что ли? – сразу догадался надворный советник.

– Именно так. Он очень извиняется за свое неразумное поведение. Просит о милости. И об откровенном разговоре.

– Вот как? Что случилось, раз он переменял свою линию?

– У Цвейберга убили телохранителя, – лаконично пояснил граф.

– Теперь понятно. Где он?

– Сидит внизу в ресторане и ждет вас. Если, конечно, вам удобно.

– Мне удобно, – сказал сыщик. – Сообщите ему, что я сейчас спущусь.

Цвейберг вовсе не выглядел напуганным, как ожидал Алексей. Скорее удрученным. Он начал с извинений, а потом сразу заговорил о погибшем охраннике:

– Вы его наверняка помните. Галлер – бывший цирковой борец, сильный и смелый человек. У меня никогда до сей поры не было никакой стражи. Зачем? Это главари шаек, люди малокультурные и кровавые по натуре, держат ее. А я не бандит, я коммерсант.

Здесь немец сделал паузу. Видимо, ожидал возражений. Но Лыков не сказал ни слова.

– Однако в последнее время все изменилось, – вздохнул «коммерсант». – Появились новые люди. Те, о которых вы спрашивали.

– Это они убили вашего телохранителя?

– Да.

– Я еще не был в управлении и не читал сводку происшествий. Расскажите, как все случилось.

Цвейберг опять вздохнул.

– Вчера ночью я возвращался с делового ужина домой, – начал он. – Шел мимо Шнекенберга. По-вашему это Бастионная горка. Галлер был впереди. Вдруг крикнул: «Бегите!» Вижу, он держит кого-то за горло. А второй тычет в него ножом. Раз за разом. Понимаете? Тычет и тычет... Вынимает нож и снова... Галлер ревет, как медведь, но не отпускает первого. Ну я и побежал.

Мужчины помолчали.

– Он честно выполнил свою часть контракта. А я теперь выполняю свою: обеспечу его мать и жену. По гроб. Но человек умер, защищая меня. Конечно, так было записано в условиях, однако это чрезмерная плата. Я хочу отомстить за смерть Галлера.

– А заодно избавиться от угрозы нашими руками, – добавил сыщик.

– Думайте, как вам угодно. Я понимаю, вы обижены за тот разговор.

– Обижен? Нет, я уже привык, что преступники уклоняются от ответов. Но Галлер погиб из-за вашего упрямства. Сильный и смелый человек, который до конца выполнил условия контракта.

– Я признаю свою вину, господин Лыков. И готов, пусть с запозданием, искупить ее. Что же до моей совести, до моих отношений со Всевышним, – а смерть Галлера, конечно, навсегда омрачит мою совесть, – то вас это уже не касается. Стыдить меня не надо.

– Хорошо. Начнем искупать вину прямо сейчас. Язеп Титус украл у вас деньги? Сколько?

– Да, негодяй действительно обворовал меня. Похитил двадцать три тысячи... примерно.

– Вы наняли Дохлого Августа, чтобы тот отыскал покражу?

– Это правда. Язеп купил трактир на мои средства, через подставное лицо. Где-то в Митавской части. Август за десять процентов подрядился найти его.

– Зачем вы решили его отыскать?

«Иван» пожал плечами:

– Чтобы вернуть актив, зачем же еще.

– А если тот владелец не захочет отдавать? Все оформлено законно.

– Куда он денется, – сказал Цвейберг таким тоном, что стало ясно: деваться хозяину некуда. Ай да «коммерсант»...

– Август успел найти заведение?

– Перед самым арестом. Оно находится в Зябличьем переулке.

Мой поверенный уже был там. Начат процесс оформления дарственной.

– Здесь понятно. Переходим к боевикам. Это вы заказали им убийство Титуса?

– Нет, что вы!

– Двадцать три тысячи – большая сумма. Язеп многих обманул в городе, но по мелочам. И все говорили одно и то же: за такое не убивают. У вас к нему самый серьезный счет.

– Мне важно вернуть деньги, а негодяя и без меня накажут. Уже наказали.

– Кто?

– Всевышний, чьими-то руками. Он всегда найдет, чьими.

– Но не вашими, – поддел сыщик.

– Я практически никогда не отнимаю у людей жизнь, – предельно серьезно ответил «иван». – Хотя в моей среде это считается признаком слабости. А быть слабым в Риге небезопасно.

– Хорошо. Но вы ведь знакомы с этими товарищами?

– Увы, да.

– Вас свел Язеп, для которого они вершили всякие кровавые дела. Так?

– Увы, да.

– Что вы им поручали от себя?

– Ничего, – ответил Цвейберг. – Честное слово, ничего! Они такие были непонятные, дикие. Сначала я не принял товарища Мартина всерьез. Он явился с апломбом, как равный к равному. И потребовал две вещи: денег на революцию и – не поверите – уменьшения германского влияния в крае. Я посмеялся, но денег дал.

– Дали? Сколько?

– Тысячу марок.

– Почему? – уточнил надворный советник. – Вряд ли вы испугались.

– Вообще-то они страшные, – помедлив, пояснил немец. – Эти два молодых волчонка только на вид смешные. А так уже давно настоящие волки. Денег я им дал после того, как они убили Говорухина.

– Надзирателя сыского отделения? – опешил Лыков.

– Да. Он был мой человек в полиции. Вернее, один из моих людей... После ухода товарища Мартина, выдвинувшего столь странные требования, я послал Говорухина выследить эту компанию. И доложить, кто они такие. А товарищи его зарезали. Казнь полицейского – невозможная вещь в Риге! Такого здесь никогда не было. А этим хоть бы что. У меня сдали нервы, я решил откупиться.

– Во всей России это невозможная вещь. Была невозможной.

Но времена меняются, и в худшую сторону.

В разговоре опять повисла пауза. Лыков подозвал официанта и заказал чаю. Когда тот ушел, он спросил:

– Почему же вы промолчали о них, когда я пришел к вам? По вашим словам, вы с боевиками ничем не связаны, даже опасались их... Вот и отдали бы негодяев мне.

– Я несколько раз встречался с товарищем Мартином. Любопытный тип... Ну и передавал ему деньги «на революцию». Хотя, кажется, он тратил их на рестораны. В общей сложности вожак получил от меня около пяти тысяч рублей.

– Ну и что?

– Я не хотел, чтобы власти узнали об этих... суммах. А при аресте и на следствии все бы раскрылось. Понимаете, я много лет выстраивал отношения со здешними важными людьми. С городским головой, предводителем дворянства, губернатором, полицмейстерами. Сложился миф о всесилии Цвейберга, о его неуязвимости. И вдруг выясняется, что он со страху откупался от двух мальчишек и бывшего студента.

– С трудом готов в это поверить, – сдержанно сказал надворный советник. – Учтите, если окажется, что боевики выполняли для вас кровавую работу, никакие связи не помогут вам проехать мимо Сахалина.

– Клянусь, Алексей Николаевич! Вы позволите так вас называть?

– Валяйте.

– Клянусь, я говорю вам правду.

– Тогда за что волчата решили вас убить? Кто же режет курицу, несущую золотые яйца?

– Я отказал товарищу Мартину в последней встрече, взял телохранителя и перестал впускать домой случайных людей. Словом, принял меры.

– За это не убивают.

– Нормальные люди – да, – парировал Цвейберг. – Но эти-то ненормальные!

– Расскажите мне про них все, что знаете.

– Мартин – настоящий людоед. Он называет себя социал-демократом, но, по-моему, ближе к анархистам. Все отнять и поделить поровну! Исключительно между теми, кто трудится руками. Те, кто зарабатывают головой, такие как я, – это паразиты. Их надо лишить собственности, если не жизни.

– А волчата?

– Смотрят ему в рот. Мартин хотя бы прочитал с десятков книг.

А мальчишки у него в полном подчинении. Верят, как богу. И объясняют все сложности общества классовой борьбой. Такое вульгарное, глупое толкование упрощает им, конечно, жизнь. И своей тупой верой, святой простотой они и страшны. Скажет им Мартин, что имярек – враг народа, и они с легкостью зарежут его. Думаю, покушение на меня этим и вызвано.

– Чем этим?

– В глазах товарищей я, во-первых, буржуа – эксплуататор рабочего класса. Во-вторых, немец – захватчик латышской земли. Как тут не зарезать?

– Что же тогда они русских не убивают? Ведь и мы по этой логике захватчики.

– Погодите, они еще перекинутся на ваших губернаторов! – пригрозил Цвейберг. – А потом и до вас, сыщиков, доберутся.

– Ладно. Говорите, как мне найти ваших друзей.

– Достоверно я этого не знаю, но имею подсказку. Вам ее хватит.

– Давайте подсказку.

– Запомните дату: девятое апреля. В этот день Мартин пришел ко мне с волчатами. И Аксель, белобрысый, со смехом рассказал, как заработал два рубля.

– Ну-ка!

– Вы знаете, что в Риге существует правило? Сообщившему о пожаре выплачивается вознаграждение в размере двух рублей.

– Нет, впервые слышу. В России такого нет.

– А здесь есть. На пожарной станции ведется специальный журнал: туда вносят заявления обывателей о замеченном ими пожаре. И те расписываются в получении денег.

– И что, при этом показывают документ? – сообразил сыщик.

– Конечно. Все-таки речь идет о деньгах. Потом, бывают случаи ложных сообщений, с целью сорвать награду. Поэтому проверяют и сам сигнал, и личность заявителя.

– В какой части отметился Аксель, вы не знаете?

– Нет. Он очень веселился по этому поводу, поскольку сам же и поджег поленницу в каком-то дворе.

– Девятое апреля... Что ж, Теодор Оттонович, давайте заключим перемирие.

– Давайте! Еще раз приношу свои искренние извинения. Конечно, я должен был в первый раз все это вам сообщить. Галлер остался бы жив...

– Вы пока из дома не выходите. Есть у вас надежные люди? Или поставить наряд полиции?

– Лучше полицию, – ответил «иван». – Если вы возьмете боевиков, будут следствие и суд. Мне выгоднее тогда, извините, выглядеть их жертвой. А не укрывателем.

– Разумно. Сейчас я прямо отсюда телефонирую в полицейское управление. А вы берите бумагу, перо и пишите.

– Что писать?

– Заявление с просьбой о предоставлении охраны. И укажите в нем, что сообщили полиции важные сведения для поимки вымогателей. Потом пригодится.

Однако Лыков чувствовал, что собеседник не сказал ему всей правды. Явной ложью отдавало, например, его утверждение, что он испугался боевиков и потому откупился. Это Цвейберг-то? Нанял бы латышей Августа, и те за пятьсот рублей искрошили бы вымогателей в тельное. Похоже, пруссак имел на Мартина свои виды и сознательно подтолкнул его на вылазку в Московский форштадт. Ненавязчиво подсказал мысль: прирезать парочку атаманов для создания революционной ситуации... С расчетом на то, что начнется свара и под ее гуд хитрый колбасник расширит свои позиции на форштадте. Ну и ладно; дал конец веревочки, и на том спасибо.

Машина розыска закрутилась. Через час в пожарной станции второго участка Петербургской части была найдена нужная запись. Белобрысого боевика звали Аксель Скрастынь. Для удостоверения личности он предъявил билет номер сорок девять на право ручной ноши. Носильщики в Риге должны получать разрешение на промысел, причем оно бывает двух видов: с тележкой и без. Аксель взял патент с тележкой.

В части разыскали его прошение и выяснили адрес парня: улица Госпитальная, дом четыре. Наряд из сыскной полиции во главе с Лыковым отправился туда.

Квартирная хозяйка Мина Белораб, разбитная тертая еврейка, встретила сыщиков как родных:

– Вот знала я, что место этому юноше в тюрьме!

– А что же нам не сообщала?

– Да! Чтобы он меня зарезал? Я молодая женщина, даже замужем еще не была.

Надзиратели посмеялись и обещали Белораб хорошего жениха. Только она должна сначала сказать, где найти Акселя.

– И нечего его искать, сам к вечеру придет. Днем он делает революцию, а ночует всегда дома.

Сыскные устроили засаду. Лыков предупредил их, что парень только

с виду телок и надо готовиться к схватке. По счастью, до крови не дошло. Алексей по привычке взял самое опасное на себя. Когда боевик вошел в темную прихожую, он принял его сзади в объятия. Тот идохнуть не смог, не то что сопротивляться. Обезоруженного и связанного, парня привезли на Театральный бульвар.

Лыков снял с него первый допрос один на один. На столе лежали револьвер и нож.

– Помнишь меня, Аксель?

– Впервые вижу, – нагло ответил тот.

– Зато я помню. И моих слов судье будет достаточно.

– Для чего?

– Для каторжных работ. Покушение на убийство полицейского чиновника. Лет двенадцать, считай, у тебя уже в кармане. А дел за вами столько, что бессрочную смело могу обещать. Ну?

– Вы о чем?

– Сознаться будем?

– Чтобы самому себе бессрочную наговорить? Я же не дурак. И вообще, не оскорбляйте меня, спрашивайте вежливо, дайте закурить... Все как полагается. Я политический узник, а не уголовный!

Лыков распахнул ворот рубахи Акселя и увидел черные полосы у него на шее. Это были следы пальцев Галлера.

– Вот еще улика. Подтверждение того, что именно ты убил телохранителя господина Цвейберга.

– Это я в пивной подрался.

– И свидетелей назовешь?

Боевик промолчал.

– Хорошо. Сейчас тебя отправят в следственную тюрьму. Я запросил справку: там девяносто три места. А сидит ровно на сто человек больше. Тесно придется.

– Революционеры должны сидеть в одиночках, – возмутился боевик.

– Это тебе товарищ Мартин сказал?

– Угу.

– Он сейчас тоже сидит. В отдельном кабинете ресторана. Любит, сволочь, красивую жизнь, правда?

– Кто ее не любит?

Вот ниточка, за которую можно потянуть, подумал сыщик. У себя в России он давно бы уже вынес Акселя половину зубов. Но здесь нельзя. Дознание официально ведет Кнаут, он не позволит бить арестанта. И потом, на суде тот может отказаться от своих слов, сославшись на побои.

Нет, боевик должен сознаться добровольно. Для этого его надо подготовить.

– Одиночных апартаментов у нас для всякой дряни не приготовлено. Сядешь в общую, самую набитую – за наглость. Новичков там принято угощать жавелевой водой^[68]. Против их желания.

– Ничего. Они мои товарищи, угнетенные и обездоленные. Я им все объясню.

Сыщик только усмехнулся.

На другой день Акселя снова привели на допрос. Рубаха на нем была разорвана, под глазами – сиреневые фингалы.

– Ну как, объяснил?

– Несознательные попались... – хмуро ответил боевик.

– Говорить не надумал?

– Нет...

– Ну иди обратно в камеру. Туда сегодня еще двоих посадят. Рецидивисты, мать их... Хозяева тюрьмы. Кстати, тебя угостили жавелевой водой?

Аксель скрипнул зубами и удалился.

Третий допрос Лыков обставил необычно. Скрастыня привезли в ресторан гостиницы «Метрополь», один из лучших в Риге. Сыщик встретил арестанта вопросом:

– Есть хочешь?

– А...

– Официант! Карту сюда. И бутылку наилучшего коньяка.

Аксель быстро освоился. Он внимательно изучил меню и выбрал самые дорогие блюда. Сыщик и глазом не моргнул. Оба наелись до отвала и захмелели. Наконец Лыков заговорил:

– Видишь, как можно жить?

– Да...

– А ты в каторгу теперь пойдешь. И ничего уже нельзя исправить.

– Ничего? Эх...

– Сахалина никак тебе не миновать. Сам виноват! Но и там можно жить по-разному. Поверь, я знаю, о чем говорю. Ты не был на Сахалине?

– Не-е-т.

– А я был. Начальником округа там служил. Насмотрелся.

– Вы для чего мне это говорите, ваше высокоблагородие?

– Вразумить пытаюсь. Нравишься ты мне. Неплохой вроде парень, а поверил этому Мартину. Где он теперь? А Эмиль где? Сидят в безопасном месте и над тобой насмеются.

У Акселя спяну задергалось лицо.

– Не говорите так, вы их не знаете, – процедил латыш. – Они мои товарищи по классовой борьбе.

– Борьба, юноша, есть только одна – борьба индивидуума за выживание. Тебя в данном случае. Про Дарвина слышал? Сильный пожирает слабого. Все остальное – демагогия. Пустая болтовня.

Лыков нарочно старался выбирать выражения из предполагаемого лексикона товарища Мартина. Чтобы собеседник услышал знакомые слова и больше в них поверил.

– И вот теперь дилемма. Ты должен сделать выбор: спастись или погибнуть. Выбирай.

– Что вы предлагаете?

– Знаешь, как плохо на каторге без денег? Ужасно, невыносимо. А с деньгами и в аду жить можно. Слышал, как поступают арестанты, у которых капитал? Нанимают поселенца. И тот валит лес или копает канаву вместо того, кому это вменено в обязанность приговором.

Боевик слушал жадно, боясь пропустить хоть слово.

– Еще там есть майданы. Говорили тебе про майданы?

– Нет. А что это?

– Тюремные лавки. Или магазины. За деньги там все можно купить, даже водку и табак, которые официально запрещены. И женщин, женщин тоже. Но за деньги... Они, брат, в неволе все. Начальство не трогает тех, кто при капитале. И жиганы их уважают, не бьют.

Лыков вынул из кармана заранее набитый бумажник и красноречиво потряс им:

– Вот главная сила. Капитал, оборотные средства! Деньги – товар – деньги-штрих.

И без перехода предложил:

– Скажи, где прячутся Эмиль с Мартином, и получишь пятьсот рублей.

– А как я их получу? В тюрьме же надзиратели отнимут.

– Никто не отнимет. Сейчас пойдем туда и добавим одну строчку в опись изъятых у тебя вещей. И полтыщи твои. Возьми немного на неотложные нужды, но основное оставь у смотрителя. На каторге пригодятся. Деньги будут законные, они поедут с тобой на Сахалин. Ну? Пять сотен!

Скрастынь зачем-то огляделся, потом спросил шепотом:

– А можно тысячу?

– Ты хочешь целую тысячу?

– Да. Срок у меня будет большой, деньги понадобятся.

Лыков задумался. И правда, черт с ними, с этими бумажками. Лес продам и восполню. Зато не надо бегать и искать тех двоих, Аксель сдаст их тут же. Раз – и сразу в дамки.

– Ну хорошо... Но за такую сумму расскажешь все, что знаешь.

– Я готов.

– Нет. Сначала пойдем в тюрьму. Я человек честный, не обманываю. Получишь деньги, увидишь их в протоколе, возьмешь, сколько надо. И лишь после этого поговорим.

Сыщик и арестант явились на Полицейское подворье. В кабинете тюремного начальства состоялась сделка. Смотритель, числящийся по армейской пехоте штабс-капитан Богданов подписал новый протокол изъятия. Теперь за Акселем Скрастынем значилась тысяча рублей. Еще Лыков приказал перевести подследственного в хорошую камеру. Там сидели всего четыре арестанта, пожилые и безобидные.

Тридцать рублей мелкими купюрами новоявленный богач пожелал взять с собой.

– Только не играй на них в карты, – предостерег сыщик. – Облапошат. Соседи лишь с виду безобидные.

Аксель посмотрел на питерца и ответил с чувством:

– Мама всегда запрещала мне играть в карты на деньги.

Лыков хотел спросить: «А убивать людей тебе мама не запрещала?» Но сдержался. Пусть сначала сообщит, что знает.

Закончив расчеты, они сели в допросной. Лыков взялся за перо. И Аксель стал рассказывать.

Первым делом он назвал настоящее имя Эмиля. Тот действительно оказался из крестьян. Сын арендатора из Вольмарского уезда Эмиль Михелев Карклин, семнадцати лет. Ученик путевого обходчика. Живет в будке номер девять Элеваторной железной дороги.

– Кто убил Язепа Титуса? – задал Лыков главный для себя вопрос.

– Эмиль.

– По приказу Мартина?

– Нет, что вы. Он зарезал его за порт-папирос. У Язепа имелся такой, со скабрёзными фигурами.

– Не может быть!

– Правду говорю. Эмиль завидовал и просил уступить. Титус не соглашался. И тогда Карклин его зарезал и забрал вещь.

– Но как же она оказалась потом у Лакомкина? Ведь это ты ему продал. Врешь, что ли?

– Нет, не вру, – обиделся Аксель. – Товарищ Эмиль довольно быстро

им наигрался, этим порт-папиросом. И уже через три дня поменялся со мной. У меня был хороший бельгийский револьвер...

– Который ты купил в корчме Папе у беглого солдата? Наган?

– Ага, тот самый. Семь зарядов. У всех шесть, а у этого семь. Товарищ Эмиль загорелся. Я и поменял.

Алексей молча обдумывал услышанное. Вот и открылась тайна смерти Яшиного брата. Довольно неприглядная, надо сказать. Умереть от руки тупого молокососа за папиросник с неприличным секретным отделением... Такова цена жизни мошенника. Яша будет очень расстроен, когда узнает.

– А что Мартин? Как он отнесся к убийству?

– Ругался сначала. Но потом сказал: что вышло, того уже не исправишь. А смерть негодяя надо использовать в интересах революции.

– Это как? Столкнуть из-за нее форштадты?

– Угу. Язеп взял среди воров большую силу. И при этом всех обманывал и со всеми поссорился. Очень удобная фигура, чтобы замутишь воду. Так и вышло: главари банд чуть не передрались, обвиняя друг дружку в его смерти. Товарищ Мартин все продумал. И про полицию тоже оказался прав.

– То есть?

– Ну, он сказал, что из-за такого дерьма сыщики землю рыть не станут. Вот и вышло, что глупая смерть барыги сыграла нам, революционерам, на руку.

– Что вообще за человек товарищ Мартин? Как его настоящее имя?

– А что, про него я тоже должен все рассказать? За ту же тысячу?

– Ты как думал? – рассердился сыщик. – Твой поганый Эмиль и ста рублей не стоит! Давай, говори что знаешь.

– Да мне ничего и неизвестно. Товарищ Мартин – опытный конспиратор.

– Как его настоящее имя?

– Не знаю.

– Он сидел в тюрьме?

– Понятия не имею. Намекал, что сидел, но ведь мог и обмануть. Чтобы придать себе весу в наших глазах.

– Где он хотя бы живет?

– Да не знаю я! Раз пошел за ним следом. Сам хотел выяснить, где квартира товарища Мартина. А то случись что, и концов не найдешь.

– И?

– И он быстро меня обнаружил. Сел в ресторане Трепика, поел-попил да и вышел через черный ход.

– А ты?

– А я караулил напротив ресторана до ночи, мерз, пока не понял, что к чему.

– Значит, Мартин над тобой посмеялся?

– Нет. Он дал мне урок конспирации.

– Тьфу! – не сдержался Лыков. – Революционеры хреновы. Не доверял он вам, значит. Ну давай, вспоминай все, что сможешь. Любовницу его, привычки, особые приметы.

Аксель долго думал, потом сообщил:

– Любит копченого угря.

– М-да... А еще? Баба-то была у него?

– И не одна.

– Имена, место жительства, сословная принадлежность.

Боевик опять задумался.

– Э-э... толстых любил.

– Понятно.

Нельзя было требовать от парня невозможного. Товарищ Мартин знал цену своим подручным и подстраховался.

– Ну, последний раз соберись с силами. Где сейчас может быть твой атаман?

– Мне кажется, он уехал из Риги, – неожиданно предположил Скрастынь.

– Почему ты так решил?

Последовал глубокомысленный ответ:

– Товарищ Мартин разочаровался в пролетариате.

– В каком смысле?

– Ну поглядите сами. В Риге их пятьдесят тысяч, всех эксплуатируют. Мы создали революционную ситуацию. Убили Титуса и двух главных на Московском форштадте. Лесопилку сожгли. Хотели еще газовый завод взорвать, который в конце Матвеевской, но передумали. Что толку? Никто даже не вышел на баррикады.

– Аксель, какие баррикады? Почему вы решили, что после смерти бандитов Рейтара и Ярышкина люди начнут революцию? Плевали они на эти мелочи. Не так добиваются революции.

– А как? – заинтересовался боевик.

– Ну не знаю, сам не пробовал. Но как-то иначе. Однако вернемся к Мартину.

– Да. Он сказал в последнюю встречу, что надо менять тактику борьбы и переносить революционную пропаганду на крестьянство.

– Даже так?

– Угу. Крестьяне страдают больше рабочих. И там засилье немцев-землевладельцев быстрее толкнет их на путь борьбы. Думаю, он перебрался куда-нибудь в уезд и создает там боевую ячейку.

– Этого нам только не хватало.

– Или, может быть, товарищ Мартин пошел по другому пути: учреждает сразу целую партию. Он говорил, что вот-вот появится латышская социал-демократическая партия. Товарищ Мартин станет в ней вождем, а мне он предложил пост начальника военно-разведывательного крыла. С задачей развязать революционный террор.

– Да, вовремя мы тебя прихватили, – констатировал сыщик. – Террор... Дай вам с Эмилем волю, вы столько крови прольете.

– Так ведь классовая борьба, – одной фразой объяснил все Аксель.

Лыков перечитал записи. Не густо. Главаря поймать не удастся, негодяй хорошо подготовился. Получается, что сыщик заплатил тысячу своих кровных за то лишь, чтобы узнать место службы Эмиля...

– Поговорили, и хватит. Тебе там одному скучно, скоро я привезу приятеля. Вдвоем веселее.

– Только будьте осторожны, – предостерег сыщика боевик. – Товарищ Эмиль стреляет из двух револьверов, не вынимая рук из карманов.

– Такое невозможно.

– Возможно. Он ездил каждый день в Плескодаль, уходил там в лес и учился. Сделал в карманах шинели дырки и наводил, наводил... Достиг большого мастерства.

– Ого... Ну, спасибо, что предупредил.

– Это в качестве ответной благодарности. Вы же по-доброму ко мне отнеслись, денег дали, – объяснил Аксель. – А ведь я пытался вас зарезать. Поэтому, если увидите, что он сунул руки в карманы, сразу падайте!

– Учту.

Однако найти товарища Эмиля оказалось непросто. Когда сыщики явились в будку номер девять, там проживал другой человек. Он пояснил, что ученик обходчика Карклин уволен за прогулы. И теперь пребывает неизвестно где.

Снова Алексей вызвал Скрастыня на допрос.

– Где может прятаться Эмиль?

– Денег у него мало, товарищ Мартин нам неохотно их давал. Но у товарища Эмиля есть привычки...

– Это интересно. Какие?

– Он любит цирк и старается ходить на новые программы.

– Хорошо. А еще?

– Еще скачки любит. Выиграл однажды пять рублей семьдесят копеек, так с тех пор и повадился. Больше, правда, ему не везло.

Сыщик развернул любимую газету «Ведомости Рижской городской полиции». Цирк Саламонского объявлял о приезде новых артистов. Дебют воздушных гимнасток в бальных костюмах, сестер Лалы, Аделины и Нины Арагози. Бальные костюмы – это хорошо. Коленки, поди, голые... Самому, что ли, сходить? Далее эквилибристка госпожа Аделино. Наездница Лага-Лее. Жокей Ангело. Знаменитый чревовещатель господин Оттон Шарлье. Большая еврейская обстановочная пантомима «Сон фараона». Балет в исполнении сорока дам и танцовщицы госпожи Рудольф. В конце представления выход всех клоунов и августов. Какие еще августы?

Сыщики хотели заявиться в цирк искать парнишку в железнодорожной шинели. Но передумали. У Саламонского на представлениях собирается до тысячи семисот зрителей. Давка. Эмиль же вооружен и станет стрелять не задумываясь. Цирк решили поэтому отложить.

Для очистки совести Лыков сходил в театр-варьете «Монополь», посмотрел программу «Утро на острове Куба». Тоже много полуголых женщин. Но билет стоил рубль, дорого для товарища Эмиля. И все-таки не цирк и не скачки.

Сыскное отделение оцепило ипподром Скакового общества. И там Эмиль не обнаружился. Где же искать юного убийцу?

Как всегда, выручил ловкий Растегаев. Он вспомнил, что в Солитюде расположена Лифляндская государственная заводская конюшня. При ней устроен манеж-татерсаль^[69], где толкнутся все любители азарта. И на скаковом поле конюшни проводятся скачки с подпольным тотализатором. Надзиратель поехал туда и натолкнулся на Эмиля. Тот шлялся по манежу в своей черной шинели. Сыщик даже разглядел, что на ней отсутствует пуговица – та самая, что осталась в кулаке Язепа. Будучи один, он не решился арестовывать боевика, но выследил его жилище. Убийца прятался в казармах цементного завода на Кукушкиных горах.

Получив эти важнейшие сведения, Лыков загорелся. Вот оно! Дознание по убийству Язепа Титуса скоро завершится. Они с Яном посоветовались и решили не рисковать жизнями здешних сыщиков. Мальчишка опасен, может кого-нибудь застрелить. Лучше обойтись своими силами.

Еще Яан сказал:

– Знаешь, давай ради разнообразия захватим его живым. Не убивай

Эмиля.

– Я сам в раздумьях, – признался надворный советник. – С одной стороны, он весь в крови. С другой – ребенок еще, безмозглый. Не ведает, что творит.

– Прошу, оставь его в живых.

– Ну хорошо. Но мы возьмем с собой на задержание еще одного человека.

– Кого?

– Пристава Вильбоа. Это бывший начальник сыскной части. При нем убили Говорухина. Он мечтает отомстить убийце.

– Ты же знаешь, насколько Эмиль опасен. Слишком большой риск для этого Вильбоа.

– Он полицейский. Пусть сам решит, но я обязан ему предложить.

Друзья поехали на бульвар Наследника, в канцелярию второго участка Городской части. Виктор Александрович отыскался в своем кабинете. Высунув от усердия язык, он сочинял какую-то бумагу.

– Алексей Николаевич! – обрадовался он. – Давно не виделись. Как ваше дознание? И кто это с вами?

– Знакомьтесь: Титус Яан Францевич.

Пристав и лесопромышленник обменялись рукопожатием.

– А дознание мое подходит к концу. Я нашел того, кто убил Язепа. Этот же человек, кстати, зарезал и вашего Говорухина.

– Вот это новости! Кто он?

– Мы сейчас едем его арестовывать. Не желаете присоединиться?

Глаза Вильбоа сверкнули:

– Еще как желаю! Вот спасибо, век вам этого подарка не забуду.

– Подарок с душком, Виктор Александрович. Убийца – семнадцатилетний ученик железнодорожника Эмиль Карклин. Несмотря на юный возраст, очень опасный. На нем достоверно пять или шесть смертей, а может, и больше. Ходит с двумя револьверами, научился стрелять, не вынимая рук из карманов. Учтите это. Не передумали?

– Нет, не передумал. Едем.

– Револьвер, что при вас, заряжен?

– А как же. Лекарство на шесть душ всегда наготове!

– Шашку отстегните, оставьте здесь. Там она будет только мешать.

Пристав послушно снял портупею. Через минуту трое мужчин уже ехали в пролетке к понтонному мосту.

По дороге сыщик рассказывал приставу о ходе своего дознания. Виктор Александрович задавал вопросы. Новость о том, что его

надзиратель тайно прислуживал Цвейбергу и поплатился именно за это, огорчила пристава.

– Не передумали мстить? – спросил надворный советник.

– Ни в коем случае. Говорухин, конечно, стервец. Продался. Но нельзя спускать убийство своих, даже если они перед тобой виноваты.

Под конец Вильбоа сказал:

– Блестяще! Ни я, ни Кнаут не додумались бы до этого. Примите мои поздравления. Нам у вас учиться и учиться.

Алексею было приятно услышать такие слова. Но скоро им предстоял бой. Сыщик в очередной раз напомнил своим спутникам:

– Если сунет руки в карманы, сразу ложитесь и отвечайте леж. Он не репетировал стрельбу по низко расположенным мишеням.

Пролетка между тем перебралась на левый берег. Пассажирам стало не по себе. Трое взрослых опытных мужчин ехали арестовывать одного сопляка. А под ложечкой у них сосало, у всех троих. Лыков истово осенил себя крестом, когда проезжали мимо Троицкой церкви за Гагенсбергской пристанью. За ней показалась лютеранская Мартыновская, в готическом стиле. Сыщик незаметно для других перекрестился и на нее... Хуже не будет! В переулках, идущих к реке, открылся вид на Ригу. Из Задвинья он был особенно красив. Острова, корабли на воде, Замок и шпили соборов. «Увижу ли я это все еще раз? – подумал сыщик. – Или сложит меня сейчас этот щенок?»

Они долго ехали по Дюнамюндской, мимо морского госпиталя, навигационной школы, вдоль корпуса проволоочной фабрики. Потом оказались в Ильгецееме. Густо дымили трубы завода, где варили полюбившееся Алексею пиво. Да, хорошо бы все обошлось...

Перед цементным заводом они остановили экипаж и дальше двинулись своим ходом. Обогнув забор, очутились в маленькой слободке. Три каменных двухэтажных казармы стояли вдоль берега. Эмиль проживал в самой дальней.

Боевик появился неожиданно. Вывернул из-за дровяного сарая, увидел троих мужчин и сразу все понял. Он мгновенно сунулся в карманы.

– Ложись! – крикнул Лыков и первым бросился на землю. Титус последовал его примеру с похвальной быстротой. А вот Вильбоа замешкался. Раздались выстрелы, из карманов черной шинели вылетели огненные молнии. Пристав охнул и повалился на бок.

Не мешкая, Алексей и Яан ответили. Эмиль со стоном покатился по земле. Лыков вскочил, подбежал к боевику и заломил ему руки за спину. Титус обыскал карманы и выбросил два дымящихся револьвера на траву.

Связав пленного, надворный советник поспешил к Вильбоа. Тот уже сел, из левой ноги его хлестала кровь.

– Сильно, Виктор Александрович?

– Пустяк, – ответил тот. И добавил с армейской бравадой: – В говядину!

– То есть кость цела?

– Кажется, да.

– Сидите, не вставайте.

Сыщик вернулся к Карклину и снял с него брючный ремень. Потом под корень оторвал приставу штанину и перетянул ногу ремнем выше раны. Кровотечение сразу уменьшилось.

– Ну вот, уже лучше. Надо только через пятнадцать минут ослабить повязку. Ненадолго.

– Как убивец?

– Связан. Ему тоже попали в ногу. Сейчас закончу с вами и займусь им. Не скажете, где здесь ближайшая больница?

– Помните, мы проезжали казармы 116-го пехотного Малоярославского полка? В самом начале Дюнамюндской. Там есть околоток с полковым врачом.

– Едем туда!

Вечером в кабинете Кнаута состоялась встреча двух товарищей. Эмиль, бледный от потери крови, накинулся на приятеля:

– Ты выдал меня, мразь! Ну теперь жди пролетарского возмездия.

– Дурак, – ответил Аксель. – Нужно сохранить себя для революции. Она вот-вот начнется, а мы где? Прячемся по углам?

– Не понял, – опешил Карклин. – А где, по-твоему, нам надо быть?

– На каторге. Среди своих соратников, таких же революционеров.

– Это зачем?

– Чтобы готовить восстание, бить подлый царизм оттуда.

Эмиль всерьез задумался над новой для него мыслью... Лыков плюнул и ушел. Он свое дело сделал, теперь пусть поработают другие.

Следующим утром Алексей с Яном навестили фон Вильбоа. Тот лежал в офицерской палате Военного госпиталя, умытый и благостный. Рядом хлопотала жена. При виде сыщика она молча вышла, на красивом лице ее застыла гримаса отвращения.

– Ну вот, перед ней я провинился, – стал сокрушаться питерец. – Вы-то хоть, Виктор Александрович, не пожалели?

– Я очень доволен, – серьезно ответил тот. – Знали бы, как! И весьма-весьма благодарен. Вот правда, теперь мне легче будет жить. Камнем ведь

на душе лежало. И не чаял...

– Хорошо, что рана легкая. Иначе у меня бы лежало, что втянул вас.

– А что Эмиль? Он сознался в убийстве Говорухина?

– Да.

– Слава Богу! – пристав перекрестился на распятие.

– Именно Карклин был у товарища Мартина палачом. Скрастынь чуть-чуть умнее и не рвался на эту роль. Язепа Титуса, Говорухина, Ярышкина и Вовку Рейтара казнил именно Эмиль. Аксель лишь ассистировал ему.

– Вот хорошо... Вот сподобил Господь... – прошептал Вильбоа и впал в забытие. Лыков с Титусом поспешили вон из палаты.

Через день надворный советник вызвал революционеров на беседу. Те явились настороженные: что еще нужно царским прихвостням? Лыков протянул Акселя книгу на немецком языке:

– Прочти вот это место вслух.

Тот глянул на обложку: какой-то Бухольц. Называется «Пятьдесят лет русского управления в Остзейских провинциях». Издана в 1883 году в Лейпциге.

– Здесь?

– Да. С выражением давай.

– «Эсты и латыши своим умственным уровнем и даже обиходным языком свидетельствуют о невозможности самостоятельного национального развития». Тьфу! Чего вы мне подсунули?

– Такова немецкая точка зрения.

– Убить их всех, вот что я скажу! – влез в разговор Эмиль.

– А ты тоже что-то понял? – подковырнул боевика Лыков.

– Да не глупее других, – дерзко ответил тот. – Товарищ Мартин пересказывал нам германскую позицию. Ничего, начнется революция, мы их всех повыведем. И вас заодно.

– Насчет нас тоже есть что почитать, – подхватил Лыков. – Вот, ознакомься. Тоже давай вслух.

И протянул Эмилю пачку каких-то листов, на этот раз на латышском.

Тот озадаченно принялся их разглядывать. Аксель вырвал у него верхний.

– Кришьян Валдемар. Про этого я слышал.

– Латыш, как и вы. А видит будущее иначе. Ты прочти, прочти.

– «Сближение латышского племени с великим русским Отечеством есть истинно народное дело латышей». Фу! Дема... как уж там? Демагогия. Верноподданническая.

– А это тоже? – скептически спросил Алексей. – На следующем листе.

– Кто тут? Атис Кронвальд. Не знаю такого. Говорил нам товарищ Мартин про каких-то младолатышей... Не из них он, случаем?

– Языковед знаменитый. Твой земляк. Из каких он – врать не буду, не ведаю. Ты зачитай.

– Тоже царский подлиза? «Я глубоко убежден, что латыши разовьются, их жизнь расцветет именно под защитой России». Ну да, как же!

– Не убедил? Но вот еще следующий.

– Янис Спрогис? Опять не слышал. Что, и он туда же, иуда? «Латыши призываются к самому теснейшему братскому единению с великим и славным русским народом. В этом внутреннем единении с русским народом лежит их лучшее будущее».

– Что скажете, товарищи революционеры? Вот люди одной с вами крови, не последние в обществе. И призывают к дружбе в составе единого государства.

Боевики затравленно переглянулись. Товарища Мартина, который знает ответы на все вопросы, рядом нет. Как быть?

– Это полицейская провокация, я слышал про такое, – сообщил Аксель Эмилю. – Не поддавайся.

– Что, по-вашему, я сам все сочинил? – обиделся сыщик. – Пора уж начинать думать. Не дети, а ведете себя как куклы на веревочке.

– Латыши не нуждаются ни в ком! – почти выкрикнул Скрастынь. – Ни в каких старших братьях.

– Ага, эти братья только обирают нас! – подхватил Карклин. – Все лучшее тащат. Без них Латвия будет процветать.

– И что же мы у вас отобрали?

– Свободу!

Лыков начал заводиться, хотя делать этого не стоило.

– А когда у вас была свобода? Петр Первый забрал эту землю у шведов, те – у пруссаков. Саксонцы еще тут шляли, поляки... Никогда в истории не существовало латышского государства.

– Ну так будет, – воодушевленно провозгласил Аксель. – Пусть народ сам решит, как ему жить.

– Народ пускай решит, – согласился надворный советник. – Кто же против? Выше его воли, пожалуй, нет ничего. Но одно смущает: очень легко задурить людям головы, как вам задурили. Латышский народ, мне кажется, пока не готов к независимости.

– Чего еще ждать от царского сатрапа? – возмущенно фыркнул Скрастынь. – Ничем вы, русские, не лучше немцев. Для вас мы тоже низшее племя, рабы. Но этому скоро конец!

– Ну как вы будете жить своим коштом? – спросил Лыков. – Никогда не имели государства и вдруг завели. Вы хоть знаете, что начнется? Соседи вас сожрут! Те же немцы. Вон их сколько в Риге. На этом основании и присоединят вас к Германии, если Россия вдруг уйдет.

– Мы всех немцев выгоним, – заявил Аксель. – А заводы заберем. Латышское государство сразу, одним скачком, станет промышленно очень сильным!

Сыщик даже растерялся от такой идеи. Взять и отобрать имущество. Потому, что хозяин – немец. Как это?

Но тут подлил масла в огонь Эмиль:

– Мы и вас выгоним. Здесь будут жить только латыши. Ну и еще по мелочи: евреи, эстонцы... Поляков я не люблю, про поляков буду думать...

Лыков хотел бы рассмеяться, но стало не до смеха. Конечно, не этим двоим решать будущее своей земли: они молоды и глупы. Пока еще молоды. Но даже когда вырастут, навсегда останутся попугаями, повторяющими чужие речи. Однако, если вдруг произойдет раскол империи, явятся взрослые солидные дяди и займутся тем же самым. Сейчас они гласные городской думы, журналисты или адвокаты. И вдруг – не дай Бог, конечно! – выйдут в новорожденный латвийский парламент. Неужели и они возьмут такой же тон? Отнять, поделить, выгнать... И в этом сонме голос товарища Мартина может оказаться сильнее других. Поскольку он скажет, что проливал кровь за родину, пока другие молчали. И что у него есть проверенные бойцы, которые могут объяснить, как правильно голосовать, если кто не понял...

– Погодите, – не удержался сыщик. – Всех вышлете, их имущество отберете. Но ведь это тяжелый труд – управлять своей страной. Налоги, рабочие места, торговый баланс, национальная валюта, отношения с соседями... Кто справится с этим? Без опыта, без квалифицированных специалистов. Вы-то двое можете только стрелять!

– Пока латыши не начнут жить самостоятельно, не поймут, – вдруг высказал здравую мысль Аксель. – Надо пробовать.

И Лыков не нашел, что на это возразить...

Стороны разошлись, оставшись каждая при своем мнении. Лыков и раньше много думал над злополучным национальным вопросом. Пожив в Варшаве, он для себя решил, что поляков надо отпускать. Пока они не разорвали империи брюшину изнутри. Ну, финны еще на очереди. Монолитная нация, косится на Швецию. И ближе к ним, чем к нам. А другие народы? Самостоятельные государства в Туркестане

или на Кавказе сыщик мог представить разве что в кошмарном сне. Как и независимую Малороссию. Про Остзейский край и речи нет. И вот нашлись люди, которые готовы убивать за идею о независимости своей родины. Но вся история народов построена на насилии! Осуждать ли за это мальчишек? И вообще, что ждет Лифляндию в ближайшие десять-пятнадцать лет? А Россию с такими окраинами? Даже думать об этом не хотелось...

Дознание было окончено, дело передали судебному следователю. Друзья собирали вещи. Алексей выкроил время навестить Никифорова. Тот уже вышел на службу, поэтому встреча состоялась вечером.

Надворный советник рассказал Зверогону последние новости. Известие, что пристав Вильбоа захотел отомстить за своего надзирателя и был при этом ранен, удивило Александра Лукича.

– Не знал такого за ним.

– Он, может, и сам не знал.

– Умный человек, поумнее Кнаута. Но под пули лезть? Странно.

– Я для чего вас побеспокоил, Александр Лукич. Днями мы уедем домой. Цвейберг сейчас мой должник, и я могу попросить «ивана» об одолжении.

– Каком? – напрягся бывший надзиратель.

– Ну, например, вы возвращаетесь на службу в сыскную полицию. И он этому не препятствует.

– Нет, – вздохнул Зверогон. – Дело же не в Цвейберге, а в том, что мое собственное начальство отдало меня на съедение. Как теперь с ними служить? Не дай бог что произойдет. Они ведь снова продадут. Уж лучше я останусь на заводе.

Прощаться сыщику было особо не с кем. Суровцев в отпуску. На Войтова наплевать. Кнаут считал дни до отъезда командированного, надеясь присвоить себе плоды его трудов... Еще бы, ведь дела Александра Ивановича обстояли теперь блестяще. Все убийства раскрыты. Подозреваемые арестованы и дали признательные показания. Ну ускользнул один, так его пусть ловят жандармы. А через месяц никто и не вспомнит о роли в дознании надворного советника Лыкова. В этом году сыскному отделению Рижской полиции исполняется четверть века. Глядишь, навесят фону орденку... [\[70\]](#)

Заглянул Лыков и к жандармам. Товарищ Мартин по-прежнему нигде не объявлялся. И латышской социалистической партии, по данным осведомителей, пока нет. Волчата поплывут на Сахалин, а кукловод

в золотых запонках продолжит призыв новобранцев... Еще сыщика удивила новая обстановка кабинета полковника Прозоровского. Знакомые напольные часы! Такие он видел ночью в «Дюне», когда забрался туда с отмычками. И бюро вроде бы их... Похоже, англичан выкинули, а мебель присвоили. Ай да голубые мундиры...

Алексей, Яан и Лиза съездили на могилу. Брат прощался с братом. Когда он еще появится в Риге? Язепа похоронили на Старо-немецком кладбище. С Покровской улицы поехали к вдове. Вопрос с Эглит остался последней нерешенной проблемой. Как поступить с ней? Алексей уже нашел квартиру подешевле. Но на что женщина будет жить? Службу на телефонной станции она потеряла, пока пряталась от бандитов Дохлого Августа. Друзья пили у Лизы чай и рассуждали вслух.

Эглит сидела грустная. Люди, которые помогали ей, не сегодня завтра уедут. Она опять останется одна. Но теперь рядом не будет даже Язепа. Никого теперь не будет.

– Я хочу выйти замуж, родить ребенка, – говорила она, глядя в стену. – Но кто меня возьмет в Риге? Проклятый город! Он высосал из меня все жизненные соки. Старею, я просто старею. Теперь навсегда одна...

Тут Лыков вынул из кармана «Вестник Рижской городской полиции». Он пристрастился к его чтению за недели, проведенные здесь. Развернув газету, сыщик показал заметку:

– Вот статистика по городам империи. Приводится соотношение мужчин и женщин.

– И что там? – заинтересовался Яан.

– Очень любопытные цифры! – с энтузиазмом ответил сыщик. – В Батуме на тысячу мужчин приходится триста девяносто девять женщин. В Хабаровске – двести семьдесят девять. А меньше всех во Владивостоке: всего сто восемьдесят шесть.

Эглит не поверила своим ушам:

– Сколько-сколько?

– Сто восемьдесят шесть женщин на тысячу мужчин городского населения, – повторил Лыков.

– Не может быть!

– Может. Я был там. Действительно, бросается в глаза: на улицах редко когда встретишь даму.

– Ой! Это же здорово. Там даже я смогла бы выйти замуж.

– Конечно. Все женщины во Владивостоке нарасхват. С Сахалина приезжают бывшие каторжанки – и сразу под венец. А ты молодая интересная особа. Выбирать будешь из предложений.

Лиза озадаченно молчала. Неожиданная мысль об отъезде на край света испугала ее. И одновременно это решало проблему одиночества.

– Боязно, – призналась вдова.

– Еще бы не боязно, – согласился Лыков. – На карту лучше не смотри, а то окончательно падешь духом. Но я видел все своими глазами. На берегу красивой бухты стоит поселение. Множество армейских и морских офицеров. Почти все холостые. А город... Он вечно в движении, развивается, там все время что-то строят. Правительство вкладывает огромные средства. Через несколько лет это будет настоящая столица края.

Лиза слушала как зачарованная. Слова, что во Владивостоке полно холостых офицеров, особенно ей понравились.

– Ты дотуда и добраться не успеешь, – продолжил напор Лыков. – Выскочишь замуж еще в дороге.

– А как добираются до Владивостока?

– Или сушей через Сибирь, или морем на пароходе.

– Сушей через Сибирь. Половину земного шара надо будет проехать...

По странному стечению обстоятельств у Лыкова и на это нашелся аргумент.

– Великий Сибирский путь уже почти завершен. Открыто сообщение между Петербургом и Томском.

– Да, газеты что-то писали об этом, – припомнил Титус.

– Пока поезд ходит лишь два раза в неделю, – стал сыпать деталями сыщик. – Время в пути – шесть суток. В составе всего пять вагонов, из которых пассажирских два: первого и второго класса.

– Два вагона из пяти? А в остальных что?

– Багажный, служебный и вагон-столовая. Но это целый городок на колесах! Есть библиотека, фармация, электрическая станция, ванна с душами. Гимнастический аппарат для развивания рук. Пианино. Холодный буфет.

– Ух ты!

– Одно плохо: все билеты разобраны до осени. И потом тащиться из Томска на перекладных... Ездил, знаю по себе. Чуть шею не сломал.

Лиза молча слушала, на лице ее эмоции сменяли друг друга. Узнав, что мест в поезде нет, она чуть не расплакалась.

– Совсем не то на пароходе, – продолжил как ни в чем не бывало питерец. – Тоже все удобства, только вместо шести дней дорога занимает два месяца. Увидишь мир: Суэцкий канал, Аравию, Цейлон, Сингапур, Японию.

– А пароходы чистые? – усомнился лесопромышленник. – Вдруг они

арестантов везут на Сахалин. Зачем Лизе такое соседство?

– Есть арестантские пароходы, а есть и обычные. На таких как правило перевозят войска.

– Какие войска? – удивилась женщина.

– Русские, какие же еще. Сейчас идет пополнение наших гарнизонов, особенно на Квантунском полуострове. Но и во Владивостоке тоже. На пароходе в среднем примерно сто офицеров, из них больше половины – холостяки.

Эглит вскочила в волнении и стала почти что бегать по комнате.

– Пятьдесят свободных мужчин на пароходе! Не может быть, чтобы среди них не нашлось одного порядочного человека.

– В очередь встанут, и все будут порядочные, – безмятежно подтвердил сыщик. – Потому как знают: там они никого не найдут. Лови момент.

– Но как туда доехать? Вернее, доплыть. Сколько же может стоить билет в такую даль? – забеспокоилась Лиза. – Даже если я продам всю обстановку, что осталась на Кандауской...

И тут же радостно, как девочка, хлопнула в ладоши:

– Ой! Придумала!

Мужчины посмотрели на нее с удивлением. Лиза схватила их обоих под руки и затараторила:

– Я продам волосы. Госпожа Лейбам спалила свои. Знаете, эти целлулоидные шпильки такие опасные... Они загораются от прикосновения горячих щипцов. И Эстера Лейбам вчера пострадала. Хорошо, голову вовремя потушили. Теперь ей нужен парик.

Алексей с Яном переглянулись. А вдова продолжила:

– Или нет, можно по-другому. Немецкие коммерсанты по всей Риге скупают женские волосы. Самые дешевые, черные, стоят двенадцать рублей фунт. А самые дорогие – это как у меня, цвета льна. За один фунт можно выручить шестьдесят рублей!

Титус вздохнул, вынул из кармана бумажник и стал отсчитывать купюры. Лыков не верил своим глазам: его прижимистый управляющий расставался с наличностью.

– Вот, Лиза. Здесь пятьсот. Думаю, на билет хватит.

Надворный советник извлек свое порт-монэ, еще толще, чем у Титуса.

– И здесь пятьсот. Теперь точно хватит.

Лиза посмотрела на банкноты, на мужчин и всхлипнула. Лыков торопливо погладил ее по волосам:

– А прическу оставь. Пригодится на пароходе, когда будешь замуж выходить.

Вдова опять всхлипнула. Лыков решил окончательно ее утешить:

– У меня во Владивостоке остались знакомые – Степан Алексеевич Фельдман с женой. Мы вместе служили на Сахалине. Я ему напишу. Будет где приткнуться на первое время. Он поможет освоиться в городе, и вообще...

Той же ночью друзья покинули Ригу. В вагоне Алексей сказал Яану:

– Ну вот, дело сделано. Убийца твоего брата сидит в тюрьме, его ждет каторга. Ты доволен?

– Нет, – ответил тот. – Тоже сейчас о нем думаю. Конечно, я этого хотел. Человек, зарезавший брата, наказан. Но он же мальчишка, глупый щенок.

– И что с того? Простить его теперь за это, что ли?

– Нет, пусть ответит. Я о другом... Понимаешь, чувства удовлетворения не испытываю, вот что плохо. Масштаб детский, копеечный. Не знаю даже, как выразиться. Эмиль – безмозглая кукла. А тот, кто дергал его за ниточки, сейчас на свободе.

– Да, но Мартин не убивал Язепа, – возразил Алексей. – И не приказывал казнить. Формально он ни при чем.

– Знаю. Но какая-то пустота на душе. Вроде бы дело сделано и злодей наказан, а все зря...

В Петербурге друзья расстались. Титус сразу поехал дальше, в Нефедьевку. Дела и так заждались лесопромышленника. А сыщик закинул вещи домой и пошел на службу. В его голове созрел хитроумный план.

Зволянский оказался на месте и быстро принял Лыкова. Тот доложил об успешном завершении дознания. Шпионов выгнали, убийцы за решеткой. Директор слушал вполуха и ворошил на столе какие-то листки.

– Сергей Эрастович, когда все кончилось... – вкрадчиво начал Алексей. – Словом, могу я теперь отгулять свой отпуск?

– Какой еще отпуск? – удивился действительный статский советник. – Ты же его отгулял.

– Побойся бога, Сергей Эрастович! Я в это время шпионов с убийцами выслеживал. Позабыл? Совместная комиссия двух министерств.

– Была комиссия, помню. Но она создана уже после завершения твоих четырнадцати дней отдыха.

– Но... как же так? Не по совести. Я в Риге эти четырнадцать дней не рыбу ловил, а опасных людей.

– И кто тебе это поручал? – хмыкнул директор. – Я не поручал.

Горемыкин тоже. Ты на свой страх и риск ввязался в частное дело, которое касалось твоего управляющего... как его? Титуса.

– Но мы в эти четырнадцать дней открыли шпионскую сеть!

– Напомни об этом военному министру. Пусть выхлопочет у государя для тебя ленту. Сразу Анну первой степени...

– Сергей Эрастович, но ведь это нечестно.

– По-моему, честно. Вот скажи, сколько ты платишь своему Титусу? Больше, чем мне царь-батюшка?

– А ты какое жалование получаешь?

– Восемь тысяч плюс столовые и квартирные. Еще что-то на дрова и свечи.

– И сколько выходит на круг?

Зволянский стал считать в уме, но сбился и перешел на бумажку.

– Так... Тринадцать тысяч.

Лыков подумал-подумал и сказал:

– Понимаешь, я и сам точно не помню, сколько плачу этому мошеннику. Но, конечно, с тантьемами у него выходит больше.

– Вот видишь! – дико заорал директор. – Больше! Какой тебе после этого отпуск? Граф Монте-Кристо!

Надворный советник понял, что Ветлугу он увидит нескоро.

– На, – Зволянский немного успокоился и взял со стола те самые бумаги. – Накопились, пока ты стремижки уплетал с угрями.

– Так вместе уплетали, – не удержался сыщик.

– Молчи. Дел уйма, а он все о своем думает... Изучи и вечером приходи на доклад. Особенное внимание обрати на отношение градоначальника об антропометрической станции. Не смею задерживать.

Эпилог первый

В конце августа того же 1898 года Лыков сидел у себя на Моховой и лениво просматривал газеты. Был субботний вечер. Завтра не на службу. Жена с детьми давно в Нефедьевке, и идти сыщику в воскресенье было особо некуда.

Внимание его привлекла заметка в «Новом времени». Называлась она «Венчание в Южно-Китайском море». Ну-ка, неужели?

Действительно, в заметке сообщалась долгожданная новость. На пароходе «Саратов» ехали на службу во Владивосток войска. Капитан квантунской крепостной артиллерии Москвин подал рапорт начальнику эшелона полковнику Холодовскому о желании вступить в брак. Невеста – купеческая вдова из Риги Лиза Эглит. Она плыла на восток в надежде устроить свою жизнь. С разрешения полковника и судового иеромонаха Ювеналия, а также с согласия командира парохода вечером в тот же день на спардеке «Саратова» было совершено таинство брака. Перед этим госпожа Эглит добровольно крестилась по православному обряду, перейдя из лютеранства в веру будущего супруга. Венцы и обручальные кольца изготовили механики судна за три-четыре часа. Спардек был освещен электричеством и убран коврами, флагами и тропическими растениями. Офицер эшелона исполнил роль псаломщика, а хор состоял из нижних чинов. После венчания пассажиры и служащие были приглашены в кают-компанию на бокал шампанского, после чего опять вернулись на спардек. Начались танцы под звуки оркестра, сформированного из все тех же нижних чинов... Корреспондент особо отметил красивые волосы госпожи Москвиной, по первому браку – Эглит.

Лыков вздохнул, вырезал заметку из газеты и вложил ее в конверт с инструкциями Титусу. Письмо уже было написано и ждало отправки. Пусть Яша тоже порадует.

Эпилог второй

События первой русской революции приняли в остзейском крае особо жестокие формы. 1905 год начался в Риге Кровавым четвергом. Тринадцатого января войска расстреляли у Железного моста демонстрацию, шедшую с красными флагами из Московского форштадта. Среди погибших особенно много было латышей. Историки называют разные цифры убитых и утонувших в Двине: от тридцати до двухсот человек (последняя цифра, конечно же, преувеличена). Население сначала ахнуло в испуге, но потом сопротивление усилилось. Повсеместно стали убивать правительственных чиновников. Больше всего шуму наделало нападение на Рижскую центральную тюрьму в ночь с 6 на 7 сентября. В нем участвовали пятьдесят два боевика! Из них сорок семь были латыши, остальные – евреи-бундовцы. Руководил операцией Петр Маляр. Им удалось освободить пятерых арестантов. Новая волна насилия охватила Ригу 22 и 23 октября. Рабочие фабрики Кузнецова вышли с хоругвями и иконами на православную демонстрацию. В них начали стрелять с тротуаров... Это были боевики латышских дружин и отряды еврейской самообороны. Последние, видимо, решили, что рабочие задумали погром, и напали первыми. В завязавшейся кутерьме то те, то эти брали верх. Два дня на Московском форштадте лилась кровь. Погибли шесть латышей, три русских и два еврея. Среди тридцати шести раненых большинство тоже оказались латышами.

Волнения были не только в Риге. В Туккуме^[71] 29 ноября толпа напала на местный гарнизон. Он состоял из полуэскадрона 2-го драгунского Псковского полка. В схватке были убиты восемнадцать драгун и комендант города подполковник Миллер. Раненых добивали ножами...

Власти ответили карательными экспедициями, которые в жестокости состязались с акциями революционеров. Распря залила кровью весь Прибалтийский край. Когда в городах уже был восстановлен порядок, заволновались уезды. В те дни по всей России сжигали помещичьи усадьбы. Но именно в остзейских губерниях война крестьян с помещиками приняла наиболее жуткие формы. Арендаторы, столетиями терпевшие притеснения баронов, наконец отомстили. Они спалили 40 % всех поместий – больше чем где бы то ни было в империи. (В среднем по России сожгли лишь 6,6 % помещичьих имений.) Военные пришли в деревни и стали вешать и пороть. В ответ «лесные братья» начали партизанскую

войну, которая длилась до 1908 года. Погибли сотни русских солдат и тысячи латышей.

Вихрь революции резко переменял судьбу А. Ф. Кошко. Бывший подпоручик запаса армейской пехоты сделал к тому времени хорошую карьеру. Перейдя в сыскную полицию, он быстро дорос до начальника отделения. Но угар девятьсот пятого года едва не стоил ему жизни. На квартиру к приставу явились десять вооруженных боевиков, понятно, зачем. По счастью, тот отсутствовал. После этого происшествия он сбежал в Петербург. Послужив некоторое время в Царском Селе, Кошко неожиданно стал помощником знаменитого В. Г. Филиппова, начальника сыскной полиции столичного градоначальства. Спустя несколько лет он был назначен начальником МСП^[72], где и получил заслуженную известность как выдающийся сыщик. В 1914 году Аркадий Францевич перешел в Департамент полиции и служил вместе с Лыковым в знаменитом Восьмом делопроизводстве.

Латышские боевики-анархисты поставили с ног на голову даже спокойный Лондон. 16 декабря 1910 года они решили ограбить ювелирную лавку в Уайтчепеле. Сняли квартиру над ней и стали пробивать пол. Шум слышали соседи и вызвали полицию. Прибыл наряд, бобби были вооружены лишь дубинками. Латыши без раздумий открыли по ним огонь. Два сержанта и констебль были убиты, еще двое ранены; анархисты сбежали.

Это было неслыханное происшествие для Англии: там преступники обычно сдавались без сопротивления. А тут расстрел безоружных полицейских, мгновенно, без колебаний. Привычки, приобретенные в революцию девятьсот пятого года... Скотланд-Ярд вышел на след убийц 3 января, их явку обнаружили с помощью осведомителя в доме номер сто на Сидней-стрит. Полиция окружила здание. Сержант стал кидать камешки в окно, чтобы оповестить боевиков, что они окружены, и предложить сдаться. Сразу в него прилетели четыре пули...

Началась перестрелка. Полицейские были вооружены бесполезными на таком расстоянии дробовиками. Латыши отвечали из маузеров, и много результативнее. В конце концов министр внутренних дел Уинстон Черчилль вызвал шотландских гвардейцев, кучу снайперов и даже взвод полевой артиллерии. Началась осада, среди полиции появились раненые. Дом загорелся и частично обвалился. В разгромленной квартире нашли всего два трупа. Это были латышские анархисты Думниекс (Сваар) и Ватель (Соколов). Их предводитель, знаменитый Петр Маляр, скрылся загадочным образом. Двоюродного брата Думниекса Екаба Петерса

пытались осудить – трое полицейских были убиты из его пистолета. Не вышло: адвокаты воспользовались тем, что прямых свидетелей не было, и Петерса оправдали за недоказанностью. Он стал модной фигурой в светском обществе. Кузина Черчилля Клер Шеридан боролась за его сердце с дочерью банкира Мэй Фриман. Деньги взяли верх, и боевик женился на Мэй...

В пламени революционной борьбы подросли молодые волки вроде тех, кто встретился Лыкову в Риге в 1898 году. Появились легендарные личности, умеющие хладнокровно убивать людей. Некий товарищ Гришка (боевик ЛСДРП Кристап Салнынь) тоже научился стрелять, не вынимая рук из карманов, и перебил кучу «шпигов». В подполье шлифовали свое мастерство Петерис Кюзис (более известный как Ян Берзин), Янис Крикман, Алфред Тилтынь... И воспитывали новых волчат вроде Артура Спрогиса. После Великой и Октябрьской они попытались захватить власть у себя на родине. Латвийская республика отбилась. И многочисленные боевики, храбрые, опытные и безжалостные, стали изгнанниками. Они превратились в самых ярых защитников большевистского режима, ведь идти им было некуда... Латышские стрелки охраняли московский Кремль и поезд Троцкого. ВЧК-ОГПУ и Разведупр (военная разведка) были переполнены специалистами по тайным операциям латышского происхождения. Не эстонцами или литовцами, а именно латышами. Лацис, Петерс, Берзин, Заковский – только наиболее известные из них. По сути, как раз они создали советскую разведку и контрразведку. И были потом уничтожены тем режимом, за который боролись и в жертву которому принесли множество людских жизней...

СНОСКИ

Горемыкин И. Л. – в 1898 году министр внутренних дел (Здесь и далее примеч. автора).

Саврас – бабник, юбочник.

См. повесть «Ночные всадники» в одноименном сборнике.

Согласованная картечь – картечь, уложенная в заряде особым образом, для повышения кучности боя.

Экспресс – телеграмма-молния.

Базалай – знаменитый род кумыкских оружейников, имя стало нарицательным.

Санкт-Петербург, Москва и Варшава.

«Красная шапка» – артельный курьер.

Тантьема – премия.

«Трэнь-де-люкс» – поезд Петербург – Ницца через Варшаву и Вену.

Прага – правобережное предместье Варшавы.

«Суконная гвардия» – полки 3-й гвардейской пехотной дивизии, расквартированные в Привислинском крае и считавшиеся поэтому второсортными.

Выдел следячи – сыскная полиция (польск.).

Кавярня – кофейня (польск.).

Поляки заимствовали слово «сволочь» из русского языка, но произносили его с твердым «ч» на конце.

Кассой тогда называли и сейф.

Секционная камера – морг.

См. книгу «Туркестан».

Официально должность Кнаута называлась так: пристав, заведывающий сыскной частью.

Литераты – местная интеллигенция.

Портяночник – налетчик, мелкий грабитель (жарг.).

Специалист по зеленому полю – картежник.

Тогда для назначения на хорошую должность часто требовался залог. Он вносился на счет работодателя и хранился там до увольнения работника. В случае возникновения убытков по вине последнего они покрывались из суммы залога.

Врид – временно исправляющий должность.

Томпаковый – сделанный из томпака, разновидности латуни.

Железный мост – название железнодорожного моста в Риге.

Дуван – воровская добыча (жарг.).

Кле – вещи (жарг.).

Маз – главарь банды (жарг.).

Хоровод – шайка (жарг.).

Владельцам пивных, портерных, а также питейных лавок запрещалось иметь женскую прислугу, даже из числа родственников.

Шлипер, мурлат (правильно мауэрлат) – виды брусьев для жилищного строительства.

Привилегия – патент.

Дюна – Двина (нем.).

Ротонда – верхняя женская одежда без рукавов.

Малашка – документ, удостоверение личности (жарг.).

«Летучая мышь» – потайной керосиновый фонарь с раздвижными шторками, обычно использовался квартирными ворами.

Отчетные отделения военных округов занимались разведкой.

См. книгу «Пуля с Кавказа».

Там располагалось Министерство внутренних дел.

ГЖУ – Губернское жандармское управление, территориальный орган
Отдельного корпуса жандармов.

Там располагалось Военное министерство.

Блатер-каин – маклак, барыга, скупщик краденого.

Домкирхе – Домский собор.

Красные спикеры (иначе *Красные амбары*) – складской комплекс между Туккумским вокзалом и Гостиным двором.

Русская военная разведка не успела послать этих офицеров на испано-американскую войну из-за ее скоротечности. Через год оба приняли участие в другой войне – англо-бурской.

Домзак – дом предварительного заключения, петербургская следственная тюрьма.

Стремижка – салака.

Сальватор – марка пива ильгеемского завода.

Спечь рака – покраснеть от смущения, стыда (*устар.*).

Сложить – убить (жарг.).

Дом Шварцгаунтеров – Дом Черноголовых, известный рижский купеческий клуб.

То есть за них не заплачена таможенная пошлина.

Сорга – деньги (жарг.).

Вытравка – татуировка.

Печать больницы на Александровской высоте.

Отношение – служебное письмо.

7,5 mm.

Вестач – вестовой.

Официальная формулировка того времени.

Пудрет – популярное тогда удобрение, изготовлялось из фекалий с добавлением торфа, опилок, гипса и т. п.

Неявленный вид – документ, удостоверяющий личность и не прописанный в полиции.

Анчутка – черт.

Отдать деньги на вохенгельд – положить их в рост под проценты.

Законодательство Российской империи регламентировало максимальный процент займа.

«Муда» – пехота (*жарг.*).

Вторая повестка – сигнал трубы на построение (первая – побудка).

Жавелевая вода – хлорированная.

Татерсаль – место, где продают лошадей и собираются лошатники; неофициальный клуб любителей верховой езды.

Однако больше всех, как ни странно, выиграл В. М. Войтов: в ноябре 1898 года он был произведен в следующий чин коллежского советника.

Туккум – в то время город Курляндской губернии, но население его было и есть почти исключительно латышское. Сейчас город Тукумс находится в Латвии.

МСП – Московская сыскная полиция.